

ISSN 2413-8584

АЛТАЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

---

e-mail: epb@asu.ru сайт: <http://journal.asu.ru> 2023. № 1

ECONOMICS PROFESSION BUSINESS

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

Научный рецензируемый журнал. Издаётся с 2014 г. Выпускается 4 раза в год

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор: *В. В. Мищенко*, доктор экономических наук, профессор

Редакционный совет

И. С. Абдулаев, д-р экон. наук, проф. (г. Ургенч, Узбекистан);
В. И. Благоев, д-р наук, проф. (г. Варна, Болгария);
А. С. Новоселов, д-р экон. наук, проф. (г. Новосибирск);
П. А. Ореховский, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
И. В. Рощина, д-р экон. наук, проф. (г. Томск);
И. С. Санду, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
В. И. Суслов, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН (г. Новосибирск);
У. К. Шеденов, д-р экон. наук, проф. (г. Алматы, Казахстан);
Ш. Г. Юлдашев, д-р экон. наук, проф. (г. Ташкент, Узбекистан).

ISSN 2413-8584

Редакционная коллегия

В. И. Беляев, д-р экон. наук, проф.;
С. Н. Бочаров, д-р экон. наук, проф.;
И. Н. Дубина, д-р экон. наук, проф.;
С. В. Лобова, д-р экон. наук, проф.;
С. И. Межов, д-р экон. наук, проф.;
А. Я. Троцковский, д-р соц. наук,
канд. экон. наук, проф.;
Е. Е. Шваков, д-р экон. наук, проф.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС 77–77154 от 10 декабря 2019.

Индекс в каталоге Урал-Пресс — **ВН018442**. Цена свободная.

Журнал «Экономика Профессия Бизнес» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктор и кандидат наук.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в Интернете по адресу: <http://www.elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

Все права защищены. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Founder: Federal state budgetary educational institution of higher education “Altai State University”

Editor-in-Chief: *V. V. Mishchenko*, Prof.

Editorial Council

I. S. Abdulaev, Prof. (Urgench, Uzbekistan);
V. I. Blagoev, Prof. (Varna, Bulgaria);
A. S. Novoselov, Prof. (Novosibirsk);
P. A. Orekhovskiy, Prof. (Moscow);
I. V. Roshchina, Prof. (Tomsk);
I. S. Sandu, Prof. (Moscow);
V. I. Suslov, Prof., Corresponding member of RAS (Novosibirsk);
W. K. Shedenov, Prof. (Almaty, Kazakhstan);
Sh. G. Yldashev, Prof. (Tashkent, Uzbekistan).

Editorial Board

V. I. Belyaev, Prof.;
S. N. Bocharov, Prof.;
I. N. Dubina, Prof.;
S. V. Lobova, Prof.;
S. I. Mezhev, Prof.;
A. Ya. Trotskovskiy, Prof.;
E. E. Shvakov, Prof.

The journal is registered in the Federal Service for supervision of communications, information technology and mass media. The Certificate of Registration PI № FS 77–77154 issued on December 10, 2019.

The subscription index in the “Ural Press” catalog is BH018442.

The journal is included into the list of Periodical recommended for publishing doctoral research results by the higher attestation Commission of the RF Ministry of Science and Higher Education.

The articles published in the journal are included in the Russian Science Citation Index, available at the Internet address <http://www.elibrary.ru> (Scientific Electronic Library).

All rights reserved. Reference to the journal is required when using any part of the content.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абрамов Н. М., Рудакова О. Ю.</i> ВЕКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА	5
<i>Асканова О. В.</i> ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ	14
<i>Бородин В. А., Бородин В. Д.</i> ЭКОНОМИКА АЛТАЯ: РЕЦЕССИЯ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 И УЖЕСТОЧЕНИЯ САНКЦИОННОГО РЕЖИМА	23
<i>Захматов Д. Ю., Козырь Ю. В.</i> О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕОРИИ ОПЦИОНОВ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ СТОИМОСТИ ESG-ОРИЕНТИРОВАННОГО БИЗНЕСА	30
<i>Киселева Е. Н., Шатохин М. В., Жахов Н. В., Сурай Н. М.</i> ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ СТРОИТЕЛЬНОГО РЫНКА НА ПРОГРЕССИВНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА	42
<i>Крышка В. И., Беляев В. И.</i> ПРИНЦИП ПЕРСОНАЛИЗМА В РЕОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ОТКАЗА ОТ «БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА»: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И ТЕОРИИ	52
<i>Мамлеева Э. Р., Трофимова Н. В., Сазыкина М. Ю.</i> БЮДЖЕТ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН КАК ИНСТРУМЕНТ ЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ	59
<i>Мартенс А. А., Деркач Н. О., Лепешкина С. В.</i> АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ МНОГОКВАРТИРНОГО ФОНДА АЛТАЙСКОГО КРАЯ КАК ОБЪЕКТА СИСТЕМЫ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА РЕГИОНА	73
<i>Санникова И. Н., Дубина И. Н., Межов С. И.</i> ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КОМПЛЕКСНЫМИ РИСКАМИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ: ПОСТАНОВКА И ПУТИ РЕШЕНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ	81
<i>Сергиенко А. М.</i> ПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЕМ АЛТАЙСКОГО КРАЯ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	90
<i>Троцковский А. Я., Родионова Л. В.</i> МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ	101
<i>Чиркова О. А.</i> КОРРЕКТИРОВКА МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	108
<i>Шамардина М. В., Киреева Н. В., Клевцова Е. А.</i> ИЗУЧЕНИЕ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В КОНТЕКСТЕ КОМАНДНЫХ РОЛЕЙ	115
<i>Шевчук Н. А., Кудинова М. Г.</i> ВЫЯВЛЕНИЕ СТРУКТУРНОЙ ДИНАМИКИ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЕСТЕСТВЕННЫХ И МИГРАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ	122
НАШИ АВТОРЫ	133
ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС»	135

CONTENTS

<i>Abramov N. M., Rudakova O. Yu.</i> EURASIAN ECONOMIC UNION SUSTAINABLE DEVELOPMENT VECTOR: RETROSPECTIVE AND OUTLOOK	5
<i>Askanova O. V.</i> INNOVATIVE AND INVESTMENT ACTIVITIES OF DOMESTIC ENGINEERING: STATUS AND TRENDS	14
<i>Borodin V. A., Borodin V. B.</i> ASSESSING THE IMPACT OF COVID-19 AND SANCTIONS ON THE ALTAI ECONOMY: A RECESSIONARY PERSPECTIVE.....	23
<i>Zakhmatov D. Yu., Kozyr Y. V.</i> EXPLORING THE APPLICABILITY OF OPTION THEORY IN VALUING ESG-FOCUSED BUSINESSES.....	30
<i>Kiseleva E. N., Shatokhin M. V., Zhakhov N. V., Suray N. M.</i> THE ROLE OF THE CONSTRUCTION MARKET IN THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGIONAL SYSTEMS: AN EMPIRICAL ANALYSIS.....	42
<i>Kryshka V. I., Belyaev V. I.</i> REORGANIZING HIGHER ECONOMIC EDUCATION: EMBRACING PERSONALISM AND MOVING BEYOND THE BOLOGNA PROCESS IN METHODOLOGY AND THEORY	52
<i>Mamleeva E. R., Trofimova N. V., Sazykina M. Yu.</i> ADAPTING TO NEW CONDITIONS: ANALYZING THE ROLE OF THE BUDGET OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN ITS SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT.....	59
<i>Martens A. A., Derkach N. O., Lepeshkina S. V.</i> OPTIMIZING OVERHAUL OF THE MULTI-APARTMENT FUND IN THE ALTAI TERRITORY: ANALYSIS AND PROPOSALS.....	73
<i>Sannikova I. N., Dubina I. N., Mezhev S. I.</i> MANAGING COMPLEX RISKS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES: PROBLEM STATEMENT AND SOLUTIONS FOR FORMING A MANAGEMENT SYSTEM.....	81
<i>Sergienko A. M.</i> CHANGES IN FOOD CONSUMPTION BY THE POPULATION OF THE ALTAI TERRITORY ACROSS DIFFERENT STAGES OF ECONOMIC DEVELOPMENT: A METHODOLOGICAL ANALYSIS	90
<i>Trotskovsky A. Ya., Rodionova L. V.</i> METHODOLOGICAL APPROACH TO ANALYZING INTERREGIONAL TRADE AND ECONOMIC RELATIONS: THE CASE OF THE ALTAI TERRITORY.....	101
<i>Chirkova O. A.</i> REVAMPING THE MECHANISM FOR EXECUTING MUNICIPAL STRATEGIC DEVELOPMENT PROGRAMS	108
<i>Shamardina M. V., Kireeva N. V., Klevtsova E. A.</i> EXAMINING COPING BEHAVIOR OF CIVIL SERVICE LEADERS THROUGH TEAM ROLES ANALYSIS.....	115
<i>Shevchuk N. A., Kudinova M. G.</i> ANALYZING NATURAL AND MIGRATION FACTORS: UNDERSTANDING THE STRUCTURAL DYNAMICS OF ALTAI REGION'S POPULATION	122
OUR AUTHORS.....	133
ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES FOR "ECONOMICS PROFESSION BUSINESS".....	135

ВЕКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

Н. М. Абрамов, О. Ю. Рудакова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Непрерывные глобальные трансформации международного рынка ставят новые задачи перед национальными экономиками и актуализируют формирование и укрепление интеграционных процессов. Авторами проведен ретроспективный анализ становления и развития социально-экономических отношений в рамках Евразийского экономического союза, статистический и структурный анализ динамики основных показателей взаимодействия, а также оценка перспектив и возможностей для дальнейшего сотрудничества. В результате исследования авторы подтвердили гипотезу о недостаточной конкурентоспособности национальных экономик, слабой разветвленности и сбалансированности внешнеторговых связей, ограничивающих экспортные возможности Евразийского экономического союза, противоречивости регуляторной среды, необходимости смещения вектора сотрудничества на пути взаимной поддержки, обеспечения социально-экономической и демографической безопасности, сохранения здоровья и уровня жизни населения, постоянного роста интеграционного потенциала. В статье сформулированы основные проблемы взаимодействия стран-участников Евразийского экономического союза, предложены направления и механизмы расширения интеграционных связей и пути повышения эффективности сотрудничества через переход на качественно новый уровень социально-экономического развития.

Ключевые слова: экономическая интеграция, Евразийский экономический союз, социально-экономическое развитие, проблемы безопасности, перспективы интеграции.

EURASIAN ECONOMIC UNION SUSTAINABLE DEVELOPMENT VECTOR: RETROSPECTIVE AND OUTLOOK

N. M. Abramov, O. Yu. Rudakova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The continuous transformation of the global market poses challenges for national economies, requiring the formation and strengthening of integration processes. To analyze the development of socio-economic relations within the Eurasian Economic Union (EAEU), the authors conducted a retrospective analysis, statistical and structural analysis of key indicators, and assessed prospects for further cooperation. The study confirmed the hypothesis of insufficient competitiveness of national economies, weak foreign trade relations, and an inconsistent regulatory environment that limits export opportunities. The authors recommend shifting the focus of cooperation towards mutual support, ensuring socio-economic and demographic security, and maintaining living standards. The article identifies the main problems of interaction between EAEU member countries and suggests directions for expanding integration ties to increase the effectiveness of cooperation. The authors propose transitioning to a new level of socio-economic development for the EAEU.

Keywords: economic integration, Eurasian Economic Union, socio-economic development, security issues, integration prospects.

Введение. Современные тенденции на международном рынке и геополитическая ситуация неоднозначны и требуют эффективных интеграционных решений, развития и поддержки межрегиональных и международных интеграционных процессов. Одним из перспективных направлений таких решений для России является взаимодействие с государствами бывшего СССР в рамках Евразийского экономического союза.

На интеграционные процессы влияют исторические аспекты сложившихся ранее отношений между государствами, территориальная близость, сходство экономического уклада и культурных ценностей, общность экономических интересов, целей и задач. Поскольку основой функционирования любого государства является экономическая сфера, важно рассмотреть вопросы ее обеспечения необходимой инфраструктурой и элементами, в частности эффективной и единой для всех участников нормативно-правовой средой, нормами культурного взаимодействия, условия осуществления финансово-хозяйственной деятельности и обеспечения безопасности. Такое разнообразие задач и условий эффективности интеграционных процессов становится полем для научных и практических дискуссий, предложений и рекомендаций по развитию отношений в рамках интеграционных объединений в целом и Евразийского экономического союза в частности.

Так, обсуждаются вопросы влияния членства в Евразийском экономическом союзе на формы и методы государственного управления, экономическую безопасность и уровень экономического развития [1, 2, 3], возможность взаимодействия Евразийского экономического союза с третьими странами, в том числе с культурно-гуманитарной точки зрения [4], создание собственного центра притяжения для торговли на территории государств-членов Евразийского экономического союза за счет формирования зон свободной торговли, расширения спектра региональных и международных торговых соглашений [5, 6, 7]. Основными факторами такого развития авторы называют межгосударственное сотрудничество и геополитическую ситуацию.

В условиях распространения пандемии COVID-19 исследования в области обеспечения демографической безопасности, миграционных процессов и здоровья населения как стратегического ресурса социально-экономического развития [8, 9], интеграции в сфере образования [10], на уровне предприятий в форме кооперации и субподряда как источник наращивания производственного потенциала, активизации процессов реструктуризации производств и перехода их на качественно новый уровень [11], возможность ускорения

темпов социально-экономического развития стран за счет реализации стратегии цифровизации и факторы, сдерживающие этот процесс (отсутствие программ реализации в Армении, Кыргызстане и Таджикистане, проблемы цифровой грамотности, ограниченное использование цифровых технологий в промышленности и др.) [12, 13]. Остаются актуальными вопросы о перспективах отношений Евразийского экономического союза и Европейского союза, проблемах и ограничениях в экономической и социальной сферах. Их обсуждение состоялось на Международной конференции 12 ноября 2020 г. в Москве [14].

Несмотря на обилие научных исследований, посвященных отдельным функциональным направлениям, отсутствует комплексный междисциплинарный подход к проблемам и перспективам интеграции, существующий в масштабах Евразийского экономического союза. Мировой опыт показывает, что зачастую интеграционные объединения формируются под влиянием общего геополитического соперника, общего культурного кода и мощной экономической базы взаимодействия. Хотя эти условия и выступают объединяющими, их действие остается ограниченным во времени и является серьезным препятствием для дальнейшего развития интеграционного потенциала образующихся объединений.

Особый интерес представляет проблема взаимоотношений внутри интеграционных объединений, основы их формирования и мониторинга социально-экономических результатов принимаемых решений на основе комплексного междисциплинарного подхода. В статье проводится ретроспективный анализ процессов формирования интеграции между странами Евразийского экономического союза с учетом последствий принимаемых решений, сдерживающих факторов дальнейшего развития интеграции, влияния геополитических тенденций и внутренних противоречий, оценка динамики и препятствий на пути достижения интеграционных целей и задач на основе социально-экономических показателей, направлений и механизмов расширения интеграционных связей и путей повышения эффективности сотрудничества.

Цель исследования — оценка перспектив устойчивого развития и обоснование направлений и механизмов расширения интеграционного потенциала Евразийского экономического союза. В задачи исследования входит ретроспективный анализ становления и развития социально-экономических отношений в рамках Евразийского экономического союза, статистический и структурный анализ динамики основных показателей взаимодействия, оценка динамики и препятствий на пути достижения интеграционных целей и задач, разра-

ботка направлений и механизмов расширения интеграционных связей в целях повышения эффективности сотрудничества.

Методология исследования базируется на принципах системно-интегрированного и детерминированного подходов.

Объектом исследования являются интеграционные процессы между странами-членами Евразийского экономического союза. Исходными данными для оценки перспектив развития интеграционных процессов послужили ранее проведенные исследования историко-правовых, методологических и методологических аспектов формирования, функционирования и развития интеграционных объединений.

Методологические ограничения заключаются в узком информационном представлении последствий международных договоров и решений, принимаемых органами управления Евразийского экономического союза, противоречий в правовом регулировании интеграционных отношений. Их влияние на результаты исследования проявляется в формировании гипотетических и прогностических выводов и рекомендаций, которые не являются устойчивыми и требуют последующей более детальной проработки с учетом поставленных задач.

Полученные результаты. История создания Таможенного союза на постсоветском пространстве началась с подписания Договора «О создании Экономического союза» еще в сентябре 1993 г.¹ Позднее был реализован ряд соглашений, одно из которых предусматривало формирование Таможенного союза между Россией, Республикой Беларусь и Казахстаном². Поэтапное формирование Таможенного союза предусматривало отмену ограничений во взаимной торговле, введение единого торгового режима и тарифов, мер нетарифного регулирования, приведение к единой системе налогового и таможенного законодательства с целью последующего формирования единой таможенной территории для государств-членов.

Однако на практике противоречия в экономических интересах стран стали препятствием для достижения целей и задач таможенной интеграции и фактором формирования новых ограничений, распространившихся не только на третьи страны, но и на самих участников Союза. Необходимо также учитывать тот факт, что интеграция осуществлялась между государствами с различным экономи-

ческим (и технологическим) укладом и степенью рыночных реформ. Подтверждением тому является вступление в Таможенный союз Кыргызстана (1996 г.) и Таджикистана (1999 г.). Неудачи создания Таможенного союза в середине 90-х коренятся в эгоистичном стремлении региональных элит завладеть всей полнотой власти. В этот период времени им было просто невыгодно унифицировать таможенную политику с Российской Федерацией. Для сохранения отечественной промышленности Россия нередко принимала меры по защите собственного внутреннего рынка посредством тарифного и нетарифного регулирования.

В октябре 2000 г. Таможенный союз был преобразован в Евразийское экономическое сообщество пяти стран: России, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана³. Нормы международного права выступали нормативно-правовым обеспечением интеграционного образования. Были сформированы необходимые институты: Евразийский банк развития, Суд, Антикризисный фонд и др.

В отличие от Таможенного союза 1995 г. Евразийское экономическое сообщество ставило перед собой более серьезные интеграционные задачи. Наряду с созданием зоны свободной торговли, введением единого таможенного тарифа и системы нетарифного регулирования партнеры по сообществу стремились к созданию совместного транспортного, энергетического и финансового рынка, свободного движения капитала, товаров и рабочей силы. Прогрессивные инновации включают создание равных условий для доступа к инвестициям, совместную реализацию программ, соблюдение национального законодательства и введение единой валюты. Различия экономических систем и потенциалов стран, составляющих интеграционное сообщество, множество разногласий по ключевым параметрам стали препятствием на пути к достижению поставленных целей и задач. Нерешенной задачей на тот момент было введение единой валюты, требующее создания единого наднационального регулирующего органа и делегирования ему полномочий центральными банками государств-членов. Они не были готовы положительно решить этот вопрос.

Очередная попытка формирования Таможенного союза была предпринята в августе 2006 г. с участием действительно готовых государств — России, Казахстана и Белоруссии (к этому времени Россия и Казахстан стали мощными энергетиче-

¹ Договор о создании Экономического союза. 24 сентября 1993 г., Москва, Россия [Treaty on the establishment of an economic union. September 24, 1993, Moscow, Russia]

² Соглашение «О Таможенном союзе» (20 января 1995 г.), Москва, Россия. [Agreement «On the Customs Union» (January 20, 1995), Moscow, Russia].

³ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества. 10 октября 2000, Астана, Казахстан [Treaty on the Establishment of the Eurasian Economic Community. October 10, 2000, Astana, Kazakhstan].

ческими державами, а Белоруссия). Отсутствие Киргизии и Таджикистана среди участников объединения было обусловлено нерешенностью ряда экономических проблем, требующих детального и более длительного изучения. Началом формирования организационно-правовой, организационно-экономической и договорно-правовой базы нового Таможенного союза в октябре 2007 г. стал пакет соответствующих документов, согласованных и подписанных на саммите ЕврАзЭС, и планы по их реализации. Так, в этот период были приняты: система единого таможенного регулирования и регулирования внешнеэкономической деятельности; система санитарного, ветеринарного, фитосанитарного и других видов контроля; единые перечни товаров, подлежащих такому контролю; положения о порядке перемещения товаров в рамках таможенной границы Таможенного союза. Дополнительным стимулом для ускорения решения интеграционных задач стал мировой финансовый кризис, последствия которого ощутили на себе многие государства. В результате в 2008–2009 гг. было согласовано и подписано около четырех десятков международных договоров (о создании единой таможенной территории Таможенного союза, о Комиссии Таможенного союза, о порядке вступления в силу международных договоров, ориентированных на формирование правовой базы Таможенного союза, выход из них и присоединение к ним и др.).

В 2010 г. вступает в силу Соглашение о Таможенном кодексе Таможенного союза для России, Казахстана и Беларуси. Существенно снижается финансовая нагрузка на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность на территории Союза: товары, произведенные на его территории, а также перемещаемые в рамках взаимной торговли, не обременены таможенными пошлинами, сборами, не помещенные под таможенную процедуру экспорта и выпуска товаров для внутреннего потребления¹.

В этот же период начинает действовать порядок зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин в отношении ввозимых товаров. После присоединения к Евразийскому экономическому сообществу Армении (2014 г.) и Кыргызстана (2015 г.) система централизованного распреде-

ления таможенных платежей выглядит следующим образом: Россия — 85,33% от общей суммы сборов, Казахстан — 7,11%, Беларусь — 4,55%, Кыргызстан — 1,9%, Армения — 1,1% [15].

29 мая 2014 г. между Россией, Белоруссией и Казахстаном было заключено Соглашение о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), согласно которому целями его формирования являлись: создание условий для стабильного развития экономики государств, вступивших в организацию в интересах повышения уровня жизни своего населения; формирование в рамках Союза единого рынка товаров, капитальных услуг и трудовых ресурсов; всесторонняя поддержка, сотрудничество, повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях процесса глобализации². Мы согласны с мнением большинства экспертов о том, что данное Соглашение открывает перед странами-участницами глобальные возможности для бизнеса и создает благоприятные условия для формирования новых динамично развивающихся рынков. ЕАЭС имеет международную правосубъектность, создан с целью модернизации и создания условий для стабильного развития экономик входящих в него государств, повышения благосостояния народов этих стран. Постоянно действующим регулирующим органом ЕАЭС является Евразийская экономическая комиссия, действующая с 2012 года и выполняющая более 170 функций (зачисление и распределение ввозных таможенных пошлин, установление торговых режимов в отношении третьих стран, таможенно-тарифное и нетарифное регулирование, статистика иностранных и взаимная торговля; валютная политика; таможенное администрирование и др.).

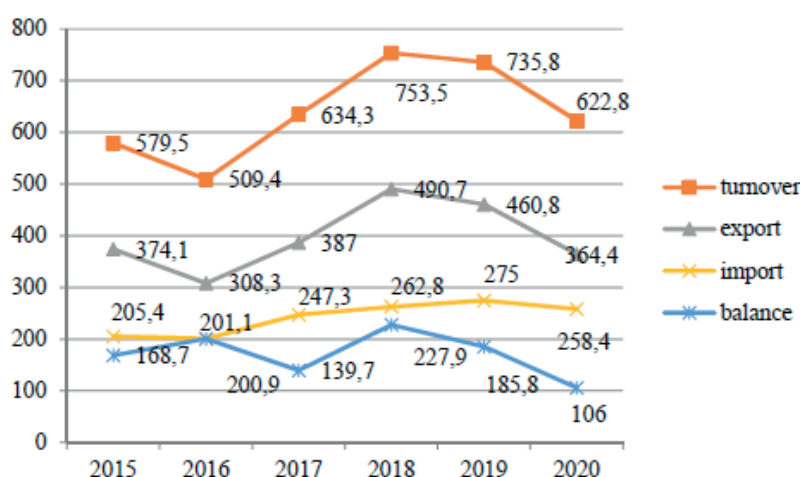
В последние годы интерес к ЕАЭС проявляют и другие страны: потенциальными претендентами на членство являются Турция, Тунис, Иран, Сирия, Туркменистан, Таджикистан, Молдова, Узбекистан, Монголия. Узбекистан и Таджикистан готовы к сотрудничеству. Еще один формат сотрудничества — государства-наблюдатели (этот статус Молдова получила 14 мая 2018 г.) [15].

По показателям и результатам развития внешней торговли товарами стран-членов Евразийского экономического союза в годовщину его образования было не очень продуктивным (рис.).

¹ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения 10.10.2022 г.). [Customs Code of the Eurasian Economic Union. Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (accessed 10.10.2022).]

² Договор о Евразийском экономическом союзе. 29 мая 2014., Астана, Казахстан [Treaty on the Eurasian Economic Union. May 29, 2014, Astana, Kazakhstan]

Динамика внешней торговли ЕАЭС с третьими странами в 2015–2020 гг., млрд долл. США
 Источник: составлено авторами на основе статистики ЕАЭС

Значительный рост товарооборота в исследуемом периоде произошел в последние четыре года. Снижение внешнеторгового оборота в 2020 г. обусловлено экономическим кризисом, вызванным пандемией коронавируса COVID-19, а также санкциями стран Европы, США, Англии, Канады. Без этих препятствий на пути го-

сударств-членов Евразийского экономического союза показатели внешней торговли товарами из третьих стран были бы гораздо значительнее и весомее.

За годы функционирования ЕАЭС заметно улучшились позиции его членов. Об этом убедительно свидетельствуют данные таблицы.

Вклад стран Евразийского экономического союза в совокупные показатели внешней торговли, %

Страна	2015			2016			2017		
	Оборот	Экспорт	импорт	Оборот	Экспорт	импорт	Оборот	Экспорт	импорт
Армения	0,6	0,3	1,1	0,7	0,5	1,1	0,7	0,4	1,1
Беларусь	5,0	4,2	6,4	4,8	3,9	6,1	4,8	4,0	5,9
Казахстан	10,4	10,9	9,4	9,5	10,6	7,7	9,5	11,2	6,9
Кыргызстан	0,5	0,3	1,0	0,7	0,4	1,2	0,6	0,3	1,1
Россия	83,5	84,3	82,1	84,3	84,6	83,9	84,4	84,1	85,0
Страна	2018			2019			2020		
	Оборот	Экспорт	импорт	Оборот	Экспорт	импорт	Оборот	Экспорт	импорт
Армения	0,7	0,4	1,4	0,8	0,4	1,4	0,8	0,5	1,1
Беларусь	4,7	4,1	6,0	4,8	4,0	6,3	5,0	4,1	6,2
Казахстан	9,9	11,2	7,3	10,3	11,2	8,9	10,5	11,4	9,3
Кыргызстан	0,6	0,2	1,2	0,6	0,3	1,0	0,5	0,4	0,7
Россия	84,1	84,1	84,1	83,5	84,1	82,4	83,2	83,6	82,7

Источник: составлено авторами на основе статистики ЕАЭС.

За исследуемый период Армения значительно повысила свой рейтинг: внешняя торговля увеличилась с 0,6% в 2015 г. до 0,8% в 2020 г. (в стоимостном выражении с 3381 до 4690 млн долл. США соответственно). Доля внешнеторгового оборота Беларуси среди государств-членов ЕАЭС за исследуемый период составляет 5%. Казахстан занимает стабильное положение по объему товарообо-

рота. Доля его вклада в совокупные показатели внешней торговли товарами с третьими странами увеличивается с 10,4% в 2015 г. до 10,5% в 2020 г. (с 60 до 65 млрд долл. США соответственно). Положительные изменения наблюдались во внешнеторговом обороте Кыргызстана. Доля взноса на начало и конец анализируемого периода составляет 0,5%, хотя данный показатель в 2016 г. состав-

лял 0,7%, в 2017, 2018, 2019 гг. — 0,6%. На данный момент Кыргызстан характеризуется стабильным, как и Армения, отрицательным торговым балансом. Лидирующее положение занимает Россия: доля внешнеторгового оборота несколько снизилась, если в 2015 г. она составляла 83,5%, то в 2020 г. — 83,2% (484 и 518 млрд долл. США соответственно). При этом торговый баланс сократился со 146 до 91 млрд долл. Тенденции экспорта государств-членов ЕАЭС за последние шесть лет полностью совпадают с динамикой внешнеторгового оборота (рис. 1). Значительный рост стоимости экспорта (на 80%) за счет роста средних цен на 20,4% и физического объема на 4,2% наблюдается с 2017 г. Максимальная стоимость экспорта приходится на 2018 г. — 490,7 млрд долл. США. Совокупное снижение экспорта в 2020 г. было обусловлено снижением продаж энергетических продуктов, стоимость которых снизилась на 35,7%, прочих промежуточных товаров на 6,6% и инвестиционных товаров на 12,9%. При этом объем экспорта товаров народного потребления увеличился на 5,6%. Основными потребителями товаров, экспортируемых странами ЕАЭС, являются страны Евросоюза (преимущественно Нидерланды, Германия, Италия, Польша) — в 2015 г. 53,2% от общего объема экспорта, в 2020 г. — только 37,6%, страны АТЭС (преимущественно Южная Корея, США) — в 2020 году 29,6% от общего объема экспорта, страны СНГ — 6,3%. Структура экспорта в разрезе стран-участниц ЕАЭС по укрупненным товарным группам имеет ярко выраженную сырьевую направленность. В целом необходимо принять меры по совершенствованию товарной структуры экспорта: увеличить долю высокотехнологичной и наукоемкой продукции, а также товаров с высокой долей добавленной стоимости в общем объеме экспорта. Снижение импорта государств-членов ЕАЭС из третьих стран мира в 2020 г. обусловлено снижением импортных закупок промежуточных товаров на 7%, товаров народного потребления — на 10,7%. Импорт инвестиционных товаров увеличился на 0,6%. В анализируемом периоде структура импорта не претерпела существенных изменений. Основными укрупненными группами импортируемых товаров остаются «Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье», «Полезные ископаемые», «Металлы и изделия из них», «Машины, оборудование и транспортные средства». Основными поставщиками импортируемой продукции являются страны АТЭС (46% от общего объема импорта), Европейский Союз (35,6%). Доля импортной продукции из стран АТЭС имеет тенденцию к неуклонному росту, установлению и укреплению взаимовыгодных торговых отношений со странами ЕАЭС.

Обсуждение. Члены ЕАЭС, реализуя цели и задачи ускоренного экономического развития своих стран на основе сотрудничества и интеграции, столкнулись с некоторыми препятствиями.

Во-первых, кризис, начавшийся в Украине, и экономические санкции, введенные в отношении России, вызвали разногласия и противоречивость взглядов России, Белоруссии и Казахстана на внешнеэкономические связи и интеграцию, негативно повлияли на соблюдение режима единой таможенной территории ЕАЭС.

Во-вторых, обострились экономические противоречия между членами ЕАЭС, что обусловлено длительными сроками формирования общих энергетических рынков, отсутствием единой валютной политики, несовершенством нормативно-правовой базы; рекомендательным, а не обязательным характером ряда положений договора о ЕАЭС.

В-третьих, реализация целей и задач ЕАЭС приходится на период мирового экономического и финансового кризиса, локального кризиса членов ЕАЭС, их вовлечения в более масштабные интеграционные проекты в качестве, в основном, поставщиков сырья и ресурсов.

В-четвертых, глобальный финансово-экономический кризис, вызванный пандемией коронавируса COVID-19, негативно сказался на результатах и темпах экономического и социального развития евразийской интеграции и всего мирового сообщества. В этот период частично приостанавливаются социально-экономические и общественные отношения, закрываются государственные границы, ограничиваются внешнеторговые связи, руководство государств ставит задачу обеспечения безопасности жизни и здоровья населения и минимизации экономических потерь в качестве первоочередной задачи. Одна из стратегических задач ЕАЭС сегодня связана с внедрением цифровизации и информатизации таможенно-тарифной деятельности с целью снижения коррупционных рисков, создания единой транзитно-цифровой системы.

Влияние государства на экономику и эффективность государственных решений, в том числе в сфере интеграционных процессов, наиболее ярко проявляются в периоды кризисов. Так, распространение COVID-19 стало основным фактором выбора сохранения здоровья и жизни населения каждой страны в качестве приоритетного направления развития ЕАЭС. Соблюдение принципов равноправного участия, культурной и религиозной толерантности, взаимного уважения и сбалансированного участия в проектах развития ЕАЭС способно укрепить отношения между странами, развивающимися в рамках ЕвразЭС. Сотрудничество уже распространяется на сферу образования и студенческого обмена, формирования единого цифрового про-

странства, отношений с новыми странами-членами ЕАЭС, здравоохранения.

Важным направлением развития ЕАЭС является расширение внешнеторговых связей и увеличение объема внешней торговли. В связи с этим перспективно развитие отношений в формате зон свободной торговли ЕАЭС с Египтом, Вьетнамом, Сингапуром, Сербией, Израилем и Индией, что стимулирует дальнейшее продвижение ЕАЭС не только к странам-партнерам, но и открывает перспективы для выхода на занимаемые ими крупные региональные рынки, установления льготного сотрудничества. Сдерживающими факторами при принятии решений о международном сотрудничестве с третьими странами остаются долгосрочные договоренности по вопросам торговли, особенно важным для конкретной страны отрасли, фрагментарность и несбалансированность национальной политики и политики ЕАЭС по вопросам преференций и свободной торговли, сохранение широких национальных торгово-экономических компетенций и ограниченной наднациональной составляющей в области торговой политики ЕАЭС [5]. Тем не менее, несмотря на неблагоприятные для развития сотрудничества ЕАЭС и ЕС препятствия, благодаря географическим факторам, разветвленной логистической и коммуникационной сети, возможности экономического обмена за счет комплементарности природно-ресурсного потенциала и неоднородности развития отраслей национальных экономик, остаются.

Еще одной перспективной задачей для государств-членов и руководства ЕАЭС является разработка мер по обеспечению миграционной безопасности евразийского пространства. Хотя в 2018 г. была достигнута договоренность между Евразийской экономической комиссией и Международной организацией по миграции о сотрудничестве в рамках глобального договора о безопасной, упорядоченной и законной миграции, остро стоит вопрос разработки критериев оценки миграционных потоков государств-членов ЕАЭС. Механизмы обеспечения демографической безопасности Евразийского экономического союза также нуждаются в уточнении [9].

Вывод. Мировой опыт показывает, что зачастую интеграционные объединения формируются под влиянием общего геополитического

соперника, общего культурного кода и мощной экономической базы взаимодействия. Несмотря на то, что эти условия выступают объединяющими, их действие остается ограниченным во времени и выступает серьезным препятствием для дальнейшего развития интеграционного потенциала образующихся объединений. На наш взгляд, цели интеграции должны быть более амбициозными, условия — более лояльными и сбалансированными, а факторы — ориентированы на долгосрочный результат. В этом случае возникающие проблемы можно рассматривать как текущие задачи, которые необходимо решать с использованием механизмов согласованной правовой базы и социально-экономических инструментов. Интеграционные союзы способны создать благоприятные условия для развития торговых отношений, способствовать укреплению всесторонних связей, тем самым обеспечивая поступательное движение к устойчивому процветанию.

Ретроспективный анализ формирования интеграционных связей в рамках ЕАЭС и результатов их количественных и качественных изменений под влиянием внутренних и глобальных геополитических факторов позволяет сделать эвристический прогноз перспектив развития ЕАЭС.

В частности, в условиях усиления геополитического давления мировых лидеров, с одной стороны, и тесных, исторически и культурно обусловленных экономических и экономических связей государств-членов ЕАЭС — с другой, позитивный сценарий успешного развития и углубление евразийской интеграции более вероятен. В то же время грамотно принятые стратегические решения, сбалансированные с глобальными технологическими тенденциями и территориальными ресурсами, и новые интеграционные инициативы, исходящие от третьих стран, носят глобальный характер и могут привести к перестройке мироустройства. Основными аргументами в пользу развития Евразийского экономического союза остаются стратегические цели социально-экономического развития, расширения торговых связей, демографической и экономической безопасности, повышения инвестиционного и инновационного потенциала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ганеева М. В. Внутренние угрозы экономической безопасности Евразийского экономического союза // Вестник РУДН. Сер. Экономика. 2017. №2. С. 168–177.
2. Плотникова В. А., Ускова К. Л. Экономическая безопасность России и развитие евразийской интеграции // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. №1 (35). С. 5–10.
3. Редкоус М. В. Некоторые вопросы государственного влияния на сферу экономики, связанные с членством в Евразийском экономическом союзе // Закон и право. 2021. №. 3. С. 15–19.

4. Крицкий Д. В. Стратегические возможности многовекторного взаимодействия на евразийском пространстве: от соперничества и доминирования к взаимовыгодному партнерству (культурно-гуманитарный аспект) // Научное наследие. 2021. № 61. С. 29–37.
5. Зуев В. Н., Островская Е. Я., Скрябина В. Ю., Калачигин Г. М. Особенности стратегии ЕАЭС по формированию сети ЗСТ ВШЭ // Экономический журнал. 2021. № 1. С. 42–64.
6. Костюнина Г. М. Внешняя торговля России со странами АСЕАН: основные тенденции развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 3. С. 43–59.
7. Оболенский В. П. Интеграционные проекты России и ЕАЭС: шанс увеличить экспорт? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 13 (3). С. 156–175.
8. Куур О. В. Оценка эффективности интеграционного развития государств-членов ЕАЭС: финансово-экономический аспект // Фундаментальные исследования. 2020. № 5. С. 105–111.
9. Осадчая Г. И., Вартанова М. Л. Демографическая безопасность и тенденции развития миграционных процессов в Евразийском экономическом союзе в условиях пандемии (COVID-19) // Вопросы управления. 2021. № 1. С. 62–74.
10. Константинова Л. В., Шубенкова Е. В., Смирнова Е. А., Гагиев Н. Н. Теоретико-методологические подходы к оценке эффективности формирования и функционирования интеграционного комплекса вузов ЕАЭС // Интеграция образования. 2021. № 25 (1). С. 43–68.
11. Урунов А. А., Морозова И. М. Кооперация и субподряд предприятий как форма углубления процесса интеграции стран в рамках Евразийского экономического союза // Офис. 2021. № 9 (1). С. 49–60.
12. Халова Г. О., Халов О. Перспективы цифровизации экономики государств АЭЭС // Инновации и инвестиции. 2021. № 2. С. 42–45.
13. Дятлов С. А. Цифровая трансформация экономик стран ЕАЭС: приоритеты и институты развития // Проблемы современной экономики. 2018. № 3 (67). С. 18–21.
14. Грачева М. Л., Давлетгильдеев Р. Ш. Европейская и евразийская интеграция: современные вызовы теории и практики // Научно-аналитический вестник ИЭ РАН. 2021. № 1. С. 134–136.
15. Статистика ЕАЭС/ Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx/ (дата обращения: 10.10.2022).

REFERENCES

1. Ganeeva M. V. Internal threats to the economic security of the Eurasian Economic Union // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics. 2017. No. 2. Pp. 168–177.
2. Plotnikova V. A., Uskova K. L. Economic security of Russia and the development of Eurasian integration // Theory and practice of service: economics, social sphere, technologies. 2018. No. 1 (35). Pp. 5–10.
3. Redkous M. V. Some issues of state influence on the sphere of economy related to membership in the Eurasian Economic Union // Law and Law. 2021. No. 3. Pp. 15–19.
4. Kritsky D. V. Strategic opportunities for multi-vector interaction in the Eurasian space: from rivalry and dominance to mutually beneficial partnership (cultural and humanitarian aspect) // Scientific heritage. 2021. No. 61. Pp. 29–37.
5. Zuev V. N., Ostrovskaya E. Ya., Skryabina V. Yu., Kalachigin G. M. Peculiarities of the EAEU Strategy for the Formation of the Higher School of Economics Free Trade Zone Network // Economic Journal. 2021. No. 1. Pp. 42–64.
6. Kostyunina G. M. Russia's foreign trade with the ASEAN countries: main development trends // Russian Foreign Economic Bulletin. 2019. No. 3. Pp. 43–59.
7. Obolensky V. P. Integration projects of Russia and the EAEU: a chance to increase exports? // Outlines of global transformations: politics, economics, law. 2020. No. 13 (3). Pp. 156–175.
8. Kuur O. V. Evaluation of the effectiveness of the integration development of the EAEU member states: financial and economic aspect // Fundamental research. 2020. No. 5. Pp. 105–111.
9. Osadchaya G. I., Vartanova M. L. Demographic security and trends in the development of migration processes in the Eurasian Economic Union during the pandemic (COVID-19) // Management Issues. 2021. No. 1. Pp. 62–74.
10. Konstantinova L. V., Shubenkova E. V., Smirnova E. A., Gagiev N. N. Theoretical and methodological approaches to assessing the effectiveness of the formation and functioning of the integration complex of EAEU universities // Integration of education. 2021. No. 25 (1). Pp. 43–68.

11. Urunov A. A., Morozova I. M. Cooperation and subcontracting of enterprises as a form of deepening the process of integration of countries within the framework of the Eurasian Economic Union // Office. 2021. No 9(1). Pp. 49–60.

12. Khalova G. O., Khalov O. Prospects for digitalization of the economy of the AEES states // Innovations and investments. 2021. No. 2. Pp. 42–45.

13. Dyatlov S. A. Digital transformation of the economies of the EAEU countries: priorities and development institutions // Problems of modern economics. 2018. No. 3 (67). Pp. 18–21.

14. Gracheva M. L., Davletgildeev R. Sh. European and Eurasian Integration: Modern Challenges of Theory and Practice // Scientific and Analytical Bulletin of the IE RAS. 2021. No. 1. Pp. 134–136.

15. Statistics of the EAEU / Eurasian Economic Commission. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx/ (date of access: 10.10.2022).

Поступила в редакцию: 06.12.2022.

Принята к печати: 26.12.2022.

УДК 338.45
DOI 10.14258/epb202302

ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

О. В. Асканова

Рубцовский индустриальный институт (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (Рубцовск, Россия)

В современных реалиях, требующих безотлагательного решения проблемы технологической уязвимости России, активизация инвестиционной и инновационной деятельности в главной системообразующей отрасли экономики — машиностроении — становится вопросом выживания нашей страны. Четко осознавая тесную взаимообусловленность инвестиционных и инновационных процессов, автор поставил цель на основе официальных данных Федеральной службы государственной статистики провести их сравнительный и корреляционный анализ по одному из видов деятельности, относящемуся к машиностроению. Результатом исследования стал вывод автора о продолжении присущего российскому машиностроению в 1990-е гг. кризиса, характеризующегося непоправимо низкой интенсивностью инновационно-инвестиционных процессов, недостаточной для технического и технологического перевооружения машиностроительного сектора страны, который усугубляется увеличивающейся в последние годы степенью износа основных средств и долей полностью изношенной техники.

По мнению автора, развитие как самого машиностроения, так и смежных отраслей российской экономики станет возможным, когда за инновационно-инвестиционной риторикой властных элит последует кардинальная смена вектора государственной политики в сторону комплексного использования мер государственной поддержки, системно охватывающих обозначенную проблему.

Ключевые слова: машиностроение, обрабатывающие производства, инвестиции, инновации, изношенность основных фондов, корреляционный анализ.

INNOVATIVE AND INVESTMENT ACTIVITIES OF DOMESTIC ENGINEERING: STATUS AND TRENDS

O. V. Askanova

Rubtsovsk Industrial Institute (branch) of the Polzunov Altai State Technical University (Rubtsovsk, Russia)

In today's reality, Russia's technological vulnerability problem requires an urgent solution. Therefore, intensifying investment and innovation activities in the mechanical engineering sector, the main system-forming sector of the economy, is crucial for the survival of our country. The author recognizes the close interdependence of investment and innovation processes and aims to conduct a comparative and correlation analysis based on official data from the Federal State Statistics Service for one type of activity related to mechanical engineering.

The study reveals that the crisis in Russian engineering, which began in the 1990s, is ongoing, with extremely low levels of innovation and investment. These factors are insufficient for the technical and technological re-equipment of the country's machine-building sector. Additionally, the depreciation of partially and completely worn-out equipment exacerbates the crisis.

The author believes that the development of mechanical engineering and related sectors in the Russian economy can only occur when the ruling elites implement a radical change in the direction of state policy. This change should prioritize the integrated use of state support measures to systematically address the identified problem. The author emphasizes that such a change in policy should follow a rhetoric of innovation and investment by the ruling elites.

Keywords: engineering, manufacturing industries, investments, innovations, depreciation of fixed assets, correlation analysis.

Введение. В условиях технологической изоляции России, когда угроза производственно-технических разрывов приобрела для нашей страны очевидный факт, восстановление главной системообразующей отрасли экономики — машиностроения — становится жизненно важной задачей. Любые попытки коллективного Запада экономического «удушения» России обречены на фиаско при наличии развитой тяжелой промышленности и, прежде всего, ее ядра — станкостроения. В свою очередь, достижение мощи машиностроительного сектора невозможно без активной инвестиционной и инновационной деятельности, являющихся сегодня единственным катализатором развития машиностроения, способным обеспечить его поступательные и качественные изменения, техническое и технологическое перевооружение.

Инновационная деятельность, играя стратегическую роль в определении зоны потенциального технологического развития, побуждает инвестиционную активность, которая в свою очередь стимулирует инновации, образуя замкнутый круг причинно-следственных связей. Поэтому исследование инновационных и инвестиционных процессов в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности является не просто оправданным, но и более информативным и содержательным в сравнении с рассмотрением каждого из них в отдельности.

Учитывая высокую важность задачи восстановления отечественного машиностроительного

комплекса и приоритетное значение в ее решении инвестиционной и инновационной деятельности, получение беспристрастной картины в данной сфере становится первым шагом отраслевого менеджмента. Поэтому в работе была поставлена цель провести критический ретроспективный анализ обобщающих показателей, отражающих объемы инвестиций и результаты инноваций по относящимся к машиностроению видам экономической деятельности, оценить их взаимозависимость и связь с состоянием основного капитала в отрасли.

Описание теоретических и экспериментальных исследований. В качестве информационной базы анализа использованы исключительно официальные данные Федеральной службы государственной статистики РФ, обработка которых осуществлялась с использованием статистических методов исследования, таких как группировка, сравнение, индексный и графический методы, а также методы корреляционного анализа.

Предваряя анализ экономических показателей, отметим, что в настоящее время в статистическом учете относящиеся к машиностроению сферы деятельности представлены в разрезе классификационных групп, предусмотренных ОКВЭД2 [1]. В рамках данного исследования ограничимся анализом класса 28 «Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки» ОКВЭД2, состав которого в агрегированном виде отражен на рисунке 1.

28.1	•Производство машин и оборудования общего назначения
28.2	•Производство прочих машин и оборудования общего назначения
28.3	•Производство машин и оборудования для сельского и лесного хозяйства
28.4	•Производство станков, машин и оборудования для обработки металлов и прочих твердых материалов
28.9	•Производство прочих машин специального назначения

Рис. 1. Состав класса 28 «Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки» в соответствии с ОКВЭД2

Рассматривая в целом состояние вида деятельности «Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки» в последние годы (2016–2020 гг.), стоит отметить рост объемов

производства, начиная с 2017 г., который опережает динамику по всей обрабатывающей промышленности (рис. 2).

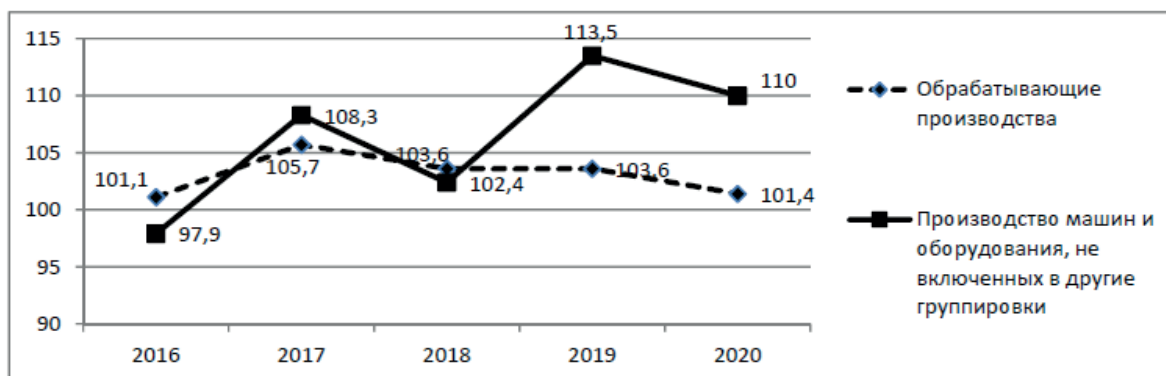

Рис. 2. Цепные индексы производства, %. Источник: составлено автором [2]

Однако если рассматривать натуральные объемы выпуска в разрезе видов продукции с высокой добавленной стоимостью, то можно констатировать нестабильность их динамики, резкие падения производства в отдельные периоды. В подтвержде-

ние этого на рисунке 3 представлена информация об объемах выпуска основных видов машин и оборудования для сельского и лесного хозяйства (подкласс 28.3 ОКВЭД2) — тракторов и зерноуборочных комбайнов.

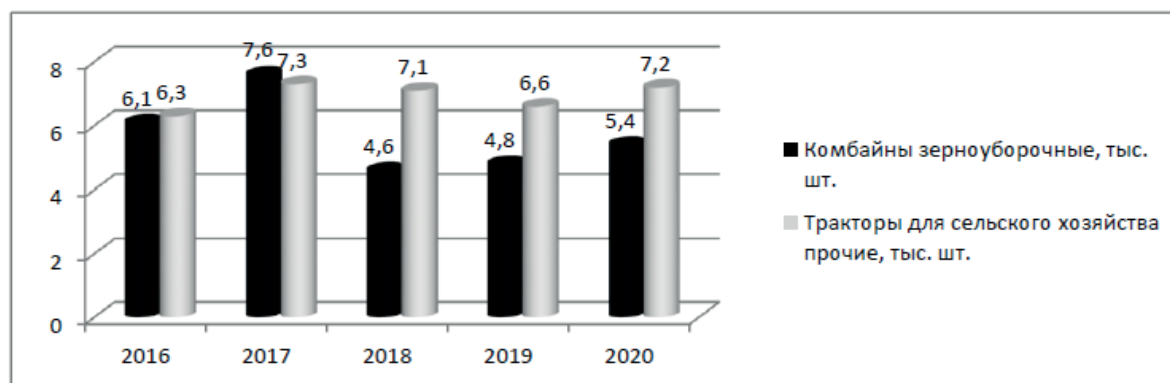

Рис. 3. Изменение объемов выпуска отдельных видов машин и оборудования, не включенных в другие группировки. Источник: составлено автором [3]

Анализируя в целом основные экономические показатели по классу 28 ОКВЭД2, следует отметить, что почти 30% предприятий, относящихся к виду деятельности «Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки», в 2020 г. были убыточными; средний уровень рентабельности активов за этот период составлял 4,3% [2], что не могло обеспечить в должной мере финансирование инвестиций и обслуживание кредитов (при ключевой ставке ЦБ РФ в 2020 г. от 4,25 до 6,25%). Обновление основных фондов в последние годы осуществлялось темпом 8–10% [2], однако этого недостаточно для замены устаревших объектов, что подтверждается непрерывным ростом степени их износа. Так, в 2020 г. уровень изношенности основных фондов превысил 50%. Аналогичная динамика по доле полностью изношенных основных фондов, которая на конец 2020 г. превзошла

17% (рис. 4). Более подробно основные показатели, характеризующие состояние и тенденции по виду деятельности «Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки», исследованы в других работах автора (например, [4]).

Величина и негативная динамика показателей состояния основных фондов являются убедительным свидетельством острой потребности в ежегодном существенном наращивании инвестиций в основной капитал, что обусловило акцент внимания на этих показателях в рамках данного исследования. Ведь «только при непрерывном инвестировании в реновацию существующего основного капитала, причем в объемах, превышающих его стоимостное выбытие» возможен рост любой экономической системы [5]. В этой связи важно отметить, что по сфере деятельности «Производство машин и оборудования, не включенных в другие

группировки» доля инвестиций в 2020 г. составляла всего 0,3% [2] от общего объема инвестиций в основной капитал в российской экономике.

Важным индикатором инвестиционной активности является динамика инвестиций в основной капитал, которая наглядно отражена на рисунке 5.

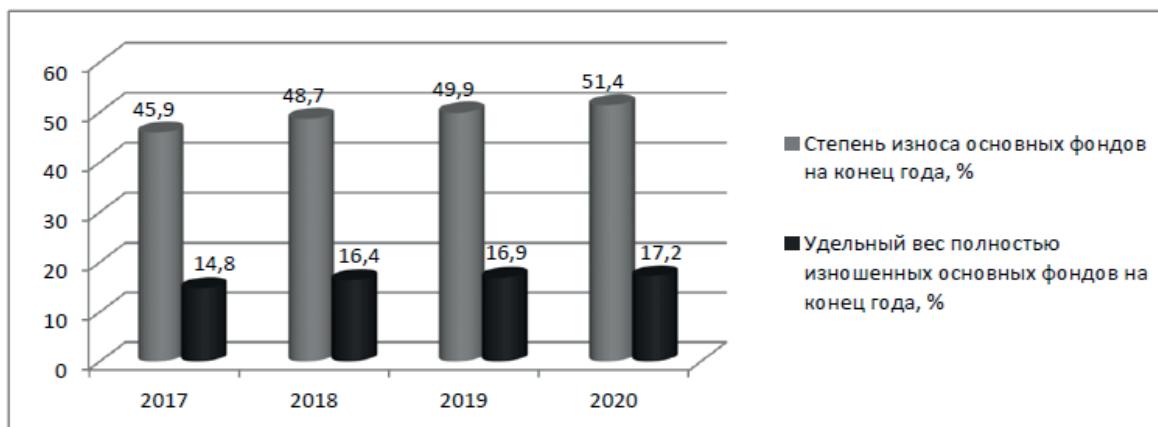

Рис. 4. Показатели состояния основных фондов по виду деятельности «Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки». Источник: составлено автором [2]

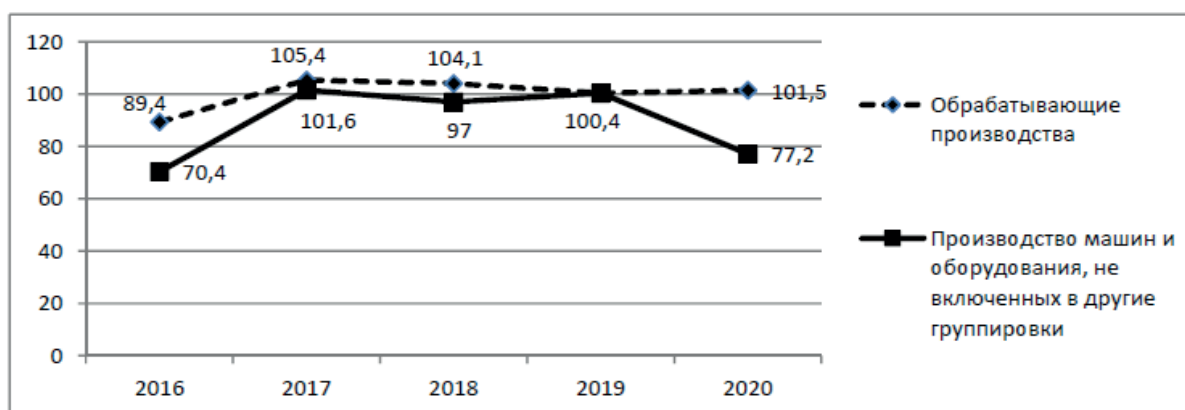

Рис. 5. Индексы физического объема инвестиций в основной капитал (в постоянных ценах), %
Источник: составлено автором [2]

Как видно по рисунку, динамика объема инвестиций в основной капитал (в постоянных ценах) по рассматриваемой сфере машиностроения не имеет четкой тенденции ни по интенсивности развития инвестиционных процессов, ни по их направлению. Снижение инвестиций по сравнению с предыдущим годом имело место в 2016 г. почти на 30%, в 2018 — на 3% и в 2020 г. — на 22,8%. Такие темпы падения, даже на фоне незначительного роста в 2017 и 2019 гг. (на 1,6 и 0,4% соответственно), обеспечили в 2020 г. самый низкий объем инвестиций в основной капитал в постоянных ценах (на уровне 60,8 млрд руб.) за весь период анализа.

Стоит заметить, что динамика инвестиций в основной капитал по машиностроению не соответствует динамике по обрабатывающим производствам в целом, где с 2017 г. наблюдается тенденция хотя и затухающего, но роста. Таким образом, уро-

вень инвестиционной активности машиностроительных предприятий можно оценить как крайне низкий, недостаточный не только для технического перевооружения отрасли, но и для поддержания степени изношенности основных средств на стабильном уровне. При таком положении не имеет смысл поднимать вопрос об инновационной насыщенности инвестиций в основной капитал, которая, как справедливо отмечено в работе [5], определяет эффективность функционирования машиностроительных производств в среднесрочном периоде и качество обновления основного капитала.

Как известно, машиностроению отводится ключевая роль «в обеспечении перевода традиционных отраслей экономики на принципиально новую технологическую базу на основе инноваций» [7]. Поэтому представляется важным рассмотреть инновационную активность в исследуемой сфере

машиностроения. С этой целью проанализирована динамика объема отгруженных инновационных товаров, работ и услуг (далее — продукции) и доли затрат на инновации в их общем объеме.

Ниже на рисунке можно пронаблюдать динамику общего объема отгруженной и инновационной отгруженной продукции по одной из сфер машиностроения.

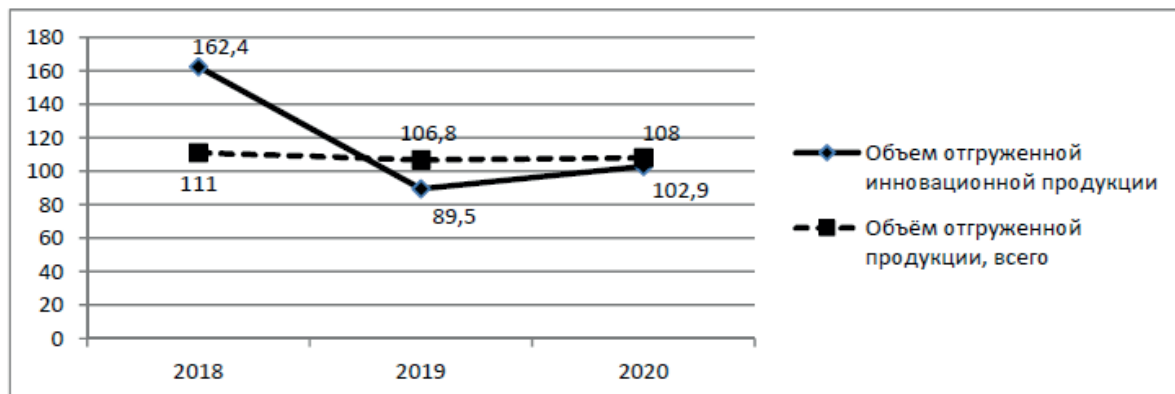

Рис. 6. Цепные темпы роста объема отгруженной продукции по виду деятельности «Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки»
Источник: составлено автором [8]

Как видно по рисунку, если ежегодный прирост общего объема отгрузки продукции по виду деятельности «Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки» в 2018–2020 гг. колебался в диапазоне 7–11%, то в отно-

шении отгрузки инновационной продукции такой равномерности не наблюдается. Несоответствие между темпами роста общего объема отгруженной и инновационной отгруженной продукции сказалось на изменении ее доли в общей отгрузке (рис. 7).

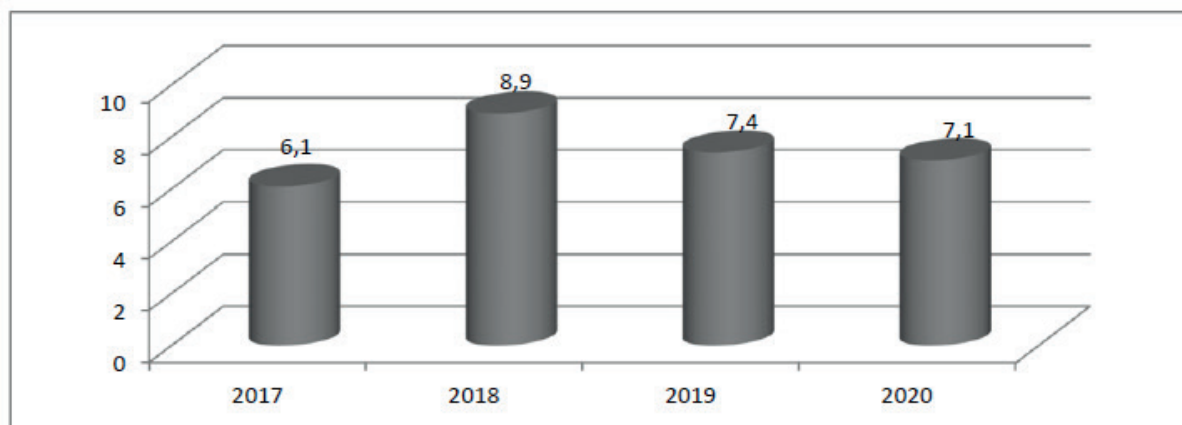

Рис. 7. Доля отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгрузки по виду деятельности «Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки»
Источник: составлено автором [2]

На рисунке видно, что наибольшую долю инновационная продукция в общем ее объеме составляла в 2018 г. В последующие периоды в результате превышения темпов роста общей отгрузки над темпами роста отгруженной инновационной продукции

произошло сокращение ее доли до 7,1%. Отметим, что это случилось вопреки росту затрат на инновации в 2020 году, причем за счет увеличения затрат именно на продуктовые инновации почти на 20% в сравнении с предыдущим годом (табл. 1).

Таблица 1

Затраты на инновационную деятельность по виду деятельности «Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки» [2]

Показатель	2019	2020	Темп роста, %
Затраты на инновационную деятельность, всего	22310,3	24305,3	108,9
в том числе на			
продуктовые инновации	15697,4	18791,8	119,7
процессные инновации	6612,8	5513,5	83,4
Доля затрат на			
продуктовые инновации	70,4	77,3	109,8
процессные инновации	29,6	22,7	76,7

Как следует из представленных в таблице данных, сектор машиностроения, связанный с производством машин и оборудования, в рамках осуществляемой инновационной деятельности ориентирован преимущественно на продуктовые инновации, которые диктуются главным образом потребностями рынка. При этом доля таких инноваций в общем объеме инновационных затрат в 2020 г. возросла, превысив три четверти. Однако, как отмечено в работе [8], база технологий машиностроения, создаваемая сегодня, в количественном отношении ничтожна в сравнении с прошлым веком и составляет всего «10% от числа технологических разработок 1980-х годов». Кроме того, деятельность машиностроительных предприятий «сопровождается технологической инфляцией, при которой происходит обесценивание предыдущих технологий» [9]. Что касается процессных инноваций, которые определяются в основном внутренними факторами и направлены на внедрение новых технологий для повышения эффективности деятельности, то их величина снизилась в 2020 г., как в абсолютном, так и относительном выражении.

Отметим также, что доля затрат на инновационную деятельность в общей сумме затрат предприятия очень незначительна и составляет менее 2,5% [2] — и это с учетом их роста в 2020 г., что существенно ниже мировых лидеров на рынке машиностроительной продукции. Более подробно инновационная активность в машиностроении рассмотрена в другой авторской работе [10]. Здесь же лишь отметим, что «следствием отставания российских компаний по уровню инновационной активности является ориентация российской инновационной системы на имитационный подход, а не на создание радикальных нововведений и новых технологий» [10].

Учитывая, что потенциально инновационная и инвестиционная виды деятельности тесно связаны между собой, а также с системой воспроизводства основного капитала, представляется интересным математически измерить эту связь. Однако здесь стоит указать на наличие проблем в сборе сопоставимой информации для анализа. Так, в связи с изменением классификатора видов экономической деятельности проследить изменение статистических данных по виду деятельности «Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки» за длительный временной период, как того требуют серьезные экономико-статистические исследования, не представляется возможным. Как уже отмечалось, в настоящее время действует ОКВЭД2 (версия ОК 029–2014 (КДЕС Ред. 2), введенный в действие с 01.02.2014. До этого времени статистическая информация представлялась в разрезе групп предусмотренных ОКВЭД ОК 029–2001 (КДЕС Ред. 1), в рамках которого был предусмотрен класс 29 «Производство машин и оборудования», который по номенклатуре составляющих его подклассов не в полной мере соответствует классу 28 «Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки» действующего ОКВЭД2. Поэтому для решения поставленной задачи воспользуемся информацией по группе «Производство машин и оборудования», поскольку в таком разрезе она содержится в статистических сборниках более длительный временной интервал (с 2005 по 2015 гг.).

На основе методов корреляционного анализа рассмотрим взаимосвязь между динамикой объема инвестиций и отгруженной инновационной продукции. В таблице 2 представлены исходные данные для расчета коэффициентов парной корреляции по обрабатывающим производствам в целом и по виду деятельности «Производство машин и оборудования» и результаты расчетов.

Таблица 2

Результаты определения степени тесноты связи между динамикой объема инвестиций и отгруженной инновационной продукции

Год	Темпы роста, %			
	Обрабатывающие производства		Производство машин и оборудования	
	Инвестиции	Объем отгруженной инновационной продукции	Инвестиции	Объем отгруженной инновационной продукции
2006	112,1	133,1	132,2	105,8
2007	116,6	129,4	110,7	154,9
2008	112,5	112,7	108,9	154,8
2009	82,8	79,4	69,7	96,3
2010	101,5	138,9	107,6	85,7
2011	107,9	132,2	91,8	123,5
2012	112,4	150,7	119,5	106,7
2013	107,3	127,6	113,7	110,4
2014	103,4	93,8	110,6	81,7
2015	92,7	120,9	100,5	100,7
Коэффициент парной корреляции	0,65		0,10	

Представленная в таблице информация о динамике инвестиций по виду экономической деятельности «Производство машин и оборудования» за 2006–2015 гг. не позволяет выявить четкой тенденции. Если до 2008 г. инвестиции ежегодно росли в темпе 12–16%, то кризис 2008 г. прервал не только интенсивность, но и направление изменения. В последующие периоды только в 2012 г. был достигнут прирост в 12%, далее же шло постепенное затухание положительной динамики, до падения объемов инвестирования в 2015 г. Интерпретируя результаты корреляционного анали-

за, можно отметить положительную связь между объемом инвестиций и объемом отгруженной инновационной продукции. Однако если в целом по обрабатывающим производствам тесноту связи между рассматриваемыми показателями в соответствии со шкалой Чеддока можно расценивать как заметную, то по виду экономической деятельности «Производство машин и оборудования» имеет место очень слабая связь инвестиций и отгруженной инновационной продукции, что не означает статистическую независимость этих показателей.

Таблица 3

Результаты определения степени тесноты связи между динамикой объема инвестиций и изношенностью основных фондов

Год	Темпы роста, %			
	Обрабатывающие производства		Производство машин и оборудования	
	Инвестиции	Степень износа основных фондов	Инвестиции	Степень износа основных фондов
2006	112,1	97,7	132,2	95,7
2007	116,6	96,8	110,7	93,1
2008	112,5	98,3	108,9	101,2
2009	82,8	100,2	69,7	101,4
2010	101,5	102,7	107,6	100,7
2011	107,9	100,7	91,8	101,9
2012	112,4	102,1	119,5	101,4
2013	107,3	100,2	113,7	100,7
2014	103,4	102,8	110,6	99,1
2015	92,7	102,7	100,5	99,8
Коэффициент парной корреляции	-0,48		-0,45	

В таблице 3 можно увидеть исходные данные и результаты оценки степени тесноты связи между объемом инвестиций в основной капитал и изношенностью основных фондов.

Как следует из логики развития экономических процессов, между объемом инвестиций в основной капитал и степенью износа основных фондов существует обратная зависимость, что и подтвердило отрицательное значение коэффициента корреляции. При этом в целом по обрабатывающим производствам и отдельно по виду деятельности «Производство машин и оборудования» степень тесноты связи примерно одинаковая и характеризуется как умеренная. Поэтому наращивание объема инвестиций для обеспечения необходимого уровня обновления основных фондов становится одним из условий сокращения их изношенности.

Выводы. Резюмируя вышеизложенное, можно отметить nepозволительно медленное развитие инвестиций и их явную недостаточность для технического и технологического перевооружения машиностроительного сектора страны, который долгое время, находясь в стагнации, особенно остро в них нуждается. По сути, можно говорить о продолжении кризиса инвестиционной деятельности, характерного для российского машиностроения

в 1990-е гг. Однако сегодняшнее положение усугубляется увеличением степени износа основных средств и доли полностью изношенной техники. Низкая инвестиционная активность и недостаточность современного оборудования для разработки и испытания новых технологий в свою очередь тормозит развитие инновационной сферы как самого машиностроения, так и смежных отраслей российской экономики, влияя на ее конкурентоспособность и повышая уязвимость. При этом проявляющаяся на уровне риторики властных элит озабоченность инновационно-инвестиционной деятельностью в отечественном машиностроении находит отражение лишь в ограниченных мерах государственной поддержки, не охватывающих проблему системно и потому не способствующих ее решению. Все это говорит о неизбежности кардинальной смены вектора государственной политики в сторону комплексного использования всех инструментов государства (от денежно-кредитной, фискальной, промышленной и другой политики до прямого финансирования из бюджета инвестиционно-инновационной деятельности по приоритетным секторам экономики) для преодоления фрагментарности и неустойчивости общего прогресса в инновационно-инвестиционной сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ОК 029–2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) (ред. от 23.12.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/ (дата обращения: 31.05.2022).
2. Промышленное производство в России // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13225> (дата обращения: 02.06.2022).
3. Российский статистический ежегодник — 2003, 2011, 2021. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 13.09.2022).
4. Асканова О. В. Машиностроение России: статистический обзор // Современная техника и технологии: проблемы, состояние и перспективы: материалы Десятой всероссийской научно-практической конференции. Рубцовск, 2020. С. 240–248.
5. Стрельцов А. В., Яковлев Г. И. Оценка потенциала развития машиностроительного комплекса в условиях цифровой экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 8 (часть 2). С. 301–308.
6. Борисов В. Н., Почукаева О. В. Инновационно-насыщенные инвестиции в машиностроении: внешнеэкономические эффекты // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М., 2020. С. 380–394.
7. Гусев С. А., Жариков В. Д. Модернизация российской экономики на основе развития машиностроения // Вестник МФЮА. 2018. № 2. С. 87–97.
8. Ибрагимов М. Р. Анализ состояния инновационной деятельности российского машиностроения // Вестник Самарского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2011. № 10 (91). С. 41–47.
9. Абрашкин М. С. Наукоемкость и инновационное развитие предприятий машиностроения // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2018. № 4. С. 107–115.
10. Асканова О. В. Как превратить сельхозмашиностроение в передовой сектор экономики // ЭКО. 2017. № 12 (522). С. 60–70.

REFERENCES

1. ОК 029–2014 (NACE Rev. 2). All-Russian classifier of types of economic activity (approved by Order of Rosstandart dated January 31, 2014 No. 14-st) (as amended on December 23, 2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/ (date of access: 31.05.2022).
2. Industrial production in Russia. // Official site of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13225> (date of access: 02.06.2022).
3. Russian Statistical Yearbook — 2003, 2011, 2021. Official website of the Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (date of access: 13.09.2022).
4. Askanova O. V. Mechanical engineering in Russia: a statistical review // Modern technics and technology: problems, state and prospects: materials of the Tenth all-Russian scientific and practical conference. Rubtsovsk, 2020. Pp. 240–248.
5. Streltsov A. V., Yakovlev G. I. Assessment of the machine-building complex development potential in the digital economy // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2020. No. 8 (part 2). Pp. 301–308.
6. Borisov V. N., Pochukaeva O. V. Intensive investments in mechanical engineering: external economic effects // Scientific works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. 2020. Pp. 380–394.
7. Gusev S. A., Zharikov V. D. Modernization of the Russian economy based on the development of mechanical engineering // Vestnik MFaLA. 2018. No. 2. Pp. 87–97.
8. Ibragimov M. R. Analysis of the innovation activity state of Russian mechanical engineering // Bulletin of the Samara State University. Series: Economics and Management. 2011. No. 10 (91). Pp. 41–47.
9. Abrashkin M. S. Science intensity and innovative development of mechanical engineering enterprises // Bulletin of ASTU. Series: Economy. 2018. No. 4. Pp. 107–115.
10. Askanova O. V. How to turn agricultural engineering into an advanced sector of economy // ЕКО. 2017. No. 12 (522). Pp. 60–70.

Поступила в редакцию: 03.11.2022.

Принята к печати: 09.01.2023.

УДК 332.1:338.12 (571.150)
DOI 10.14258/epb202303

ЭКОНОМИКА АЛТАЯ: РЕЦЕССИЯ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 И УЖЕСТОЧЕНИЯ САНКЦИОННОГО РЕЖИМА

В. А. Бородин¹, В. Д. Бородин²

¹ООО «Барнаульский завод автоформованных изделий» (Барнаул, Россия)

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Кризис отечественной экономики последних лет, вызванный пандемией COVID-19 (2019–2020 гг.), и ужесточение санкционного режима, введенного правительством США, стран Евросоюза и некоторых других, не мог не затронуть и региональные экономики России, в частности, экономики и социальной сферы Алтайского края. В настоящей статье авторами сделана попытка на основе анализа социально-экономических показателей работы отраслей промышленности региона и критических параметров социальной сферы выявить их динамику в период 2017–2022 гг., дать оценку состояния и краткосрочных прогнозов развития ситуации.

Авторами использованы статистические данные Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай, материалы Алтайского отделения Российского Союза промышленников и предпринимателей.

Характеризуя состояние экономики Алтая как рецессию, сопровождаемую спадом производства в ряде отраслей и замедлением темпов роста промышленного производства в целом, можно отметить нарастание негативных процессов, вызванных инфляцией издержек производителей, рост потребительских цен, снижение уровня жизни населения. По мнению авторов, выход из рецессии возможен на основе повышения инновационной активности промышленных предприятий, реализации программы импортозамещения, развития производства товаров потребительского рынка за счет инвестиций и привлечения сбережений населения.

Ключевые слова: пандемия, санкционный режим, рецессия, индекс производства, валовый региональный продукт, добавленная стоимость, цены производителей, потребительские цены, прогнозы, инвестиции.

ASSESSING THE IMPACT OF COVID-19 AND SANCTIONS ON THE ALTAI ECONOMY: A RECESSIONARY PERSPECTIVE

V. A. Borodin¹, V. B. Borodin²

¹LLG "Barnaul plant of auto-molding product" (Barnaul, Russia)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

In recent years, the crisis in the domestic economy, caused by COVID-19 (2019–2020) and the tightening of sanctions imposed by the US government, EU countries, and others, has affected the Russian economy and the economy and social sphere of the Altai Territory. This article aims to identify the dynamics of the region's economic performance and critical parameters of the social sphere from 2017 to 2022, assess the state of the situation, and make short-term forecasts for its development.

The authors suggest that the way out of the recession is possible through an increase in innovative activity among industrial enterprises, implementation of an import substitution program, development of consumer goods production through investment, and the attraction of savings from the population. By implementing these measures, the authors believe that the Altai economy can recover and improve in the future.

Keywords: pandemic, sanction regime, recession, production index, gross regional product, added value, producer prices, consumer prices, forecast, investments.

Основные виды экономической деятельности и динамика их показателей (2017–2022 гг.). Экономика Алтайского края имеет ярко выраженную индустриально-аграрную направленность. В валовом региональном продукте (ВРП) все виды промышленной деятельности составляли по годам рассматриваемого периода в среднем — 36,3%, сельскохозяйственное производство — 12,2%. Значительными видами экономической деятельности в крае являются оптовая и розничная торговля (11,5%), строительство (5,3%).

Из отдельных видов экономической деятельности следует отметить значимую роль пищевой промышленности, устойчивость производства которой опирается на развитое в регионе сельское хозяйство, как сырьевой базы производства пищевых продуктов (32,5% в промышленном производстве, в целом и около 10% в ВРП края).

Хотбы дать оценку ситуации в экономике края, рассмотрим приведенную в таблице 1 динамику показателей основных видов экономической деятельности в период 2017–2021 гг.¹ Как следует из таблицы, в рассмотренном периоде динамика промышленного производства в целом положительная, даже в острой фазе пандемии (2020 г.) ин-

декс производства — 101,1%. Такая же тенденция наблюдается и в обрабатывающем производстве, где средний индекс последних четырех лет составил 101,5%.

Вместе с тем, если обратиться к ценам производителей в промышленном производстве по всем видам экономической деятельности, то ценовой индекс в 2021 г. составил 146,3%, а в обрабатывающем производстве — 153,3%. Не это ли определяет относительное благополучие ситуации в промышленном секторе экономики, без крупных потерь в разгар пандемии COVID-19 и начальный период ужесточения санкционного режима, нарушившего логистические цепочки поставок сырья и материалов, технологического оборудования? Рост цен производителей промышленной продукции свидетельствует о нарастающей инфляции издержек на предприятиях, что не может характеризовать ситуацию в промышленности как устойчивую. Следует отметить тот факт, что индекс производства ряда важнейших его видов, составляющих более 70% производимой промышленной продукции края (кокс, химическая продукция, шины, готовые металлические изделия и ряда другой продукции) серьезно проседает практически весь период, особенно в 2020–2021 гг.

Таблица 1

Динамика показателей основных видов экономической деятельности, %

	Годы				
	2017	2018	2019	2020	2021
Индексы производства промышленной продукции, % к пред. году	103,7	100,8	101,9	101,1	101,7
Обрабатывающие производства (виды производств составляющие 72,3% в общем объеме), в том числе:	104,9	100,4	102,6	101,6	101,4
производство пищевых продуктов	102,7	98,2	102,4	109,7	99,6
производство кокса и нефтепродуктов	99,8	89,0	85,5	105,8	98,6
производство резинотехнических изделий (шины и камеры резиновые)	108,3	78,3	95,3	95,6	95,5
производство готовых металлических изделий	103,1	105,2	104,8	93,5	95,5
производство машин и оборудования	99,1	112,7	104,6	102,0	119,6
Индекс цен производителей: промышленное производство (все виды производств),					146,3
в том числе: обрабатывающие производства					153,3
Индексы производства продукции сельского хозяйства,	88,5	104,5	100,3	116,3	114,5
в том числе: хозяйства населения	93,3	97,3	98,3	97,2	98,3
Индекс цен производителей сельскохозяйственной продукции	88,5	104,5	100,3	116,3	114,5
Строительство: объем работ, % к пред. году в сопоставимых ценах	120,7	94,0	102,5	113,0	106,6
Торговля: индексы физического объема оборота розничной торговли, % к пред. году	100,7	101,3	101,0	92,0	102,4
Оборот оптовой торговли, % к пред. году, в сопост. ценах	110,6	106,5	103,8	87,7	103,1
Инвестиции в основной капитал, % к пред. году, в сопост. ценах	115,1	118,7	98,6	103,0	94,5

Окончание таблицы 1

	Годы				
	2017	2018	2019	2020	2021
Структура инвестиций в основной капитал по видам эконом. деятельности (в факт. действующих ценах, в процентах к итогу):					
сельское хозяйство			10,2	12,8	17,9
промышленное производство			29,2	24,4	23,8
— в т. ч. обрабатывающие производства			19,1	15,9	14,8
— по видам основных фондов: машины и оборудования в процентах	35,0	42,0	40,0	42,4	43,3

Источник: составлено авторами [1].

Нельзя не отметить, что принятые правительством региона, Союзом промышленников, руководством промышленных предприятий меры, определившие взвешенный подход к введению локдаунов на предприятиях, развертывание программы импортозамещения и финансовой поддержки производства критически важной промышленной продукции (лизинг оборудования, софинансирование кредитов в части снижения учетной ставки коммерческих банков, финансирование отдельных проектов освоения новых видов промышленности продукции Фондом развития промышленности Алтайского края), дали положительный результат в части смягчения последствий кризиса [2].

Динамика производства сельскохозяйственной продукции также нестабильна: существенно ее росту в 2021 г. (118,3%) предшествовал спад 2019 и 2020 гг. В структуре продукции сельского хозяйства, произведенной в хозяйствах всех категорий, хозяйства населения в 2017–2019 гг. занимали от 26 до 30%, но начиная с 2020 г. снизили свою долю (2021 г. — 16,8%). Эта тенденция должна тревожить руководителей отрасли хотя бы потому, что более 70% овощей, 81% картофеля, 46% молока и 41% скота и птицы на убой производится в хозяйствах населения.

Что касается уровня цен в рассматриваемом периоде, особенно резкий рост отмечен в пандемийный 2020 г. (116,3%) и последующий за ним 2021 г. (114,5%). Это свидетельствует о том, что причины, вызывающие его в промышленном производстве, хотя и несколько мягче, проявляются и в сельском хозяйстве. Более стабильная экономическая ситуация в строительстве. Здесь мы видим существенный рост объемов строительных работ (за исключением 2018 г.), который даже вырос в 2020–2021 гг. к предшествующим. Ни пандемия, ни санкции не обрушили рынок жилья, который демонстрирует уверенный рост.

Если говорить о торговле, то пандемия COVID-19 серьезно повлияла на результаты ее дея-

тельности в 2020 г. Оборот оптовой торговли снизился в сопоставимых ценах к предшествующему году до 87,7%, а индекс физического объема розничной торговли упал до 92%.

Инвестиции. Приведенные в таблице 1 статистические данные по динамике инвестиций показывают существенное их снижение в основной капитал в 2019 г. и 2021 г. (98,6 и 94,5% соответственно). Прирост инвестиций в 2020 г. к 2019 г. (103,0%) объясняется ростом финансовых вложений, осуществляемых федеральным и региональным бюджетом в основной капитал деятельности в области здравоохранения и социальных услуг и связан с необходимостью повышения устойчивости отрасли в условиях пандемии COVID-19.

Что касается обрабатывающего производства, статистика отмечает последовательное снижение начиная с 2019 по 2021 г. инвестиций в основной капитал практически по всем видам экономической деятельности [1, с. 68–70].

В структуре инвестиций по источникам финансирования рост собственных средств предприятий в период 2017–2019 гг. и в 2021 г. объясняется осуществлением крупных инвестиционных проектов, в частности на ОП ООО «БТК Текстиль» БМК «Меланжист Алтай» (ранее АО «БМК Меланжист Алтай»). В целом промышленное производство аккумулирует от 24 до 30% инвестиционных средств в экономику края, не менее 40% из которых идет на обновление активной части основных фондов предприятий и организаций [1, с. 70–71]. Обращает внимание тот факт, что в целом инвестиции в основной капитал составляют только 10,6% от объема всех финансовых вложений, осуществляемых субъектами экономической деятельности в Алтайском крае, а инвестиции в обновление основного капитала обрабатывающих производств составляют 2,4% от финансовых вложений всех предприятий, входящих в данный вид экономической деятельности.

Заканчивая анализ показателей основных видов экономической деятельности, рассмотрим ее

финансовые результаты в 2020–2021 гг., представленных в таблице 2.

На первый взгляд, сальдированный финансовый результат деятельности предприятий и организаций промышленности и сельского хозяйства Алтайского края в период пандемии и ужесточе-

ния санкционных мер вызывает ощущение того, что не все так плохо. Но если обратить внимание на индекс цен производителей, то находится объяснение столь высокому результату финансовой деятельности предприятий и организаций промышленности и сельского хозяйства.

Таблица 2

Финансовые результаты и эффективность деятельности организаций

Показатели	2021 г. в % к 2020 г.	Индекс цен производителей декабрь 2020 г. к декабрю 2020 в %	Доля убыточных организаций в %
1. Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убытки, % к 2020 году; всего)	в 1,7 раза		25,0
в том числе по видам экономической деятельности:			
сельское хозяйство	в 1,6 раза	114,5	11,3
промышленное производство		146,3	-
обрабатывающие производства	в 2,1 раза	153,3	14,7
добыча полезных ископаемых	137,4	113,3	37,5
обеспечение электр. энергией, газом и паром	115,8	108,6	69,0
водоснабжение, водоотведение	в 3,3 раза	104,5	61,3
строительство	20,6	115,5	9,1
2. Рентабельность проданной продукции, работ, услуг в 2021 г., всего	14,6		
в том числе:			
сельское хозяйство	41,6	-	-
обрабатывающие производства	25,7	-	-

Источник: составлено авторами [1].

Важнейшей составляющей анализа экономики территории является характеристика уровня жизни населения, которая наглядно отображает ее (экономики) эффективность. Основные показатели уровня жизни населения представлены в таблице 3.

Таблица открывается данными о численности населения Алтайского края за рассматриваемый период (2017–2021 гг.), в которой фиксируется стабильная динамика снижения числа проживающих. Не будем более подробно анализировать демографическую ситуацию в регионе, повторяющую аналогичную по динамике численность населения абсолютного большинства субъектов Сибирского федерального округа [1].

В работе Г. Ю. Гагариной и В. А. Бородина, в частности, показано, что численность населения края по прогнозу до 2035 г. сокращается по всем вариантам прогноза на 353,5 тыс. чел. по пессимистичному варианту (среднегодовое снижение на 22,1 тыс. чел.) и на 193,5 тыс. чел. по наиболее оптимистичному — высокому варианту (среднегодовое снижение на 12,1 тыс. чел). При этом есте-

ственная убыль населения возрастает до 2035 г. в 1,8 раза. [4, 5].

Численность занятых в экономике края (в процентах к пред. году) находится в диапазоне 99,5%, в 2017 г. 96,3% — в 2021 г.

Обращает на себя внимание устойчивое снижение реально располагаемых денежных доходов населения. Вместе с тем численность населения с денежным доходом ниже величины прожиточного минимума в сравнении с предшествующим годом устойчиво снижается, а средние потребительские цены на основные продукты питания ниже, чем в среднем по Российской Федерации. Отмечается рост социальных выплат в структуре денежных доходов населения края в 2020–2021 гг., что подтверждает принятые федеральные и региональные правительственные меры по смягчению последствий пандемии для определенных групп населения.

Нельзя не отметить представленный статистикой показатель прироста сбережений в денежных расходах населения, в частности их рост в 2020 году.

Таблица 3

Основные показатели уровня жизни населения Алтайского края

Показатели 2017	Годы				
	2018	2019	2020	2021	
Численность населения (на конец года), % к предыдущему году	99,3	99,3	99,3	99,1	98,8
Численность занятых в экономике, % к предыдущему году	99,5	102,9	99,0	96,3	101,6
Реальные располагаемые доходы населения, % к предыдущему году	99,8	98,8	98,8	95,2	98,4
Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, % от общей численности населения, тыс. человек	17,5	17,4	17,6	17,5	16,8
в% к предыдущему году	97,9	98,7	100,2	98,8	95,5
Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума, %	242,9	244,2	240,8	232,6	240,8
Прирост сбережений в денежных расходах населения, %	15,2	12,4	10,9	13,4	9,6
Численность занятых в экономике на одного пенсионера, человек	1,33	1,34	1,34	1,30	
Индекс потребительский цен (декабрь к декабрю предыдущему году) Алтайский край Российская Федерация			103,3 103,0	105,35 104,9	110,2 108,4
Средние потребительские цены на продукты питания (декабрь), руб. за кг. (Алтайский край/Российская федерация)					
— говядина			316,2/350	336/361	388,3/416,5
— свинина			254,5/264,5	264,5/269,1	309,9/311,8
— куры			143,9/143,1	139,7/145,5	177,9/183,5
— молоко			50,35/57,7	53,57/59,3	65,73/64,9

Прогнозы. Учитывая ужесточение санкционной агрессии США и стран Евросоюза, а также внутренние российские факторы, выполнить прогноз состояния экономики нашего региона на среднесрочный период представляется крайне сложным, если не невозможным. В этой связи авторы представят прогнозные характеристики на 2023 г., основанные на принимаемых Правительством и Центральным Банком России мерах по стабилизации экономического положения страны. Макроэкономические прогнозы экономики края основываются на исходящие из Правительства и ЦБ РФ оценки снижения валового внутреннего продукта в 2022 г. в размере 2,5% от уровня 2021 г. ЦБ РФ дает прогноз снижения ВВП в 2023 г. в пределах от 1 до 4%. Эти прогнозы не утешительны, особенно для экономики дотационных регионов. При формировании их бюджетов возможно сокращение реального финансирования таких государственных отраслей, как здравоохранение, образование, социальная сфера, а также инвестиционных возможностей регионального Правительства в формировании фонда развития экономики края.

Подтвержденный ЦБ РФ в середине декабря 2022 г. уровень инфляции в 12,7% в условиях снижения ВВП с большой вероятностью сохранит тенденцию к росту. Инфляционный рост в целом провоцирует рост инфляции издержек и цен производителей промышленной продукции как производственного, так и потребительского рынков. Мы не можем прогнозировать конкретные величины такого инфляционного роста, но тенденция, на наш взгляд, очевидна. Повышенные инфляционные ожидания населения, вероятное снижение предложения импортных непродовольственных товаров на потребительском рынке провоцируют уход свободных денежных средств населения в сбережения, что отмечается рядом исследователей [4–9].

Ситуация на рынке жилья последних лет дает надежду на сохранение тенденции роста в строительстве, поддерживаемой сохраняющейся практикой льготного ипотечного кредитования.

Учитывая стабильное положение в рассмотренном ранее периоде сельскохозяйственного производства, можно предполагать сохранение сложившихся тенденций в производстве сельскохозяйственной продукции, ее переработке, произ-

водстве пищевой продукции [10]. Рост индекса цен производителей сельскохозяйственной продукции и продукции ее переработки на продовольственном рынке хотя и ожидается, но не критичен.

Обращаясь к рынку непродовольственных товаров для населения, нельзя исключать возможности возврата в долгосрочной перспективе импортных товаров, к которым за несколько десятилетий привык российский потребитель. Снижения санкционного давления на импорт товаров непродовольственного назначения и возврата в Россию зарубежных компаний-производителей даже в среднесрочной перспективе не следует ожидать, как и возврата в российскую практику широкомасштабных заградительных мер правительства по защите отечественного производителя. Возможно наполнение рынка потребительских товаров по вновь созданным потребительским цепочкам и так называемому параллельному импорту. В этой связи создание новых или расширение действующих производств потребительских непродовольственных товаров по программе импортозамещения будет привлекательно только при ясной перспективе устойчивости на потребительском рынке отечественной продукции и отсутствия перспектив возвращения импортных поставок и зарубежных компаний-производителей.

Малое и среднее промышленное предпринимательство как более мобильное и требующее довольно ограниченных финансовых ресурсов более предпочтительно для создания небольших импортозамещающих производств.

Прогноз произведенного валового регионального продукта промышленными предприятиями, в частности обрабатывающих производств, которые вносят наиболее существенный вклад в добавленную (вновь созданную на территории края) стоимость, по предварительным данным, не смогут сформировать положительный индекс производства по полному кругу предприятий.

Существенно проседают объемы произведенной промышленной продукции крупных производителей. Это объясняется такими обстоятельст

ми, как снижение рыночного спроса; нарушение логистических цепочек поставок сырья, материалов, комплектующих изделий, технологического оборудования; приостановкой развернутых ранее программ импортозамещения; сохраняющимся дефицитом квалифицированных кадров.

Вместе с тем нельзя ожидать стабильного роста промышленного производства продукции гражданского или двойного назначения только в расчете на решение перечисленных проблем. Без обновления производственного аппарата промышленных предприятий (технологии, активная часть фондов, внедрения цифровизации как в производственный процесс, так и в управление) невозможен устойчивый не только промышленный, но и в целом экономический рост. Однако разработанные программы возрождения отечественного станкостроения, создания современного производства электронной продукции и ряд других частично приостановлены из-за проблем с финансовыми ресурсами для их реализации. Безусловно, эти программы не регионального уровня и должны иметь статус приоритетных национальных Программ. Надо находить нестандартные подходы к их финансированию в дополнение к государственному (бюджетному), практиковать выпуск облигационных займов, открытию индивидуальных инвестиционных счетов с привлекательными ставками размещения на них денежных средств населения. Представляется назревшим решение вопроса создания государственных предприятий на этих финансово емких прикладных направлениях обновления отечественной промышленности.

Заканчиваем статью уверенностью, что промышленность Алтайского края, как и его экономика в целом, в 2023 г. пройдет рецессию по наиболее безболезненному ее варианту (замедление темпов роста). У нас диверсифицированная структура экономики по видам экономической деятельности, наработан в предшествующие годы опыт минимизации последствий и санкционных ограничений, профессионализм управленческого персонала на всех уровнях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алтайский край в цифрах. 2017–2021 гг. Крат. стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Барнаул, 2022. 188 с.
2. Сайт Министерства промышленности и энергетики Алтайского края. URL: <https://www.alt-prom.ru> (дата обращения: 25.12.2022).
3. Бородин В. А., Гагарина Г. Ю. Экономическая интеграция регионов как механизм выравнивания и роста их потенциалов // Федерализм. 2020. № 2. С. 80–85.
4. Голикова В. В., Кузнецов Б. В. Стратегии поведения российских предприятий обрабатывающей промышленности в отражении импорта в условиях экономических санкций // Вопросы экономики. 2021. № 7. С. 89–106.

5. Колодко Г. В. Дефицитфляция 3.0: экономика военного времени — государственный социализм — кризис на фоне пандемии // Вопросы экономики. 2021. № 10. С. 5–26.
6. Григорьев Л. М., Елкина Ш. С., Медникова П. А., Серова Д. А., Стародубцева М. Ф., Филипова Е. С. и др. Идеальный шторм личного потребления // Вопросы экономики. 2021. № 10. С. 27–50.
7. Григорьев Л. М., Павлюшина В. А., Музыченко Е. А. Падение в мировую рецессию 2020 // Вопросы экономики. № 5. С. 5–24.
8. Соболева С. В., Смирнова Ч. Е., Чудаева О. В. Изменение численности и половозрастной структуры населения Сибирского Федерального округа и его регионов в 1989–2017 гг. Оценка последствий и риски // Регион: экономика и социология. 2019. № 2 (102). С. 151–181.
9. Татаркин А. И., Дорошенко С. В. Регион как саморазвивающаяся социально-экономическая система. Переход через кризис // Экономика региона. 2021. № 1. С. 15–23.
10. Гриценко Г. М., Межина М. В., Поволоцкая О. А. Стратегические направления развития сельских территорий региона аграрной специализации (на примере Алтайского края) // Управленческие науки. 2019. № 9 (3). С. 6–16.

REFERENCES

1. Altai Krai in numbers. 2017–2021. Edge stat. Sat / Office of the Federal State Statistics Service for the Altai Territory, the Republic of Altai. Barnaul, 2022. 188 p.
2. Website of the Ministry of Industry and Energy of the Altai Territory. URL: <https://www.alt-prom.ru> (date of access: 25.12.2022).
3. Borodin V. A., Gagarina G. Vu. Economic integration of regions as a mechanism for equalization and growth of their potentials // Federalism. 2020. No. 2. Pp. 80–85.
4. Golikova V. V., Kuznetsov B. V. Bihaviral strategies of Russian manufacturing enterprises in relation to imports in the context of economic sanctions // Questions of Economics. 2021. No. 7. Pp. 89–106.
5. Kolodco G. V. Defiliation 3.0: wartime economic — state socialism — crisis against the backdrop of a pandemic // Economic issues. 2021. No. 10. Pp. 5–26.
6. Grigoriev L. M., Yolkin Z. S., Medniva P. A., Serova D. A., Starodubtseva M. F., Filippova E. S. The perfect storm for personal consumption // Economic issues. 2021. No. 10. Pp. 27–50.
7. Grigoriev L. M., Pavlyshkina V. A., Murychenko E. A. Fall into the global recession 2020 // Economic issues. 2020. No. 5. Pp. 5–24.
8. Soboleva S. V., Smirnova Ch. E., Chudaeva O. V. Changes in the number and sex and age structure of the population of the Siberian Federal District and its regions in 1989–2017. Assessment of consequences and risks // Region: economic and sociology. 2019. No. 2 (102). Pp. 151–181.
9. Tatarkin A. I., Doroshchenko S. V. The region as a self-developing socio-economic system. Thansition through the crisis // Economy of the region. 2021. No. 1. Pp. 15–23.
10. Critsenko G. M., Mezina M. V., Povolotskaya O. A. Strategic Directions for the Development of Rusal Areas in the Region of Agricultural Specialization (in the example of the Altai Territory) // Management Science. 2019. No. 9 (3). Pp. 6–16.

Поступила в редакцию: 26.12.2022.

Принята к печати: 16.01.2023.

УДК 65.01

DOI 10.14258/epb202304

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕОРИИ ОПЦИОНОВ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ СТОИМОСТИ ESG-ОРИЕНТИРОВАННОГО БИЗНЕСА

Д. Ю. Захматов¹, Ю. В. Козырь²¹Казанский федеральный университет (Казань, Россия)²Центральный экономико-математический институт РАН (Москва, Россия)

Интерес к повышению устойчивости бизнеса путем внедрения практик социальной и экологической ответственности, а также к повышению уровня корпоративного управления (ESG-практик) поддерживается как государственными органами и инвесторами, так и консультантами и исследователями. Вектор гармонизации и улучшения экологической, социальной и экономической устойчивости декларирует не только достижение глобальных целей, но и преимущества для бизнеса, которые традиционно выражаются в получении дополнительной прибыли его акционерами. И в то же время отмечается абсолютно обоснованное критическое отношение к масштабному внедрению ESG-практик, обусловленное неопределенностью эффективности инвестиций в данное направление, а также сопутствующими рисками. Скептическое отношение эффективности вложений в ESG-инициативы основано на низких показателях окупаемости, или же убыточности, рассчитанных с использованием финансовой модели дисконтирования денежных потоков (DCF). Важно обратить внимание на особенности финансовой модели DCF, связанные со сравнительно коротким сроком прогнозирования, нелинейности ценообразования и ненулевой стоимостью акций в силу природы данного актива, традиционному снижению расчетной стоимости бизнеса в условиях волатильности и т. п. Данные факторы не позволяют раскрыть специфические особенности как ESG-вложений, так и свойств акций предприятий. В настоящей статье исследована гипотеза о возможности применения теории опционов при стоимостной оценке ESG-ориентированного бизнеса, даны характеристики условий ее применения, выполнен краткий обзор модификаций математических моделей, наиболее часто встречающихся при применении теории опционов, и предложено дальнейшее изучение практических инструментов, которые могут быть полезны в понимании и анализе его прогнозной эффективности.

Ключевые слова: ESG-факторы, устойчивое развитие бизнеса, оценка бизнеса, теория опционов при оценке, развитие методологии оценки.

EXPLORING THE APPLICABILITY OF OPTION THEORY IN VALUING ESG-FOCUSED BUSINESSES

D. Yu. Zakhmatov¹, Y. V. Kozyr²¹Kazan Federal University (Kazan, Russia)²Central Economic and Mathematics Institute RAS (Moscow, Russia)

The interest in promoting business sustainability through the adoption of ESG practices has gained widespread support from various stakeholders, including government agencies, investors, consultants, and researchers. This movement towards achieving environmental, social, and economic sustainability not only aligns with global objectives but also offers potential benefits for businesses by generating additional profits for shareholders. However, concerns have been raised about the efficacy of investing in ESG practices and associated risks. The skepticism towards ESG investments is mainly due to their low payback rates and unprofitability as measured by the traditional financial model of discounted cash flows (DCF). It is essential to consider the limitations of the DCF model, including its short forecasting period, non-linearity of pricing, non-zero value of shares, and susceptibility to volatility, which may not fully account for the unique features of ESG investments and enterprise shares. In this article, we investigate the hypothesis of using option theory

to evaluate ESG-focused businesses, including the conditions for its application and a review of the relevant mathematical models. We propose further research into practical tools that can aid in understanding and analyzing the predictive effectiveness of option theory.

Keywords: ESG factors, sustainable business development, business valuation, options theory in valuation, development of valuation methodology.

Введение. Некоммерческие инициативы в бизнесе, которые традиционно касались вопросов благотворительности и социальной активности предприятия, называемые «корпоративной социальной ответственностью», или КСО, в последнее время активно развиваются, охватывая такие направления, как корпоративное волонтерство, поддержка своих сотрудников и жителей региона, формируя имидж компании.

Дальнейшая трансформация социальной и общественной активности бизнеса в направлении решения экологических вопросов, выстраивания гармоничных отношений с государственными органами позволяет оказывать влияние на финансовую успешность компании и ее инвестиционную привлекательность. Такие области инициатив, как внимание к экологическим проблемам (E-Environment), справедливая социальная политика (S-Social) и профессиональное корпоративное управление (G-governance), определили широко используемую в бизнес-среде аббревиатуру ESG. Глобальные цели в области устойчивого развития и внедрения ESG-практик, сформулированные Организацией Объединенных Наций [1], предусматривают гармонизацию междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований в различных секторах общества и экономики, что требует внимания на государственном уровне, а также на уровне бизнес-структур.

Фокус внимания в настоящей статье направлен на вопросы влияния ESG-факторов на экономику предприятий как на способность создания долгосрочной ценности и трансформации краткосрочных стратегий развития к долгосрочным целям, подразумевая создание востребованных обществом социальных ценностей [2], повышая привлекательность бизнеса и понимание рисков для инвесторов [3].

С точки зрения бизнеса ESG воспринимается не как желаемая активность в некоммерческой сфере, а как стандарт, который следует применять в своей деятельности к включению в стратегические планы и раскрытию публичной нефинансовой отчетности, востребованной инвесторами.

Областью внимания акционеров, менеджмента и инвесторов являются ESG возможности, а также сопутствующие им риски. При этом скрывание (не раскрытие) ESG рисков оказывает негативное

влияние для принятия инвестиционных решений, поскольку приводит к неполному пониманию текущих или будущих финансовых перспектив предприятия [4].

Среди наиболее часто встречающихся ключевых факторов, которые вызывают интерес бизнеса к ESG трансформации, упоминаются:

- приоритетное внимание ESG ориентированных инвесторов к определенным бизнесам;
- появление законодательных требований государства, регулирующих деятельность компаний в аспектах, связанных с ESG;
- необходимость соответствия ожиданиям и ценностям клиентов, потребителей, партнеров и общества в целом;
- стратегический фактор развития, управления рисками и формирования имиджа компании.

Ожидается, что надлежащим образом спланированное и достаточно профинансированные ESG инициативы компании, помогут повысить отдачу от инвестиций в бизнес [5] в следующих аспектах:

- цена акции и рыночная стоимость;
- продажи и выручка;
- репутация и бренд;
- человеческий капитал;
- риски и права на ведение бизнеса.

Ключевые потенциальные эффекты от внедрения ESG-принципов для крупных, публичных компаний прогнозируются в следующих величинах.

В аспектах рыночной стоимости, стоимости акции и уменьшения риска:

- рост рыночной стоимости вплоть до 4–6%;
- снижение стоимости акционерного капитала на 1%;
- уменьшение систематического риска на 4%;
- снижение уровня волатильности цены акции на 2–10%;
- повышение стоимости компании путем тесного сотрудничества со стейкхолдерами на 40–80%;
- снижение стоимости заемного капитала на 40% и более.

В аспектах маркетинга, продаж, репутации и бренда:

- рост выручки вплоть до 20%;

- увеличение надбавки к цене до 20%;
- рост вовлеченности клиентов на 1–20% в ключевом сегменте и 60% в совокупном сегменте;
- сокращение потерь выручки вплоть до 7% от рыночной стоимости компании;

В аспектах человеческого капитала:

- сокращение текучести кадров на 50%;
- склонность работников к принятию возможных изменений условий оплаты труда, как снижение заработной платы на 5%;
- увеличение продуктивности на 13%;
- рост вовлеченности сотрудников на 7.5%.

Следует обратить внимание, что оптимистические мнения о беспроигрышном влиянии ESG-трансформации на бизнес нередко основаны на исследованиях, которые неоднозначны и неубедительны.

Первая проблема связана с попыткой расширить привлекательность ESG, включив в ее сферу цели продвижения трех направлений — улучшения окружающей среды, общества и надлежащего управления. Если добавить еще и прибыль, то корпоративные менеджеры должны максимизировать четыре измерения. Это невыполнимая задача, так как эти вещи часто могут конфликтовать друг с другом. Забота об окружающей среде может означать закрытие заводов, что может привести к деградации местного сообщества. Ставить интересы работников на первое место может означать худшие продукты для потребителей. Внедрение наилучшего управления может означать, что больше не будет корпоративных пожертвований местным благотворительным организациям. Почти каждое действие в угоду заинтересованным сторонам снижает прибыль [6].

Вторая проблема касается угроз, связанных с возрастающими темпами и уровнем инвестиций в устойчивое развитие с появлением ESG пузырей [7, 8].

С точки зрения позитивного влияния ESG факторов на стоимость бизнеса, сомнения возникают в следующих аспектах [9]:

■ Тезис, что что социально ответственные компании имеют более низкие ставки дисконтирования, и, следовательно, инвесторы имеют более низкую ожидаемую доходность, являются более убедительным, чем тезис о том, что социально ответственные фирмы обеспечивают более высокую прибыль или рост. Очевидно, что есть компании, которые выигрывают от социальной ответственности, но столь же очевидно, что есть бизнес, где социальная ответственность создает издержки без компенсирующих выгод. Утверждение, что социальная ответственность предприятия обеспечивает увеличение рынка, рост прибыли и стоимости

бизнеса, неубедительно. Кроме того, многие компании, продвигающие ESG-принципы, успешны по другим причинам.

■ Вложения в ESG практики публичных компаний в целях благоприятного имиджа не оказывают влияния на рост производительности и показатели прибыли. Наблюдаются обоснованные аргументы, что для «плохих» компаний, то есть игнорирующих ESG-повестку, характерны более высокие ставки дисконтирования, и вероятность наступления неблагоприятных событий. Более убедительным выглядит вариант приложения усилий к тому, чтобы компанию не отнесли к категории «плохих», чем вариант стремиться стать «хорошей» компанией.

■ Слабые доказательства, что в рыночную стоимость компании рынки включают ESG-факторы, за исключением компаний, которые помечены как «плохие».

■ Слабые доказательства того, что инвесторы могут рассчитывать на генерацию положительной избыточной прибыли при инвестировании, ориентированном на ESG, и нет никаких доказательств того, что активное инвестирование в ESG приносит больше пользы, чем пассивное инвестирование в ESG, что повторяет вывод, сделанный в большей части литературы по активному инвестированию.

■ Даже самые благоприятные данные об инвестировании в ESG не решают проблему причинно-следственной связи. Представляется столь же вероятным, что успешные фирмы используют принципы ESG, поскольку принятие принципов ESG делает фирмы успешными.

■ Если есть что-то обнадеживающее в инвестировании в ESG, то это выигрывает от раннего начала применения данных принципов. Инвесторы, которые опережают рынки в оценке того, как корпоративное поведение, хорошее или плохое, отразится на результатах и будет оценено, смогут получать избыточную прибыль, и, если они смогут повлиять на изменения, проявив активность, потенциально выиграют еще больше.

■ Большая часть литературы по ESG начинается с опровержения тезиса о том, что компании должны сосредоточиться на предоставлении прибыли и ценности своим акционерам, а не выполнять социальные функции. Необходим открытый, откровенный и подробный диалог о корпоративной политике, связанной с ESG, с признанием того, что хорошее поведение может повысить ценность одних компаний и может снизить ценность других, и что в долгосрочной перспективе инвестиции в хорошие компании могут окупаться в переходные периоды, но, как правило, приводят к снижению доходности в долгосрочной перспективе.

Таким образом, наблюдается достаточно аргументированный спор между сторонниками позитивного влияния ESG-принципов на стоимость бизнеса, и критиками данной позиции, а также возникает логичный вопрос: стоит ли инвестировать в ESG с точки зрения эффективности влияния данных вложений на стоимость компании?

Гипотеза. Для большинства активов метод дисконтирования денежных потоков является подходящим инструментом, позволяющим определить значение стоимости бизнеса или провести инвестиционный анализ, но в некоторых случаях есть вероятность недооценить стоимость актива, особенно если в актив включены следующие параметры:

- Возможность отсрочки. Инвестиции, которые выглядят плохими сегодня, могут стать хорошими завтра, и обладание правами на эти инвестиции все еще может быть ценным.
- Потенциальная возможность расширения. Инвестиции, которые открывают возможности в перспективе выйти на новый рынок или создать новый ценный продукт.
- Право на отказ. Некоторые инвестиции характеризуются правом или возможностью отказаться от них, если вложения не оправдаются.

Таким образом, если оценивать актив с указанными параметрами (опционами), то традиционная дисконтированная оценка денежного потока будет занижать стоимость такого актива.

Фактически в рамках использования стоимости опциона при оценке бизнеса можно утверждать, что он добавляет премию к традиционной оценке дисконтированных денежных потоков.

Ценообразование опционов не является альтернативой оценке дисконтированных денежных потоков, а является ее дополнением. Сначала производится оценка дисконтированных денежных потоков, а затем выполняется оценка опциона [9].

Гипотеза заключается в возможности использовании моделей опционов для определения влияния на стоимость предприятия ESG-трансформации его бизнеса. Основаниями для данной гипотезы могут служить следующие наблюдения:

- инвестиции в ESG практики нередко выглядят «плохими» на коротком сроке про-

гнозирования, но могут дать позитивные эффекты в будущем, то есть соблюдается параметр возможности отсрочки;

- ESG открывает возможности выхода на новые рынки, потенциал которых сложно измерить на текущий момент, то есть соблюдается принцип потенциальной возможности расширения;
- прекращение инвестиций в ESG также возможно, то есть соблюдается принцип права на отказ;
- дисконтирование денежных потоков для определения эффективности ESG трансформации характеризуется как неопределенностью, так и коротким сроком прогнозов в модели, что увеличивает вероятность недооценить стоимость актива.

Исследование гипотезы. Возможность применения опционов в стратегическом управлении организацией и стоимостной оценке бизнеса активно изучается и находит практическое применение [11, 12, 13, 14]. Также модель реальных опционов используется в инвестиционном анализе [15], в том числе в условиях высокой неопределенности [16].

Теория оценки опционов активно применяется и является полезной для проблемных компаний, предприятий добывающих отраслей, а также в отношении наукоемких и высокотехнологичных бизнесов [12].

Отраслевые аспекты использования моделей, основанных на опционах, являются объектом внимания исследователей относительно компаний нефтегазового сектора [17], промышленности [18], телекоммуникаций [19], банков [20, 21].

Одной из классических моделей, наиболее часто применяемой исследователями, является разработка Фишера Блэка и Майрона Шоулза в 1973 г. [22]. Данная разработка носит название «модель Блэка-Шоулза», или модель «Блэка-Шоулза-Мертонна», поскольку Роберт С. Мертону первым написал научную статью на эту тему. Данная модель явилась базой для дальнейших исследований, которые привели к ее модификации и усложнению, которые приводят к нелинейности разработанного уравнения. Для иллюстрации и полноты исследования приведем некоторые из направлений развития базовой формулы Блэка-Шоулза.

Таблица 1

Некоторые направления развития базовой формулы Блэка-Шоулза

Направление модификации	Модель и особенности
Учет волатильности стоимости базового актива, характерный для реальных рынков.	Модель Леланда [23], где через дискретные промежутки времени предусматривается выполнение отдельных транзакций
	Модель Барльса и Сонера [24], где волатильным показателем является уровень транзакционных издержек
	Модель Яндачека и Севковича [25], где рассмотрены вопросы минимизации транзакционных издержек и снижение риска
Учет как дискретного, так и непрерывного времени	Модель Кокса, Росса и Рубинштейна [26] (биномиальная), где цена опциона определяется путем разделения на периоды времени до экспирации, при этом изменяется цена базового актива в каждом периоде
	Бойля [27] (методы Монте-Карло), где учтены вероятностные характеристики параметров модели
Учет случайного (стохастического) характера волатильности цены базового актива и безрисковой ставки	Гестона [28], в которой характер изменения цены базового актива является случайным
	Кокса-Ингерсолла-Росса [29], в которой предусмотрено изменение динамики краткосрочной процентной ставки

Как уже отмечалось, в случае отсутствия положительных и стабильных денежных потоков в ближайшем будущем, наблюдается неспособность достоверного определения стоимости бизнеса и потенциала ее повышения с использованием метода дисконтированных денежных потоков. Данный фактор приводит к недооценке предприятий, для которых в моменте характерна отрицательная приведенная стоимость (NPV) вложений в ESG трансформацию. Данные вложения могут оказаться прибыльными в будущем при благоприятном изменении обстоятельств, позволяющими считать высокий уровень ESG в компании конкурентным преимуществом, что фактически может быть охарактеризовано как колл-опцион.

В качестве модели для исследования гипотезы возможности использования моделей опционов для определения влияния на стоимость предприятия ESG трансформации его бизнеса, применяется ее базовый вариант. После получения результатов по базовой модели и подтверждения выдвинутой гипотезы авторами в следующих статьях могут быть продолжены дальнейшие исследования, касающиеся проведения качественного анализа применимости модификаций модели Блэка-Шоулза в части влияния на результат их применения тех или иных сценариев изменения параметров.

Базовая формула модели Блэка — Шоулза и пояснения ее компонентов представлена ниже:

$$C = S * e^{-rt} * N(d_1) - K * e^{-rt} * N(d_2), \quad (1)$$

$$d_1 = \frac{\ln\left(\frac{S}{K}\right) + (r + 0,5\sigma^2) * t}{\sigma * \sqrt{t}}; \quad d_2 = d_1 - \sigma * \sqrt{t}, \quad (2)$$

где C — искомая стоимость предприятия как колл-опциона;

S — дисконтированная (текущая) стоимость базового актива;

K — цена исполнения опциона;

r — безрисковая ставка (годовая);

u — стоимость отсрочки (дивидендная доходность);

t — срок до истечения опциона;

σ^2 — дисперсия базового актива (S).

$N(d_1)$ и $N(d_2)$ — вероятности того, что при нормальном распределении средней, равной 0, и стандартном отклонении, равном 1, результат будет меньше соответственно d_1 и d_2 .

Фактически $N(d_1)$ является коэффициентом хеджирования, отражающим требуемое к покупке количество акций, чтобы получить выплаты, схожие с колл-опционом.

Приведем некоторые пояснения относительно исходных данных.

1. Оценка базового актива это дисконтированная (текущая) стоимость денежных потоков, который он будет генерировать в прогнозный период. При расчете опциона на стоимость бизнеса в качестве базового актива выступает само предприятие, поэтому текущая стоимость базового актива может определяться как дисконтированная стоимость денежных потоков от его деятельности. Традиционно при составлении прогноза денежных потоков отмечается высокая степень погрешностей, однако данное обстоятельство не препятствует оценке стоимости бизнеса, а обуславливает возможность оценки стоимости опциона, поскольку при более высокой степени достоверности прогнозов можно отметить отсутствие самого опциона.

2. Дисперсия базового актива — это неопределенность величин денежных потоков и их дисконтированной стоимости, что обусловлено как неопределенностью объема рынка продукта, так и нестабильностью затрат и прибыльности про-

дукта. Дисперсия базового актива (дисконтированной стоимости базового актива) может быть определена или на основе ретроспективных показателей по аналогичным продуктам, либо на основе сценарного прогнозирования денежных потоков базового актива. Наблюдается более высокая стоимость опциона при росте дисперсии, и уменьшение его стоимости для стабильного бизнеса.

3. Цена исполнения опциона представляет собой инвестиции, требуемые для осуществления проекта.

4. Срок истечения опциона — период, после которого сделанные инвестиции, предполагают нулевую чистую приведенную стоимость. При этом стоимость опциона более выгодна при увеличении срока его истечения.

5. Дивидендная доходность (стоимость отсрочки) — определяется исходя из логики, что каждый год отсрочки проекта означает уменьшение на один год периода, в течение которого ожидаются создающие стоимость денежные потоки (аналогично выплата дивидендов по базовому активу уменьшает стоимость колл-опциона на данный актив). Планируемые дивиденды по базовому активу уменьшают после выплат цену базового актива и таким образом снижают стоимость колл-опциона.

Таким образом, формула Блэка-Шоулза позволяет рассчитать стоимость бизнеса, который позволяет получать в момент времени t такие же выплаты, как и колл-опцион.

В чистом виде в соответствии с моделью оценки стоимости опциона Блэка-Шоулза стоимость опциона определяется пятью факторами [30]:

- рыночной стоимостью базового актива (стоимостью доли или акций предприятия);
- ценой исполнения;
- сроком действия опциона;
- безрисковой ставкой;
- риском вложений в акции.

В базовой модели в течение срока действия опциона приняты постоянными величинами как безрисковая ставка, так и риск вложения в акции на протяжении всего срока действия опциона.

Рассмотрев порядок оценки стоимости опционов, необходимо определить входные параметры для опционной оценки бизнеса. Все перечисленные в данной таблице ценообразующие факторы модели оценки реальных опционов, за исключением безрисковой ставки, позволяют менеджменту оперативно управлять стоимостью компаний.

Основное достоинство применения опционных моделей при оценке бизнеса заключается в том, что стоимость оцениваемых компаний зачастую является переменной величиной, зависящей от ряда внешних факторов по отношению к произ-

водственно-финансовым характеристикам. На наш взгляд, именно такие переменные величины целесообразно оценивать с использованием техники опционного ценообразования.

Проиллюстрируем вариант выбора входных параметров для модели Блэка-Шоулза для условной компании нефтегазового сектора.

Выбор именно нефтегазовой отрасли обусловлен существенностью экологических факторов для инвесторов в энергетический сектор [31]. Инвесторы, в свою очередь, являются основным стимулом для мировых компаний внедрять изменения. Самый яркий пример такого давления инвесторов на компании — открытое письмо главы крупнейшего в мире управляющего BlackRock Ларри Финка, в котором он пообещал, что BlackRock будет голосовать против менеджмента и членов советов директоров компаний, которые не достигают достаточного прогресса в отношении раскрытий информации по ESG.

Применение опционных моделей при оценке нефтяных компаний практически всегда приводит к большей стоимости по сравнению с моделями дисконтирования денежных потоков (DCF) в силу влияния как минимум двух факторов:

- 1) учета нелинейности ценообразования акций, при которой цена акции не может снизиться ниже нуля, но сверху ее стоимость практически ничем не ограничена (этот фактор приводит к росту стоимости при возрастании волатильности и неопределенности — в противоположность моделям DCF);
- 2) про-активного менеджмента нефтяных компаний — при неблагоприятной конъюнктуре рынка управленцы не смотрят на ситуацию глазами прогнозистов модели DCF — они принимают активные меры по снижению возможных убытков: консервируют скважины, снижают собственные затраты и т. п.

Положительная динамика будущей чистой прибыли для компаний из группы отраслей, связанных с материалами, за счет ESG-эффектов [32], может быть обусловлена в том числе следующими факторами: снижение стоимости привлечения заемных средств за счет «зеленого финансирования» [33, 34], снижение рисков инвестиций, которые учитываются при расчете ставки дисконтирования [35], а также влияние на долю рынка, благодаря ее увеличению или удержанию за счет ESG-ориентированных покупателей.

Направление расходов на ESG-трансформацию может состоять из разделов, предусмотренных отраслевыми стандартами Sustainability Accounting Standards Board (SASB) по компаниям, занимаю-

шимся разведкой и добычей нефти и газа, разведкой, добычей или производством энергетических продуктов, таких как сырая нефть и природный газ, которые составляют добывающие операции в цепочке создания стоимости нефти и газа [36], согласно которых можно выделить следующие отраслевые ESG факторы:

- выбросы парниковых газов;
- качество воздуха;
- управление водными ресурсами;
- воздействие на биоразнообразие;
- безопасность, права человека и права коренных народов;
- общественные отношения;
- охрана труда и техника безопасности;
- оценка запасов и капитальные затраты;
- деловая этика и прозрачность;
- управление нормативно-правовой средой;
- управление рисками критических инцидентов.

Чистый эффект от ESG-инициатив можно считать в размере разности между опционной моделью с учётом ESG, и опционной моделью без учета ESG, то есть выполним расчет стоимости компании нефтегазовой отрасли в двух вариантах:

Вариант 1 (базовый) основан на сценарии развития предприятия без учета вложений в ESG трансформацию.

Вариант 2 (ESG) основан на сценарии развития предприятия с учетом вложений в ESG трансформацию, который предусматривает изменение суммарной стоимости будущих денежных потоков и вложений.

Для построения модели текущая суммарная стоимость вложений в ESG инициативы определена на уровне 1000 тыс. USD, а текущая суммарная стоимость будущей чистой прибыли компании, ожидаемой в течение срока действия лицензии увеличивается также на 1 000 тыс. USD.

В данном случае для исследования важны не абсолютные значения, а именно их одинаковая величина, поскольку в условиях равных величин текущей суммарной стоимости вложений в ESG инициативы и ожидаемого прироста текущей суммарной стоимости будущей чистой прибыли компании, в течение срока действия лицензии, величина стоимости предприятия, определенная в рамках метода дисконтированных денежных потоков останется неизменной. Результаты такого подхода наглядно представлены в таблице 2.

Таблица 2

Влияние ESG инициатив с выбранными параметрами на стоимость предприятия, построенная с использованием базовой модели Блэка-Шоулза

Параметр модели Блэка-Шоулза	Входной параметр для оценки	Значение параметра вариант 1 (базовый)	Значение параметра вариант 2 (ESG)
Дисконтированная (текущая) стоимость базового актива	Определяется отдельно на основе метода дисконтированных денежных потоков за срок до истечения опциона (для нефтегазодобывающей компании — это срок действия лицензии), тыс. USD	8 683	9 683
Цена исполнения опциона	Определяется как дисконтированная стоимость вложений (в частности, направленных на разработку доказанных запасов ископаемых ресурсов), тыс. USD	11 216	12 216
Срок до истечения опциона	Определяется на уровне периода действия лицензии на добычу полезных ископаемых, лет.	22	22
Безрисковая ставка	Безрисковая ставка со сроком, соответствующим сроку истечения опциона на уровне значения кривой бескупонной доходности государственных облигаций, %	8,43%	8,43%
σ^2 — дисперсия базового актива	Дисперсия мировых цен на нефть за 3 года (2019–2021)	144,4%	144,4%
σ — волатильность доходности базового актива	Квадратный корень из дисперсии	120,17%	120,17%
Стоимость отсрочки (дивидендная доходность)	Как вариант, принимается на уровне среднегодового объема добычи полезных ископаемых как процент от доказанных запасов	4,55%	4,55%

Для выявления влияния ESG-эффектов на стоимость бизнеса, приведенные в таблице входные

параметры по двум вариантам (базовый и с ESG) ниже подставлены в формулу модели Блэка-Шоулза.

Вариант 1 (базовый)

$$d_1 = \frac{\ln\left(\frac{S}{K}\right) + (r + 0,5\sigma^2) * t}{\sigma * \sqrt{t}} = \frac{\ln(8683/11216) + ((0,0843 - 0,0455) + 0,5 * 120,17\%^2) * 22}{120,17\% * \sqrt{22}} = 2,924264636;$$

$$d_2 = d_1 - \sigma * \sqrt{t} = 2,924264636 - 120,17\% * \sqrt{22} = -2,712207983;$$

$$N(d_1) = 0,998273645, \quad N(d_2) = 0,003341832.$$

Подставив полученные значения в выражение (1), определим стоимость компании при базовом варианте (C_1) в тыс. USD:

$$\begin{aligned} C_1 &= S * e^{-yt} * N(d_1) - K * e^{-rt} * N(d_2) = \\ &= 8683 * e^{-0,0455 * 22} * 0,998273645 - 11216 * e^{-0,0843 * 22} * 0,003341832 = 3180. \end{aligned}$$

Вариант 2 (ESG)

$$d_1 = \frac{\ln\left(\frac{S}{K}\right) + (r + 0,5\sigma^2) * t}{\sigma * \sqrt{t}} = \frac{\ln(9683/12216) + ((0,0843 - 0,0455) + 0,5 * 120,17\%^2) * 22}{120,17\% * \sqrt{22}} = 2,928451553;$$

$$d_2 = d_1 - \sigma * \sqrt{t} = 2,928451553 - 120,17\% * \sqrt{22} = -2,708021066;$$

$$N(d_1) = 0,998296725, \quad N(d_2) = 0,003384286.$$

Подставив полученные значения в выражение (1), определим стоимость компании при ESG варианте (C_2) в тыс. USD:

$$\begin{aligned} C_2 &= S * e^{-yt} * N(d_1) - K * e^{-rt} * N(d_2) = \\ &= 9683 * e^{-0,0455 * 22} * 0,998296725 - 12216 * e^{-0,0843 * 22} * 0,003384286 = 3546. \end{aligned}$$

В результате сравнения сценариев, выигрыш в стоимости предприятия в результате применения ESG трансформации с заданными параметрами, составил $3546 - 3180 = 366$ тыс. USD, то есть наблюдается рост относительно базового сценария на 11,5% по сравнению с выводами о стоимости предприятия, полученными в рамках метода дисконтирования денежных потоков.

В приведенном расчете проиллюстрировано положительное влияние вложений ESG инициатив на стоимость предприятия, наблюдаемое при использовании базовой модели Блэка-Шоулза с заданными параметрами.

Заключение. Отвечая на вопрос экономической обоснованности инвестиций в ESG трансформацию с точки зрения эффективности влияния данных вложений на стоимость компании, можно предположить, что гипотеза о применимости теории опционов является уместной и целесообразной для исследования.

Внимание к вопросам ESG инициатив, наблюдаемое как со стороны бизнеса, так и со стороны законодательных инициатив [37, 38, 39, 40] позволяет предположить о продолжении и углублении регулирования в данной области и все больше компаний будут сталкиваться с вопросами оценки экономической эффективности инвестиций в ESG трансформацию.

В связи с данными обстоятельствами можно предположить о востребованности разработки инструментария и методик, позволяющих получить представление о влиянии ESG факторов на стоимость бизнеса. С учетом этапа отечественных активностей в области ESG наиболее предпочтительным является исследование и совершенствование методов доходного подхода, не ограничиваясь методом дисконтирования денежных потоков, и особое внимание может быть сосредоточено на опционные модели оценки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. The Sustainable Development Goals. // Официальный сайт United Nations. URL: <https://www.undp.org/sustainable-development-goals> (дата обращения: 11.09.2022).
2. Introduction to ESG. Posted by Mark S. Bergman, Ariel J. Deckelbaum, and Brad S. Karp, Paul, Weiss, Rifkind, Wharton & Garrison LLP, on Saturday, August 1, 2020. URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2020/08/01/introduction-to-esg/> (дата обращения: 11.09.2022).
3. IMPACT INVESTING MARKET MAP // Официальный сайт Principles for Responsible Investment. URL: <https://www.unpri.org/thematic-and-impact-investing/impact-investing-market-map/3537.article> (дата обращения: 11.09.2022).
4. ESG (Environmental, Social, Governance): основные понятия и опыт регулирования. Самвел Лазарян, Иван Никонов и Асмик Хачатрян. Доклад Центра макроэкономических исследований Научно-исследовательского финансового института Минфина России. URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/Reports/НИФИ_Экологические_социальные_управленческие_факторы_ESG.pdf (дата обращения: 11.09.2022).
5. Defining the Competitive and Financial Advantages of Corporate Responsibility and Sustainability. Babson College. 2015. Steve Rochlin, Richard Bliss, Stephen Jordan, Cheryl Yaffe Kiser. URL: <https://www.charities.org/sites/default/files/Project%20ROI%20Report.pdf> (дата обращения: 11.09.2022).
6. Why It Is Risky to Have a Woke CEO | Opinion. M. Todd Henderson, professor, University of Chicago Law School. 09.10.2020. URL: <https://www.newsweek.com/why-it-risky-have-woke-ceo-opinion-1530170> (дата обращения: 11.09.2022).
7. Sustainable finance: trends, valuations and exposures. Sirio Aramonte and Anna Zabai. BIS Quarterly Review. 20.09.2021. URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt2109v.htm (дата обращения: 11.09.2022).
8. ESG will create financial bubbles just like crypto, banking body CEO says. Chloe Taylor. 22.10.2021. URL: <https://www.cnbc.com/2021/10/22/esg-will-create-bubbles-and-the-next-amazon-or-tesla-iif.html> (дата обращения: 11.09.2022).
9. Cornell V., Damodaran A. Valuing ESG: Doing Good or Sounding Good? // The Journal of Impact and ESG Investing. 2020. 1. Pp. 76–93.
10. Damodaran A. Session 1: Introduction to Valuation. 26.08.2014. URL: <https://youtu.be/znmQ7oMiQrM> (дата обращения: 15.08.2022).
11. Damodaran A. Investment valuation (2nd ed.). New York, 2002.
12. Валдайцев С. В. Оценка бизнеса и управление стоимостью предприятия: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям. М., 2001. 719 с.
13. Козырь Ю. В. Применение теории опционов для оценки компаний. Часть 3. Опционная оценка фирм, связанных с разработкой природных ресурсов // Рынок ценных бумаг. 2000. № 14.
14. Медведева А. Ю. Модель Блэка-Шоулза в оценке стоимости бизнеса // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2016. № 2–1 (63). С. 98–100.
15. Круковский А. А. Модель реальных опционов в инвестиционном анализе // Труды Института системного анализа Российской академии наук. 2007. Т. 30. С. 95–112.
16. Ван Д. Модели оценки эффективности инвестиционных проектов в условиях неопределённости // Экономика и социум. 2017. № 6–1 (37). С. 371–384.
17. Журавская Г. С., Сокольникова И. В. Перспективы применения методик реальных опционов в нефтегазовых компаниях // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2019. № 1 (47).
18. Гутенев А. В., Кочкин И. А., Степанов А. В. Сравнительный анализ применения моделей Блэка-Шоулза и Кокса-Росса-Рубинштейна для оценки реальных опционов в инвестиционных проектах в промышленности // Экономика и предпринимательство. 2019. № 4 (105). С. 535–543.
19. Вошинин В. В. Оценка инвестиционных проектов методом реальных опционов в отрасли телекоммуникаций // Экономические науки. 2018. № 168. С. 49–51.
20. Головина Г. П. Применение опционной модели Блэка-Шоулза для оценки стоимости коммерческого банка // Экономические науки. 2010. № 68. С. 239–243.
21. Понукалин А. В., Борзихин В. С. Оценка коммерческого банка на основе модели опционного ценообразования Блэка-Шоулза // Fortus: экономические и политические исследования. 2018. № 2 (2). С. 35–40.
22. Black F., Scholes M. The pricing of options and corporate liabilities // Journal of Political Economy. 1973. Vol. 81. Pp. 637–654.
23. Leland H. E. Option pricing and replication with transactions costs // The Journal of Finance. 1985. 40. Pp. 1283–1301.

24. Barles G., Soner H. M., Option pricing with transaction costs and a nonlinear Black — Scholes equation // *Finance and Stochastics*. 1998. 2. Pp. 369–397.
25. Jandačka M., Sevčovič D., On the risk-adjusted pricing-methodology-based valuation of vanilla options and explanation of the volatility smile // *Journal of Applied Mathematics*. 2005. 3. Pp. 235–258.
26. Cox J. C., Ross S. A., Rubinstein M. Option pricing: a simplified approach // *Journal of Financial Economics*, September, 1979. 7. Pp. 229–263.
27. Boyle Ph. Options: a Monte Carlo approach // *Journal of Financial Economics*. 1977. 4. Pp. 323–338.
28. Heston S. L. A closed-form solution for options with stochastic volatility with applications to bond and currency options // *The Review of Financial Studies*. 1993. Vol. 6 (Issue 2). Pp. 327–343.
29. Cox J. C., Ingersoll J. E. Jr., Ross S. A. A theory of the term structure of interest rates // *Econometrica*. March, 1985. Vol. 53 (Issue 2). Pp. 385–408.
30. Гатин Д. А. Оценка и управление стоимостью малых нефтедобывающих компаний Республики Татарстан: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством»: дис. ... канд. экон. наук. Казань, 2002. 189 с.
31. Хилинский Е. Почему ESG заставляет сектор энергетики меняться? // *Нефтегазовая вертикаль*. 2021. № 1–2. URL: <http://www.ngv.ru/magazines/article/kak-esg-zastavlyaet-sektor-energetiki-menyatsya/> (дата обращения: 20.06.2022).
32. Батаева Б. С., Кокурина А. Д., Карпов Н. А. Влияние раскрытия ESG-показателей на финансовые результаты российских публичных компаний // *Управленец*. 2021. Т. 12, № 6. С. 20–32. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-6-2.
33. Муравьев Е. М. Роль зеленых финансов в достижении устойчивого развития мировой экономики и экономик отдельных стран // *Проблемы глобальной экономики*. М., 2019. С. 90–95.
34. Катасонова Ю., Митрофанов П. Будущее рынка устойчивого финансирования в РФ: банки формируют рынок. URL: https://raexpert.ru/researches/sus_dev/esg2021/ (дата обращения: 20.06.2022).
35. Zakhmatov D., Vagizova V., Valitov G. Accounting for ESG Risks in the Discount Rate for Business Valuation. // *Journal of Corporate Finance Research*. 2022. 16 (1). Pp. 83–98.
36. OIL & GAS — EXPLORATION & PRODUCTION Sustainability Accounting Standard. Prepared by the Sustainability Accounting Standards Board October 2018. URL: <https://www.sasb.org/standards/download/?lang=en-us> (дата обращения: 20.06.2022);
37. Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
38. Распоряжение Правительства РФ от 18.11.2020 № 3024-р «О координирующей роли Минэкономразвития России по вопросам развития инвестиционной деятельности и привлечения внебюджетных средств в проекты устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
39. Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
40. Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru>.

REFERENCES

1. The Sustainable Development Goals. // United Nations Official Website. URL: <https://www.undp.org/sustainable-development-goals> (date of access: 11.09.2022).
2. Introduction to ESG. Posted by Mark S. Bergman, Ariel J. Deckelbaum, and Brad S. Karp, Paul, Weiss, Rifkind, Wharton & Garrison LLP, on Saturday, August 1, 2020. URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2020/08/01/introduction-to-esg/> (date of access: 11.09.2022).
3. IMPACT INVESTING MARKET MAP // Official website of Principles for Responsible Investment. URL: <https://www.unpri.org/thematic-and-impact-investing/impact-investing-market-map/3537>. article (date of access: 11.09.2022).
4. ESG (Environmental, Social, Governance): basic concepts and management experience. Samvel Lazaryan, Ivan Nikonov and Hasmik Khachatryan. Report of the Center for Macroeconomic Research of the Scientific

Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation. URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/Reports/НИФИ_Экологические_социальные_management_factory_esg.pdf (date of access: 11.09.2022).

5. Defining the Competitive and Financial Advantages of Corporate Responsibility and Sustainability. Babson College. 2015. Steve Rochlin, Richard Bliss, Stephen Jordan, Cheryl Yaffe Kiser. URL: <https://www.charities.org/sites/default/files/Project%20ROI%20Report.pdf> (date of access: 11.09.2022).

6. Why It Is Risky to Have a Woke CEO | Opinion. M. Todd Henderson, professor, University of Chicago Law School. 09.10.2020. URL: <https://www.newsweek.com/why-it-risky-have-woke-ceo-opinion-1530170> (date of access: 11.09.2022).

7. Sustainable finance: trends, valuations and exposures. Sirio Aramonte and Anna Zabai. BIS Quarterly Review. 09/20/2021. URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt2109v.htm (date of access: 11.09.2022).

8. ESG will create financial bubbles just like crypto, banking body CEO says. Chloe Taylor. 22.10.2021. URL: <https://www.cnbc.com/2021/10/22/esg-will-create-bubbles-and-the-next-amazon-or-tesla-iif.html> (date of access: 11.09.2022).

9. Cornell B., Damodaran A. Valuing ESG: Doing Good or Sounding Good? // The Journal of Impact and ESG Investing. 2020. No. 1. Pp. 76–93.

10. Damodaran A. Session 1: Introduction to Valuation. 26.08.2014. URL: <https://youtu.be/znmQ7oMiQrM> (date of access: 15.08.2022).

11. Damodaran A. Investment valuation (2nd ed.). New York, 2002.

12. Valdaytsev S.V. Business valuation and enterprise value management. Textbook for university students studying in economic specialties. Moscow, 2001. 719 p.

13. Kozyr Yu. V. Application of the theory of options for evaluating companies. Part 3. Option evaluation of firms associated with the development of natural resources // Securities market. 2000. No. 14.

14. Medvedeva A. Yu. The Black — Scholes model in assessing the cost of a business // New science: Theoretical and practical view. 2016. No. 2–1 (63). Pp. 98–100.

15. Krukovsky A. A. Model of real options in investment analysis // Proceedings of the Institute of System Analysis of the Russian Academy of Sciences. 2007. Vol. 30. Pp. 95–112.

16. Wang D. Models for evaluating the effectiveness of investment projects in conditions of uncertainty // Economy and society. 2017. No. 6–1 (37). Pp. 371–384.

17. Zhuravskaya G. S., Sokolnikova I. V. Prospects for the application of the methodology of real options in oil and gas companies // Information and economic aspects of standardization and technical regulation. 2019. No. 1 (47).

18. Gutenev A. V., Kochkin I. A., Stepanov A. V. Comparative analysis of the use of Black-Scholes and Cox-Ross-Rubinstein models for evaluating real options in investment projects in industry // Economics and entrepreneurship. 2019. No. 4 (105). Pp. 535–543.

19. Voshchinin V. V. Evaluation of investment projects by the method of real options in the telecommunications industry // Economic sciences. 2018. No. 168. Pp. 49–51.

20. Golovina G. P. The use of the Black-Scholes option model for assessing the value of a commercial bank // Economic sciences. 2010. No. 68. Pp. 239–243.

21. Ponukalin A. V., Borzikhin V. S. Evaluation of a commercial bank based on the Black-Scholes option pricing model // Fortus: economic and political studies. 2018. No. 2 (2). Pp. 35–40.

22. Black F., Scholes M. The pricing of options and corporate liabilities // Journal of Political Economy. 1973. Vol. 81. Pp. 637–654.

23. Leland H. E. Option pricing and replication with transactions costs // The Journal of Finance. 1985. 40. Pp. 1283–1301.

24. Barles G., Soner H. M., Option pricing with transaction costs and a non-linear Black — Scholes equation // Finance and Stochastics. 1998. 2. Pp. 369–397.

25. Jandačka M., Sevčovič D., On the risk-adjusted pricing-methodology-based valuation of vanilla options and explanation of the volatility smile // Journal of Applied Mathematics. 2005. 3. Pp. 235–258.

26. Cox J. C., Ross S. A., Rubinstein M. Option pricing: a simplified approach // Journal of Financial Economics, September. 1979. 7. Pp. 229–263.

27. Boyle Ph. Options: a Monte Carlo approach // Journal of Financial Economics. 1977. 4. Pp. 323–338.

28. Heston S. L. A closed-form solution for options with stochastic volatility with applications to bond and currency options // The Review of Financial Studies. 1993. Vol. 6 (Issue 2). Pp. 327–343.

29. Cox J. C., Ingersoll J. E. Jr., Ross S. A. A theory of the term structure of interest rates // Econometrica. March, 1985. Vol. 53 (Issue 2). Pp. 385–408.

30. Gatin D. A. Valuation and cost management of small oil-producing companies of the Republic of Tatarstan: specialty 08.00.05 "Economics and management of the national economy": dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences. Kazan, 2002. 189 p.
31. Evgeny Khilinsky. Why is ESG forcing the energy sector to change? // Oil and Gas Vertical. 2021. No. 1–2. URL: <http://www.ngv.ru/magazines/article/kak-esg-zastavlyaet-sektor-energetiki-menyatsya/> (date of access: 20.06.2022).
32. Bataeva B. S., Kokurina A. D., Karpov N. A. The impact of the disclosure of ESG indicators on the financial results of Russian public companies // Manager. 2021. Vol. 12, No. 6. Pp. 20–32. DOI: 10.29141/2218–5003–2021–12–6–2
33. Muravyev E. M. The role of green finance in achieving sustainable development of the world economy and the economies of individual countries // Problems of the global economy. Moscow, 2019. Pp. 90–95.
34. Katasonova Yu., Mitrofanov P. The future of the sustainable financing market in the Russian Federation: banks are shaping the market. URL: https://raexpert.ru/researches/sus_dev/esg2021/ (date of access: 20.06.2022).
35. Zakhmatov D., Vagizova V., Valitov, G. Accounting for ESG Risks in the Discount Rate for Business Valuation // Journal of Corporate Finance Research. 2022. 16 (1). Pp. 83–98.
36. OIL & GAS — EXPLORATION & PRODUCTION Sustainability Accounting Standard. Prepared by the Sustainability Accounting Standards Board. 2018. October. URL: <https://www.sasb.org/standards/download/?lang=en-us> (date of access: 20.06.2022)
37. Federal Law No. 296-FZ of 02.07.2021 "On limiting greenhouse gas emissions" // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 02.07.2021, "Assembly of Legislators of the Russian Federation". No. 27 (Part I), Article 5124, "Rossiyskaya Gazeta". Pp. 147–148.
38. Decree of the Government of the Russian Federation of 18.11.2020 No. 3024-r "On the coordinating role of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation on the development of investment activities and attraction of extra-budgetary funds in sustainable (including green) development projects in the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information URL: <http://pravo.gov.ru>.
39. Decree of the Government of the Russian Federation of 14.07.2021 No. 1912-r "On approval of the goals and main directions of sustainable (including green) development of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru>.
40. Decree of the Government of the Russian Federation dated 09.21.2021 No. 1587 "On approval of criteria for sustainable (including Green) development projects in the Russian Federation and requirements for the verification system for sustainable (including green) development projects in the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru>.

Поступила в редакцию: 17.10.2022.

Принята к печати: 21.12.2022.

УДК 332.1

DOI 10.14258/epb202305

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ СТРОИТЕЛЬНОГО РЫНКА НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА

Е. Н. Киселева¹, М. В. Шатохин², Н. В. Жахов¹, Н. М. Сурай³¹Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия)³Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, (Москва, Россия)

Статья посвящена анализу влияния строительного рынка на развитие региональной экономической системы посредством формирования социального эффекта. Выявлено, что строительный рынок играет существенную роль в региональной экономической системе, а его развитие является важным инструментом прогрессивного функционирования социально-экономического развития региона в целом. Разработана модель, позволяющая на основе обобщения имеющихся статистических данных экономического развития региона оценить эмпирическую зависимость между уровнем развития строительного рынка и эволюцией региональной экономической системы, которая в свою очередь способствует обоснованию степени влияния развития этого рынка на данную систему. В статье представлен алгоритм механизма оценки качества конкурентной среды строительного рынка региональной экономической системы. В рамках исследования для оценки качества конкурентной среды строительного рынка предложена категорийная шкала, критерии которой формируются на основе фактических расчетных значений ряда индикаторов оценки уровня конкуренции на исследуемом рынке и с учетом пороговых значений последних.

Ключевые слова: региональная социально-экономическая система, жилищное строительство, строительный рынок, конкурентная среда.

THE ROLE OF THE CONSTRUCTION MARKET IN THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGIONAL SYSTEMS: AN EMPIRICAL ANALYSIS

E. N. Kiseleva¹, M. V. Shatokhin², N. V. Zhakhov¹, N. M. Suray³¹Southwestern State University (Kursk, Russia)²Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)³Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)

The article analyzes how the construction market affects the regional economic system by generating a social effect. It demonstrates that the development of the construction market is crucial for the progressive functioning of the socio-economic development of the region. The study develops a model that evaluates the empirical relationship between the level of development of the construction market and the evolution of the regional economic system. The article presents an algorithm for assessing the quality of the competitive environment of the construction market using a categorical scale, based on actual calculated values of indicators for assessing the level of competition and taking into account threshold values. This research provides insights into the degree of influence that the development of the construction market has on the regional economic system, and highlights the importance of assessing the quality of the competitive environment of the construction market.

Keywords: regional socio-economic system, housing construction, construction market, competitive environment.

Важным этапом исследования регионального строительного рынка является рассмотрение его места и роли в развитии региональной социально-экономической системы. В первую очередь его место и роль проявляются в двух направлениях, а именно в создании социального и экономического эффектов. Социальный эффект влияния строительного рынка на развитие региональной экономической системы подробно раскрывают в своих трудах многие ученые-экономисты. Например, Л. Р. Курманова отмечает несколько основных социальных эффектов, которые формируются на региональном уровне экономической системы при развитии строительного рынка. В первую очередь автор выделяет влияние строительного рынка на рынок труда [1].

Ни для кого не секрет, что строительный рынок практически в каждом регионе занимает существенную долю в структуре валового регионального продукта, следовательно, существенная часть трудоспособного населения региона сосредоточена на строительном рынке труда. При активизации развития строительного рынка происходит привлечение дополнительного количества трудовых ресурсов, что, с одной стороны, существенно снижает уровень региональной безработицы, а с другой — способствует повышению величины номинального и реального дохода жителей территории. Т. Лук указывает на возможность сделать здоровье, благополучие работников строительной отрасли региона активом, а не обязанностью [2].

В своем исследовании В. К. Лихобабин, М. Л. Саксон, О. А. Разинкова отмечают корреляцию влияния строительного рынка на состояние демографической сферы в регионе. В частности, в рамках авторской трактовки данной позиции и проведенных статистических расчетов было выяснено, что снижение стоимости жилья на 10% приводит к росту количества семей на 1,25%. В данном случае проявление социального эффекта при развитии строительного рынка на региональном уровне достигается в процессе удовлетворения потребностей населения в качественном и доступном по цене жилье [3].

На сегодняшний день сформирована неоднородная структура в разрезе регионов по развитию строительной отрасли, определяемая различающимся в количестве застройщиков, изменяющихся мерах поддержки со стороны государства в условиях эпидемии COVID-19, а также особых условиях поддержки строительных организаций, которые являются субъектами малого и среднего предпринимательства [4].

Социальный эффект влияния строительного рынка на развитие региональной экономической системы прослеживается и в негативном влиянии пандемии COVID-19 на отрасль жилищного строи-

тельства, обусловленное снижением реальных доходов населения, а как следствие платежеспособного спроса на недвижимость. В перспективе сложившаяся ситуация может выступить катализатором замедления темпов жилищного строительства и стать одним из факторов кризиса в данной отрасли [5].

Кроме социального эффекта развитие строительного рынка оказывает ключевое влияние на эволюцию всей региональной экономической системы в целом. Влияние данного рынка на эволюцию рассматриваемой системы подробно рассмотрено в публикациях широкого круга научных исследователей, среди которых стоит выделить таких авторов, как М. А. Печенская и Д. Г. Ильинский, которые определяют жилищное строительство не только приоритетным условием повышения качества жизни населения и развития региональной экономической системы, но и считают его как наиболее капиталоемкий и системообразующий сектор российской экономики [6]. А. Д. Рябова в своем исследовании отмечает, что экономико-финансовые позиции компаний строительной отрасли и политика управления брендом находятся в достаточно тесной положительной зависимости [7]. Е. N. Parfenova, Zh. N. Avilova, A. N. Ganzha выделяют бережливое строительство как эффективную систему управления в строительной отрасли в рамках региональной экономической системы [8]. S. A. Azyllkanova, T. A. Kumargazhin, A. B. Vaimbetova особое внимание уделяют моделированию механизмов управления эффективностью бизнес-процессов в строительных компаниях [9]. В. К. Jazykbayeva, A. T. Omarova, D. T. Akhmetova утверждают, что для каждого этапа строительной деятельности наиболее характерны методы и модели управленческого учета, которые можно представить через разумное и последовательное их сочетание, и в ряде случаев комплексное применение определенных методов приведет к развитию строительного рынка в региональной экономической системе через механизм последовательного, целенаправленного управления затратами на строительство [10].

Отметим, что процесс внедрения цифровых технологий оказывает значительное влияние и на строительную отрасль, в том числе развитие строительного рынка в контексте региональной экономической системы [11]. Д. С. Крымский отмечает такие существенные перспективы применения блокчейна в строительной отрасли, развитие строительного рынка [12].

По мнению Н. В. Сироткиной, инновационное развитие требует совершенствования системы организации и управления в строительном комплексе. В Российской Федерации взят курс на улучшение качества производимых строительных

материалов с упором на энергосбережение и экологичность, внедрение современных BIM-технологий для оптимизации строительных процессов, что повлечет изменение и развитие строительного рынка [13].

Обобщая материалы проведенных исследований, можно выделить основные направления влияния развития строительного рынка на эволюцию региональной экономической системы:

— при возведении строительных объектов происходит создание рядом с ними определенных инфраструктурных сооружений, которые приводят к формированию мультипликативного эффекта и развитию строительного рынка в геометрической прогрессии;

— развитие строительного рынка ведет к привлечению дополнительных инвестиций в региональную экономическую систему, что в свою очередь способствует увеличению налоговой части доходов как местных бюджетов в целом, так и регионального бюджета в частности;

— активизация строительного рынка способствует росту экономической активности в смежных с ним отраслях (транспорт, машиностроение, торговля, производство отдельных видов товаров), которые должны удовлетворять растущий спрос со стороны строительного рынка, чему так же будет способствовать сложная геополитическая ситуация и санкции против России [14];

— территориальная привязка субъектов строительного рынка вынуждает инвесторов и подрядчиков создавать на территории региона новые кластеры (собственные предприятия по производству строительных материалов, строительномонтажные предприятия, логистические центры, организации по проведению проектно-изыскательских работ), что приводит к активизации производственно-экономической деятельности в данном регионе.

Общая модель влияния развития строительного рынка на эволюцию региональной экономической системы представлена на рисунке 1.

Рис. 1. Общая модель влияния развития строительного рынка на эволюцию региональной экономической системы

Рассматриваемый механизм влияния развития строительного рынка на эволюцию региональной экономической системы носит в целом теоретическо-методологический характер, но для осознания степени данного влияния необходимо произвести построение эмпирической модели. Как отмечает Е. Vitkova, для ее построения важно выбрать ключевой результативный показатель, который в своей динамике позволяет описать степень данного воздействия [15]. Очевидно, что таковым показателем должна являться величина валового регионального продукта. Представленная ниже модель на основе обобщения имеющихся статистических данных экономического развития региона позволяет оценить эмпирическую зависимость между уровнем развития строительного рынка и эволюцией региональной экономической системы.

$$\Delta Y = \Delta I_c * MUL, \quad (1)$$

где ΔY — прирост величины валового регионального продукта в рамках исследуемой региональной экономической системы;

ΔI_c — прирост величины инвестиций, производимых в рамках функционирования регионального строительного рынка исследуемой экономической системы;

MUL — мультипликатор инвестиций в рамках функционирования региональной экономической системы.

В рамках данной модели важным показателем является величина инвестиций, осуществляемые в рамках функционирования регионального строительного рынка. Указанная величина может быть определена на основе данных имеющихся в официальных статистических источниках информации.

Вторым показателем в данной модели является величина мультипликатора инвестиций в рамках функционирования региональной экономической системы. Расчет данного показателя по формуле представлен ниже:

$$MUL = 1 / (1 - MPC - MPI + MR), \quad (2)$$

где MPC — предельная склонность к потреблению в региональной экономической системе;

MPI — предельная склонность к инвестированию в региональной экономической системе;

MR — предельная склонность к импортированию продукции, товаров или услуг из-за рубежа или из других регионов.

Расчет представленных в данном уравнении трех основных мультипликаторов производится на основе применения инструментов регрессионного анализа путем построения региональных эконометрических функций следующего вида:

$$C = a_1 + MPC * Y, \quad (3)$$

$$I = a_2 + MPI * Y, \quad (4)$$

$$I_{\text{мп}} = a_3 + MR * Y, \quad (5)$$

где a_1, a_2, a_3 — показатели эконометрической модели, определяемые путем эмпирических расчетов.

Y — величина валового регионального продукта;

C — величина конечного потребления домашних хозяйств в рамках региональной экономической системы;

I — величина инвестиций в основной капитал в рамках региональной экономической системы;

$I_{\text{мп}}$ — импорт продукции, товар, услуг в рамках региональной экономической системы.

Построение представленных трех эконометрических моделей происходит на основе анализа и обработки статистических данных функционирования региональной экономической системы за определенный временной интервал. Для осуществления достаточно достоверных расчетов рекомендуется использовать временной интервал в пределах десяти лет.

В рамках выполняемого нами исследования на рисунке 2 представлен алгоритм расчета модели, оценивающей степень влияния развития строительного рынка на эволюцию региональной экономической системы, важное место в которой отводится конкурентной среде.

По мнению А. Ю. Дегтерева [16], конкурентная среда того или иного рынка определяется остротой взаимодействия между собой конкурирующих за экономические блага на данном рынке его субъектов в рамках экономической системы различного масштаба.

В целом можно отметить, что на формирование конкурентной среды строительного рынка оказывают влияние широкий спектр факторов как прямого, так и косвенного воздействия. На рисунке 3 представлена общая схема факторов формирования конкурентной среды строительного рынка.

На современном этапе развития экономической науки рассмотрено широкое множество методов и методик определения уровня конкурентной среды. В рамках данного исследования стояла задача не только обобщить ведущие методики оценки конкурентной среды строительного рынка, но и сформировать собственную методику, которая на основе определенной шкалы позволила бы оценить ее качество.

Наиболее часто для оценки конкурентной среды экономической системы применяются структурные показатели, которые отражают долю или сумму долей ведущих субъектов того или иного исследуемого рынка в общем объеме его функ-

ционирования. Данные структурные показатели в том числе и положения Федеральной антимонопольной службы.

Рис. 2. Алгоритм расчета модели, оценивающей степень влияния развития строительного рынка на эволюцию региональной экономической системы

Рис. 3. Общая схема факторов формирования конкурентной среды строительного рынка

Как отмечает А. С. Груничев [17], вторым показателем в данной системе для оценки конкурентной среды строительного рынка рекомендуется использовать индекс Герфиндаля-Гиршмана (НИИ), который отражает уровень конкурентной концентрации в той или иной рыночной среде. Для расчета данного индекса используется формула:

$$\text{НИИ} = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N D_i^2, \quad (6)$$

где НИИ — индекс Герфиндаля-Гиршмана;

D — процентное выражение доли определенного субъекта исследуемого рынка;

N — общее количество субъектов рынка в данной экономической системе.

Индекс Герфиндаля-Гиршмана обладает одним существенным недостатком при его использовании для оценки качества конкурентной среды на строительном рынке. Суть данного недостатка состоит в том, что при его расчете не учитываются ранги предприятий. Для устранения данного недостатка можно применить расчет индекса Розенблюта. В основе его расчета находится определение порядкового номера предприятия, функционирующего на исследуемом строительном рынке региональной экономической системы с учетом его доли на данном рынке. Количественное значение индекса Розенблюта находится в пределах от нуля до единицы. Величина индекса Розенблюта равная единице говорит о существовании на данном строительном рынке региональной экономической системы монополии.

А. А. Лебедев [18] для оценки конкурентной среды строительного рынка предлагает использовать шкалу Бейна. В основе построения данной шкалы находится расчет четырехрядного и восьмирядного коэффициентов концентрации в исследуемой региональной экономической системе. Четырехрядный коэффициент концентрации представляет собой долю четырех ведущих предприятий на рынке анализируемой экономической системы в общем объеме производимой данной системой благ. Соответственно, восьмирядный коэффициент концентрации представляет собой долю восьми ведущих предприятий на исследуемом рынке. Расчет четырехрядного коэффициента концентрации определяется по формуле:

$$CR_4 = \frac{OP + OP_2 + OP_3 + OP_4}{OP} * 100\%. \quad (7)$$

На основе полученных по итогам эмпирических расчетов и с учетом шкалы Бейна дается общая характеристика состояния конкурентной среды строительного рынка по следующей классификации:

- конкурентная среда имеет вид высококонцентрированной олигополии при условии, что CR_4 больше 60%, CR_8 больше 75%;
- конкурентная среда имеет вид умеренноконцентрированной олигополии при условии, что CR_4 находится в пределах от 45 до 60%, а CR_8 находится в пределах от 60 до 75%;
- конкурентная среда имеет вид низкоконцентрированной олигополии при условии, что CR_4 находится в пределах от 35 до 45%, а CR_8 находится в пределах от 45 до 60%;
- конкурентная среда имеет вид неконцентрированного рынка при условии, что CR_4 меньше 35%, а CR_8 — меньше 45%.

В ряде нормативно-правовых актов для оценки конкурентной среды строительного рынка региональной экономической системы предлагается использовать показатели интенсивности конкуренции. Расчет данных показателей строится по результатам обработки данных, полученных от хозяйствующих субъектов, функционирующих на анализируемом рынке региональной экономической системы. Показатель интенсивности конкуренции представляет собой взвешенную сумму индикаторов с учетом критериев, позволяющих провести оценку состояния конкурентной среды исследуемого рынка. Расчет показателя интенсивности конкуренции происходит следующим образом:

$$E = l_1 * x_1 + l_2 * x_2 + l_3 * x_3 \dots + l_{n-1} * x_{n-1} + l_n * x_n, \quad (8)$$

где E — показатель, характеризующий уровень интенсивности конкуренции исследуемого рынка;

l_i — удельный вес исследуемого индикатора;

x_i — унифицированное значение исследуемого индикатора.

Расчет значения весов индикаторов происходит на основе данных опроса экспертов и при применении метода иерархий.

Значение показателя интенсивности конкуренции колеблется в пределах от одного до десяти. Чем ближе значение показателя интенсивности конкуренции к десяти, тем благополучнее конкурентная среда исследуемого рынка региональной экономической системы. Напротив, стремление к нулю показателя интенсивности конкуренции говорит о формировании признаков негативной конкурентной среды на исследуемом рынке.

Расчет показателей шкалы индикаторов происходит с учетом характера связи между самим индикатором и показателем интенсивности конкуренции. В наличии положительного характера связи расчет шкалы индикаторов происходит следующим образом:

$$x_i = \frac{\widehat{x}_i - \widehat{x}_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}}, \quad (9)$$

При наличии отрицательного характера связи расчет шкалы индикаторов определяется по следующей формуле:

$$x_i = \frac{\widehat{x}_{\max} - \widehat{x}_i}{\widehat{x}_{\max} - \widehat{x}_{\min}}, \quad (10)$$

где $\widehat{x}_i$ — начальные значение индикаторов, которые сформированы по итогам проведения опросов;

x_i — унифицированное значение индикатора с учетом характера связи;

$\max, \min$ — соответственно максимальное и минимальное значение индикатора.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что применение данной методики основано на экспертной оценке репрезентативной группы, которая дает субъективную оценку состояния конкурентной среды и уровню интенсивности конкуренции на строительном рынке региональной экономической системы.

Для оценки качества конкурентной среды региональной экономической системы нами предлагается применять определенную шкалу (рис. 4).

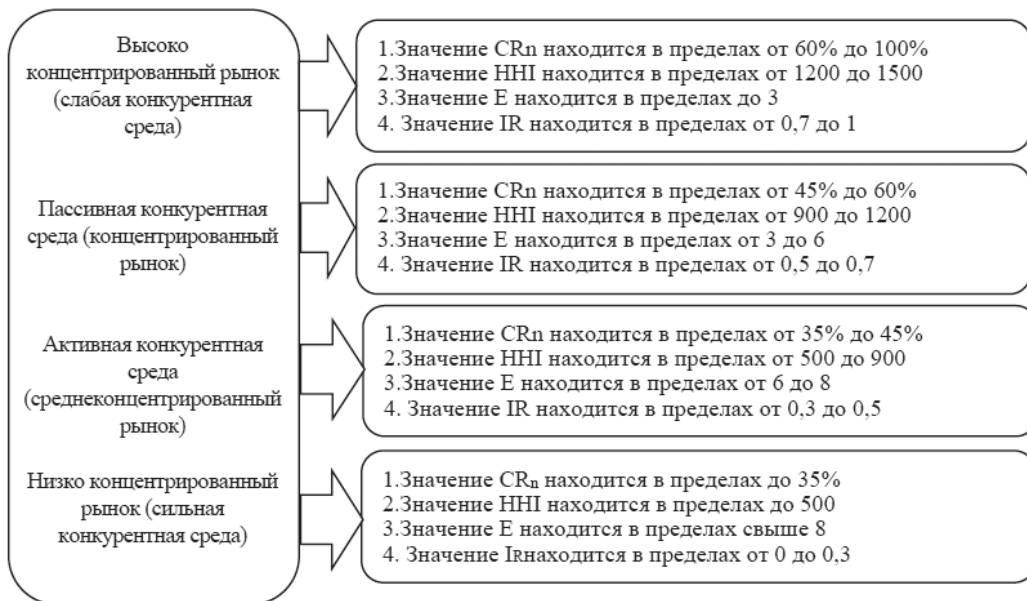

Рис. 4. Общий вид шкалы оценки качества конкурентной среды строительной рынка региональной экономической системы

Критерии предлагаемой к адаптации шкалы оценки качества конкурентной среды строительного рынка формируются на основе фактических расчетных значений ряда индикаторов оценки уровня конкуренции на исследуемом рынке и с учетом пороговых значений последних. В рамках данного исследования на рисунке 5 представим также авторский алгоритм механизма оценки качества конкурентной среды строительной рынка региональной экономической системы.

В завершение проведенного исследования можно сделать вывод о том, что строительный рынок представляет собой в большей степени регулируемую государственными органами управления систему, направленную на поиск оптимальных взаимоотношений между его субъектами с целью повышения эффективности решения стоящих перед ним социально-экономических задач. Строительный рынок оказывает существенное влияние на развитие региональной экономической системы

как посредством формирования социального эффекта, так и посредством формирования экономических эффектов. Таким образом, строительный рынок играет существенную роль в региональной экономической системе, а его развитие является важным инструментом прогрессивного функционирования экономической системы региона в целом. Кроме того, в рамках данного этапа исследования автором разработана модель, которая на основе обобщения имеющихся статистических данных экономического развития региона позволяет оценить эмпирическую зависимость между уровнем развития строительного рынка и эволюцией региональной экономической системы. Результатом применения данной авторской модели является формирование возможности осуществления эмпирического обоснования степени влияния развития строительного рынка на эволюцию региональной экономической системы.

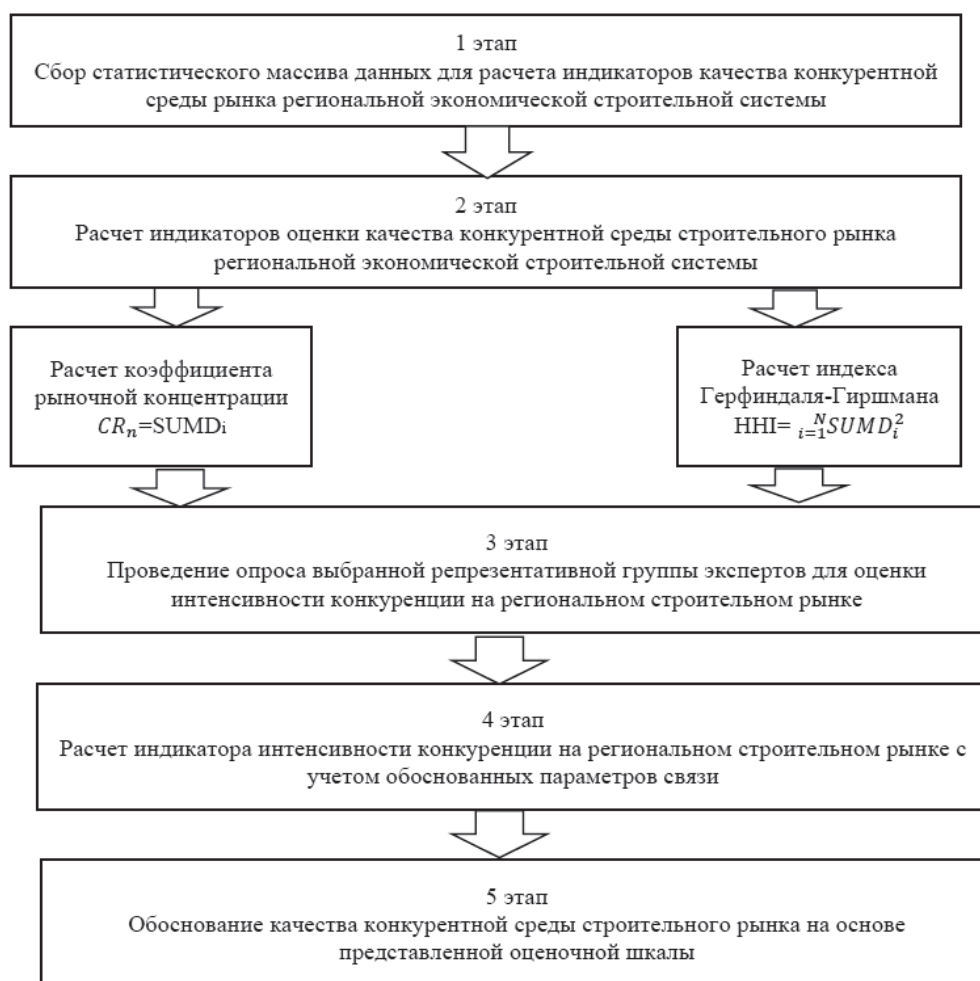

Рис. 5. Алгоритм механизма оценки качества конкурентной среды строительного рынка региональной экономической системы

Итак, конкурентная среда — сложное многогранное понятие, определяющее ключевые аспекты взаимодействия субъектов того или иного рынка в рамках особенностей функционирования экономической системы под воздействием как рыночных законов, так и механизма государственного регулирования [19]. В результате анализа выявлено, что при исследовании уровня конкурентной среды на строительном рынке необходимо учесть весь спектр представленных факторов, определить силу и направления их воздействия, а также обосновать механизмы, способные изменять вектор данного воздействия в ту или иную сторону. Для оценки кон-

курентной среды строительного рынка региональной экономической системы необходимо применять систему индикаторов и показателей. В рамках данного исследования нами предложена категорийная шкала, критерии которой формируются на основе фактических расчетных значений ряда индикаторов оценки уровня конкуренции на исследуемом рынке и с учетом пороговых значений последних. Представленный в работе алгоритм механизма оценки качества конкурентной среды строительного рынка региональной экономической системы, позволит в дальнейших исследованиях выполнить достоверную оценку данной категории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Курманова Л. Р., Садыкова А. И., Хабибуллин Р. Г. Тенденции развития сферы жилищного строительства в современных условиях // Инновационное развитие экономики. 2021. № 5 (65). С. 105–113.
2. Лук Т., Киселева Е. Н., Жахов Н. В. Благополучие работников строительной отрасли региона, как ведущая HR-тенденция // Глобальные проблемы модернизации национальной экономики: материалы XI Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2022. С. 572–577.

3. Лихобабин В. К., Саксон М. Л., Разинкова О. А. и др. Основные проблемы в строительной отрасли, влияющие на экономическое развитие России и пути их решения // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 11–1. С. 45–51.
4. Дерли Е. Н., Киселева Е. Н., Жахов Н. В. Анализ современного состояния и основных тенденций развития отрасли строительства в Центрально-Черноземном макрорегионе // Пространственное развитие территорий: сборник научных трудов IV Международной научно-практической конференции, Белгород, 25 ноября 2021 года. Белгород, 2021. С. 282–287.
5. Киселева Е. Н., Губанова Е. В., Жахов Н. В. Системный анализ современного состояния и перспективы развития жилищного строительства в регионах Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 12–2. С. 285–291.
6. Печенская М. А., Ильинский Д. Г. Региональные жилищные строительные сбережения как инструмент повышения доступности жилья для населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 192–206.
7. Рябова А. Д. Анализ строительного рынка России и выделение его ключевых игроков // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 6. С. 79–83.
8. Parfenova E. N., Avilova Zh. N., Ganzha A. N. Lean construction — an effective management system in the construction industry // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering: Buildintech BIT 2020. Innovations and technologies in construction. Belgorod, 2020.
9. Azytkanova S. A., Kumargazhin T. A., Baimbetova A. B. Modeling mechanisms for managing efficiency of business processes in construction companies // Economic series of Vestnik ENU in I. N. Gumilyov. 2022. No 1. Pp. 11–18.
10. Jazykbayeva V. K., Omarova A. T., Akhmetova D. T. et al. Calculation methods for cost management in the construction industry // Bulletin of Karaganda University. Economy Series. 2019. Vol. 96. No 4. Pp. 258–266.
11. Крымский Д. С., Крымский Д. С., Кривошлыков В. С. Перспективы применения блокчейна в строительной отрасли // Управление предприятиями и отраслями строительного комплекса в эпоху цифровой трансформации: материалы Международной научно-практической конференции. Воронеж, 2022. С. 63–68.
12. Крымский Д. С., Кривошлыков В. С. Направления проведения цифровой трансформации в организации // Цифровизация процессов управления: стартовые условия и приоритеты: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Курск, 2022. С. 130–133.
13. Сироткина Н. В., Батова А. В., Зыкова Д. А. Инновационное развитие экономики строительной отрасли в условиях цифровой трансформации // Цифровая и отраслевая экономика. 2020. № 2 (19). С. 5–9.
14. Амирова Э. Ф., Садыкова Л. И. Последствия импортозамещения // Перспективы устойчивого развития АПК: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Омск, 2017. С. 486–490.
15. Vitkova E., Hromadka V. Development of financial indicators of construction companies in the Czech Republic within the crisis // 4th international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2017. Sofia, 2017. Pp. 233–240.
16. Дегтерева А. Ю. Государственное регулирование деятельности и особенности анализа конкурентоспособности компаний строительной сферы: поиск новых рынков // Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах: сборник научных трудов 4-й Международной научно-практической конференции. Курск, 2015. С. 103–105.
17. Груничев А. С., Исламова Д. М. Инструменты анализа и оценки состояния конкурентной среды // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 6 (108). С. 7–12.
18. Лебедев А. А., Тиньков С. А., Спицов Д. В. Анализ конкурентной среды строительных рынков // Экономика и предпринимательство. 2019. № 2 (103). С. 318–323.
19. Беляев В. И., Беляев В. В., Игнатъева Д. В. и др. Локальные рынки в глобальной экономике: диалектика глобального и локального в региональном воспроизводстве // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 7 (105). С. 128–133.

REFERENCES

1. Kurmanova L. R., Sadykova A. I., Khabibullin R. G. Trends in the development of housing construction in modern conditions // Innovative development of the economy. 2021. No. 5 (65). Pp. 105–113.
2. Luk T., Kiseleva E. N., Zhakhov N. V. Well-being of workers in the construction industry of the region as a leading HR trend // Global problems of modernization of the national economy: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. Tambov, 2022. Pp. 572–577.

3. Likhobabin V. K., Saxon M. L., Razinkova O. A. et al. Main problems in the construction industry influencing the economic development of Russia and ways to solve them // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2021. No. 11–1. Pp. 45–51.
4. Derli E. N., Kiseleva E. N., Zhakhov N. V. Analysis of the current state and main trends in the development of the construction industry in the Central Black Earth macroregion // *Spatial development of territories: Collection of scientific papers IV International Scientific and Practical Conference / Under the general editorship of E. A. Stryabkova, A. M. Sandpiper*. Belgorod, 2021. Pp. 282–287.
5. Kiseleva E. N., Gubanova E. V., Zhakhov N. V. System analysis of the current state and prospects for the development of housing construction in the regions of the Russian Federation // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2021. No. 12–2. Pp. 285–291.
6. Pechenskaya M. A., Ilyinsky D. G. Regional housing construction savings as a tool to increase housing affordability for the population // *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2017. V. 10. No. 6. Pp. 192–206.
7. Ryabova A. D. Analysis of the construction market in Russia and the selection of its key players // *Issues of sustainable development of society*. 2022. No. 6. Pp. 79–83.
8. Parfenova E. N., Avilova Zh. N., Ganzha A. N. Lean construction — an effective management system in the construction industry // *IOP Conference Series: materials Science and Engineering: Buildintech BIT 2020. Innovations and technologies in construction*. Belgorod, 2020.
9. Azytkanova S. A., Kumargazhin T. A., Baimbetova A. B. Modeling mechanisms for managing efficiency of business processes in construction companies // *Economic series of Vestnik ENU im. L. N. Gumilyov*. 2022. No 1. Pp. 11–18.
10. Jazykbayeva B. K., Omarova A. T., Akhmetova D. T. et al. Calculation methods for cost management in the construction industry // *Bulletin of Karaganda University. economy series*. 2019. Vol. 96. No 4. Pp. 258–266.
11. Krymsky D. S., Krymsky D. S., Krivoshlykov V. S. Prospects for the use of blockchain in the construction industry // *Management of enterprises and industries of the construction complex in the era of digital transformation: materials of the International scientific and practical conference*. Voronezh, 2022. Pp. 63–68.
12. Krymsky D. S., Krivoshlykov V. S. Directions for digital transformation in the organization // *Digitalization of management processes: starting conditions and priorities: collection of materials of the International scientific and practical conference*. Kursk, 2022. Pp. 130–133.
13. Sirotkina N. V., Batova A. V., Zykova D. A. Innovative development of the construction industry economy in the context of digital transformation // *Digital and Industrial Economics*. 2020. No. 2 (19). Pp. 5–9.
14. Amirova E. F., Sadykova L. I. Consequences of import substitution // *Prospects for sustainable development of the agro-industrial complex: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference*. Omsk, 2017. Pp. 486–490.
15. Vitkova E., Hromadka V. Development of financial indicators of construction companies in the Czech Republic within the crisis // *4th international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2017*. Sofia, 2017. Pp. 233–240.
16. Degtereva A. Yu. State regulation of activities and features of the analysis of the competitiveness of construction companies: the search for new markets // *Modern approaches to the transformation of the concepts of state regulation and management in socio-economic systems: a collection of scientific papers 4- th International Scientific and Practical Conference*. Kursk, 2015.
17. Grunichev A. S., Islamova D. M. Tools for analysis and assessment of the state of the competitive environment // *Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics*. 2017. No. 6 (108). Pp. 7–12.
18. Lebedev A. A., Tinkov S. A., Spitsov D. V. Analysis of the competitive environment of construction markets // *Economics and Entrepreneurship*. 2019. No. 2 (103). Pp. 318–323.
19. Belyaev V. I., Belyaev V. V., Ignatieva D. V. et al. Local markets in the global economy: dialectics of global and local in regional reproduction // *Bulletin of the Altai State Agrarian University*. 2013. №7 (105). Pp. 128–133.

Поступила в редакцию: 10.10.2022.

Принята к печати: 28.12.2022.

УДК 378:33

DOI 10.14258/epb202306

ПРИНЦИП ПЕРСОНАЛИЗМА В РЕОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ОТКАЗА ОТ «БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА»: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И ТЕОРИИ

В. И. Крышка, В. И. Беляев

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье дается методологическая и теоретическая оценка состояния теоретического «ядра» современного экономического образования. В процессе формирующегося в политике «многополярного мира» предлагается в отечественном высшем экономическом образовании отказаться от методологического индивидуализма мейнстрима и перейти к формированию многовекторной национальной системы высшего экономического образования на основе личностного (персоналистического) подхода. В этой связи с учетом указанного принципа персонализма и на базе основных результатов исследования, проведенного в рамках Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), предлагается в качестве «ядра» национальной системы высшего экономического образования выделить следующие типы воспроизводства рыночной экономической системы: а) производство товаров посредством товаров; б) производство людей посредством людей; в) производство человеком самого себя и г) производство знаний посредством знаний, то есть экономическую науку. Введение принципа персонализма в рамках указанных типов воспроизводства в высшее экономическое образование позволит избежать крайностей как западного индивидуализма *economics*, так и восточного холизма, связанного с социализмом и коммунизмом.

Ключевые слова: индивидуализм, холизм, персонализм, трансформация, отечественное высшее экономическое образование.

REORGANIZING HIGHER ECONOMIC EDUCATION: EMBRACING PERSONALISM AND MOVING BEYOND THE BOLOGNA PROCESS IN METHODOLOGY AND THEORY

V. I. Kryshka, V. I. Belyaev

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article presents an evaluation of the current state of economic education's theoretical "core" and proposes a shift towards a personalistic approach in response to the emergence of a multipolar world in politics. Drawing on research supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), the article identifies four types of reproduction in the market economic system as the "core" of national economic education: goods, people, man, and knowledge. The adoption of a personalistic approach within these types of reproduction can provide a balance between Western individualism and Eastern holism associated with socialism and communism.

Keywords: individualism, holism, personalism, transformation, domestic higher economic education.

В 2017 г. в четвертом номере журнала «Экономика Профессия Бизнес» была опубликована авторская статья, в которой речь шла о некоторых аспектах модернизации системы высшего экономического образования (бакалавриат/магистратура) в рамках так называемого «Болон-

ского процесса» [1]. Официальный отказ от указанного процесса, предполагающий создание обновленной системы высшего образования, будет, как представляется, не только поиском и нахождением оптимальной *организационной* структуры, сочетающей бакалавриат, специалитет, магистратуру

и аспирантуру, но и формированием обновленной концепции «ядра» и «защитных слоев» высшего образования.

Дискуссионный поиск и нахождение названных аспектов, очевидно, должны быть связаны с конструктивно-критическим анализом образовательного опыта как советского, так и постсоветского периодов, включая базовые идеи политической экономии, современного мейнстрима, а также различных альтернативных подходов.

Главное в этом процессе — это создание современной модели национального научного экономического знания и соответствующего ему высшего образования как системы логически связанных между собой экономических наук и преподаваемых дисциплин, в которых необходимо прежде всего выделить «ядро» в качестве методологической, гносеологической и дидактической основы для других экономических наук и дисциплин.

Нельзя не отметить, что в настоящее время уже сложились некоторые предпосылки для формирования данного «ядра». Речь идет о структуре кандидатского экзамена по экономической теории, в которой довольно четко можно выделить следующие разделы: 1) общей теории экономики (политэкономии), 2) микроэкономики, 3) макроэкономики и 4) институциональной экономики. Однако в ней есть и некоторые недостатки, связанные с *внешним* объединением в единое целое различных школ и направлений.

Так, в рамках политэкономии в основном использована терминология марксизма, связанная с теорией способов производства с выделением в нем производительных сил и производственных отношений. В микроэкономике — маржинально-неоклассическая терминология факторов производства в предельных величинах измерения эффективности земли, капитала и труда. В макроэкономике используется кейнсианская терминология, связанная с предельными склонностями к потреблению и сбережению, мультипликатором автономных расходов, акселератором и многими другими терминами. Наконец, в рамках институционализма речь идет о правах собственности, трансакционных издержках, теневой экономике и других. Все это терминологическое разнообразие, как правило, вызывает у обучающихся непонимание, препятствующее полноценному усвоению учебного материала.

В этой связи нельзя не отметить, что самым ценным, на наш взгляд, опытом советской эпохи в области высшего экономического знания и образования являлось то, что в политической экономии социализма был выработан *единый* терминологический и понятийный аппарат, который, как правило, использовался во многих экономических дис-

циплинах. В частности, речь идет о применении категории фондов, их деления на производственные (основные и оборотные) и непроизводственные, с выделением фондов распределения, обращения и потребления и т. д.

В постсоветский период, как представляется, наступило время разобраться в указанной терминологической путанице. Так, в 2016 г. был опубликован учебник «Евразийская политическая экономия», подготовленный авторским коллективом Санкт-Петербургского государственного экономического университета [2], в котором была сделана попытка предложить систему логически связанных понятий и терминов, приемлемых для национальной экономики в рамках Евразийской интеграции.

Во-первых, указанным авторским коллективом была проведена значительная работа в конструктивно-критическом преодолении некоторых догм как марксистско-ленинской политической экономии, так и современного англосаксонского мейнстрима, включая микро- и макроэкономику.

Во-вторых, авторы указанного учебника полагают, что началом изложения евразийской политической экономии в ее простейшем определении является *продукт*, который в процессе своего всемирно-исторического развития принял противоположные формы капитала (рынка) и плана. Эпицентром развития продукта в форме рынка стали Западная Европа и Северная Америка. Центры развития продукта в форме плана — Азия, Восточная Европа и Северная Африка [2, с. 20–23].

Не вступая в полемику по поводу *исходного* и *основного* отношения политической экономии и *науки экономики* в целом, о которых в советское время в рамках политической экономии социализма велись многочисленные дискуссии, отметим, что «продукт» в виде «рынка или плана» может быть началом изложения современной теории экономики евразийского типа. Правда, с оговоркой, что этому «продукту» нужно предать не только объективное, но и субъективное, личностное значение, связанное с эмоциональной, интеллектуальной и волевой деятельностью людей, поскольку за вещами, или продуктами, всегда скрываются персонифицированные экономические и другие отношения. В частности, это определяет необходимость применения личностного подхода в высшем экономическом образовании.

Цель статьи — развитие представлений о содержании «ядра» высшего экономического знания и образования на основе личностного (персоналистического) подхода.

Для достижения указанной цели необходимо:

- дать краткий обзор современных методологических подходов в сфере высшего экономического образования;

- предложить принцип развития личностного подхода в качестве ведущего методологического принципа построения системы высшего экономического образования;
- рассмотреть реализацию указанного принципа в рамках реформирования системы высшего образования в настоящее время.

1. Нельзя не признать, что в текущий период формирования в политике так называемого «многополярного мира», основанного на методологическом принципе *плюрализма*, изучение преимущественно *англоязычной* модели капиталистической рыночной экономики *неоклассического синтеза*, созданного в работах А. Смита, Д. Рикардо, Дж. С. Милля, А. Маршалла, Дж. М. Кейнса, П. Самуэльсона и многих других экономистов мейнстрима, является *анахронизмом* высшего университетского образования, поскольку он связан с абстрактным *рационализмом* постпозитивизма, игнорирующим многие существенные реалии современной рыночной экономики как России, так и других стран.

Вместе с тем преподавание *economics* неоклассического синтеза, включая микро- и макроэкономику, в создаваемой модели плюралистического (многополярного) отечественного высшего экономического образования необходимо сохранить в качестве примера реализации последовательно проведенного принципа методологического *индивидуализма*¹, в частности, микроэкономического обоснования макроэкономики.

Однако этот принцип и его реализация в рамках Научно-исследовательской программы (НИП) по И. Лакатосу [3] должен быть и сопоставим, и связан с другими науками и соответствующими учебными курсами, в которых последовательно проводится противоположный принцип методологического *холизма*².

Для Российской Федерации, которая географически является и европейской, и азиатской страной, на наш взгляд, лучше всего подходит принцип методологического *персонализма*³, который синтезирует абстрактные принципы «индивидуализма» и «холизма».

Исходя из задач статьи, остановимся на принципе методологического персонализма подробнее.

2. По теме и проблематике персонализма накоплена обширная литература, включая работы основателей персонализма в рамках экзистенциализма (С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж. П. Сартр, А. Камю, Г. Марсель, Х. Ортега-и-Гассет и многие другие), так и собственно персоналистов (Э. Мунье, Ж. Лекруа, Б. П. Боун, Р. Флюэллинг, Э. Брайтмен и др.). Особо следует выделить работы отечественных философов, писателей, мыслителей (Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев [4], Н. А. Бердяев [5], Н. Ф. Федоров [6], Н. О. Лосский [7] С. Булгаков [9] и многие другие).

Обобщая работы, посвященные экзистенциализму и персонализму, а также используя полученные результаты проведенного исследования в рамках РФФИ⁴, применительно к теме статьи можно, на наш взгляд, выделить следующие его основные характеристики.

Во-первых, сторонники персонализма в целом *полагают*, что личность — это человек, который рассматривается на высшем этапе своего индивидуального и социального развития как деятельная, созидательная и творческая субстанция, являющаяся высшей гуманистической *ценностью*. Указанное положение персоналистов в отрицательном (критическом дискурсе) направлено как против индивидуализма, подчеркивающего приоритет интересов отдельного человека (индивидуума) над интересами общества (социума), так и холизма, акцентирующего внимание на приоритете общества над интересами индивидуума.

Во-вторых, по своему положительно-разумному, или спекулятивному, по Г. Гегелю, значению⁵, персонализм исходит из *конкретного единства* индивидуума и социума. Исходя из этой конкретности, рассматривать индивидов вне общества, а общество — вне индивидов является заблуждением, поскольку лишает, например, индивидуализм исторического и социального развития, а холизм — личностного значения. Важно подчеркнуть, что действительное единство людей находится не в абстрактном обществе, а в самом человеке, который добровольно и самостоятельно решает вопрос о своей судьбе, выборе своей деятельности, продолжении своего рода и т. д.

¹ Индивидуализм — это идеологическое учение, подчеркивающее свободу относительно отдельного от общества человека, свободу, выраженную в приоритете личных интересов индивида над общественными.

² Холизм — это идеологическое учение, подчеркивающее целостность общества, интересы которого превалируют над интересами индивидуумов.

³ Персонализм — это идеологическое учение, придающее всеобщее значение личности человека и как индивидуума, и как социального (общественного) существа.

⁴ Исследование взаимного влияния уровня оплаты труда и воспроизводства рабочей силы в условиях макроэкономических и институциональных изменений в российской экономике в 1992–2018 гг.

⁵ Характеризуя свой логический метод, Г. Гегель утверждал, что *логическое* по своей форме имеет три стороны: а) *абстрактную*, или *рассудочную*; б) *диалектическую*, или отрицательно-разумную; в) *спекулятивную*, или *положительно-разумную* [9, с. 201].

В-третьих, человек не рождается личностью. Он становится личностью на протяжении довольно длительного периода, включая детство (3–7 лет), отрочество (7–14 лет) и юность (14–21 лет). Физическая завершенность и половая зрелость, которая обычно наступает у мужчин и женщин в среднем в конце отрочества, является предпосылкой для становления и окончательного формирования: а) субъективного, б) объективного и в) абсолютно духа людей как основы личности.

Так, завершение формирования субъективного духа связано с формированием *разума*, как единства сознания и самосознания, высшей формой которого является индивидуальная свобода, связанная с выбором судьбы, сферы деятельности, супруга (и) и другими личностными решениями.

Формирование объективного духа проходит стадии правового *лица* со способностью заключать и выполнять различного рода договоры; морального *субъекта*, способного осознавать свою вину и долг, нести ответственность перед собой и другими людьми за свои поступки; нравственной *личности*, сделавшей выбор в пользу жизнеутверждающих ценностей, выраженных в добре и соответствующих добродетелях.

Формирование абсолютного духа людей связано с присвоением, освоением и личным *усвоением* всей целокупности достижений человеческой культуры, включая искусство, религию и науку [10].

В-четвертых, в рамках высшего образования речь идет, прежде всего, об усвоении достижений науки, в которых она выполняет функцию *наукоучения* [11]. В настоящее время, несмотря на господство мейнстрима, экономику пока нельзя назвать *учением*, поскольку по фундаментальным проблемам экономики существуют, как указывалось выше, различные альтернативные подходы, связанные с монетаризмом, институционализмом, неавстрийской школой и многими другими направлениями экономической мысли. Возможно, персонализм позволит превратить экономику в целостное учение о правильном ведении хозяйственной деятельности, включая производство, распределение, обращение и потребление в рамках натурального, товарного и денежного (капиталистического) типов хозяйствования.

В-пятых, современная эпоха, на наш взгляд, — это эпоха становления «всеобщего равного свободного самосознания» личности, в которой главная роль в настоящее время принадлежит уже не «Западу», а другим странам, включая современную Россию. В частности, данная эпоха характеризуется чередой социальных потрясений, смыслом которых является освобождение личности человека от всех навязанных социальных пут «неравного общественного самосознания», то есть его де-

ления на самосознание *господ* и *рабов*, включая зависимость от так называемого «общественного мнения» и других форм внешней зависимости. Поэтому в фактическом становлении личности в современную эпоху главным является личное «выдавливание» из себя «и господина, и раба», развитие свободной личности, которая является господином самого себя и никого иного.

В-шестых, становление в нашей стране в эпоху социализма *равного всеобщего свободного самосознания* людей, которое началось после отмены крепостного права в 1861 г., происходило посредством превращения *особенного* классового самосознания пролетариата во *всеобщее* самосознание наемных работников, поскольку все граждане страны Советов, за исключением работников кооперативно-колхозного сектора, были у советского государства, точнее, партийной номенклатуры СССР, *наемными работниками*. Другими словами, на деле фактическое преодоление классового противостояния между буржуазией и наемным трудом выразилось в том, что *все* стали пролетариями (наемными работниками) у одного Хозяина. Умер Хозяин и начался развал командно-административной системы хозяйствования, растянувшийся на десятилетия.

В-седьмых, возникновение в результате *приватизации* и других процессов переходной экономики персоналистического принципа: Я — *господин* самого себя, и, следовательно, Я не *принадлежу* никакому иному лицу, группе лиц, включая государство, связано с формированием, по нашему мнению, исторически нового для нашего отечества явления, которое можно назвать «**культуром личности всех**», или «**всеобщим культуром личности**». Правда, нельзя не отметить, что этот принцип пока существует лишь в *нормативном* смысле того, что только должно еще осуществиться на деле.

В-восьмых, в современных условиях становления личностного подхода в жизни нашего общества особенно важно подчеркнуть значение *формальной персонализации* больших и малых групп. Хорошо известно, что любая форма общности лиц, будь то семья, трудовой коллектив, государство и другие, предполагает соответствующую *персонализацию* в формах, например, государя (монарх, президент и т. д.), руководителя предприятия, глава семьи и т. п. Развитая в морально-нравственном отношении личность, как правило, стремится не допускать *культы* своей личности над другими. Однако, с одной стороны, «жажда власти» и, с другой — «жажда подчинения» искажают принцип «культы личности всех». Поэтому требуется постоянная воспитательная и самовоспитательная работа, не допускающая указанные крайние искажения.

Наконец, в настоящее время в постсоветском обществе господствует не «культ личности всех», а правовой принцип всеобщности *лица*, или *лицо* — это человек (физическое лицо) или организованная группа людей (юридическое лицо), рассматриваемых исключительно как носителей юридических прав и обязанностей, предусмотренных законом. Большим шагом вперед в процессе персонификации для сферы образования является то, что из закона «Об образовании» в текущем году было исключено понятие образовательной услуги, поскольку оказание такой услуги предполагает сведение *личностей* педагога и обучающегося к соответствующим физическим *лицам*, что деперсонифицирует процесс образования, лишает его глубоко морально-личностной, воспитательной и культурологической функций.

3. Как хорошо известно, в советское время в качестве методологического, теоретического и идеологического «ядра» высшего образования, включая экономическое, был марксизм-ленинизм с выделением в нем «трех источников и составных частей» в виде: а) марксистско-ленинской философии (диалектический и исторический материализм); б) политической экономии капитализма и социализма (первой фазы коммунизма); в) научного коммунизма.

В начале 90-х годов в связи с фактической приватизацией и деидеологизацией высшего образования указанное «ядро» стало постепенно разваливаться. Это произошло ввиду того, что вузы и их факультеты стали отказываться от общетеоретических (идеологических) дисциплин и отдавать приоритет специальным и прикладным курсам.

В указанном развале можно видеть двоякий результат. С одной стороны, было разумное желание отказаться от обветшавших догм марксизма-ленинизма, связанных, например, с *трудовой* теорией стоимости и теорией *денежных* издержек, которые вели на практике к *затратным* методам хозяйствования и новому виду фетишизма, то есть к *трудовому фетишизму*, сменившему товарно-денежный фетишизм, открытый, как известно, К. Марксом. С другой, — от идеологических сентенций, связанных с постулированием «незримых» преимуществ социализма по сравнению с капитализмом. В частности, речь идет о «преимуществах» общественной собственности над частной, которая, как утверждалось, связана с эксплуатацией наемного труда капиталом-собственностью. В настоящее время механический возврат к ортодоксальной марксистско-ленинской теории капитализма и социализма, в качестве «ядра» высшего экономического образования наврядли возможен, поскольку в массовое общественное сознание, на наш взгляд, постепенно приходит понимание бесхозно-

сти и личной безответственности, связанной с чистой *общественной* собственностью, выраженной в формуле: *если все принадлежит всем, то ничто не принадлежит никому*. Другими словами, у имущества всегда должен быть конкретный, *персонифицированный* собственник.

В те же годы на место «Политической экономии», так сказать, пришла «Экономическая теория», точнее *economics*, с указанным выше методологическим и идеологическим принципом «западного индивидуализма». Преподавание *economics*, включая микро- и макроэкономику, в отечественных вузах после небольшого периода позитивного знакомства довольно быстро выявило ряд существенных недостатков, которые нельзя приписывать всеобщему «ядру» современной экономической науки. Ввиду того, что в *economics* вместо анализа разнообразных экономических систем в целом излагаются абстрактные модели равновесия, которые характерны прежде всего для индивидуального натурального хозяйства, простой рыночной экономики без указанных К. Марксом в «Капитале» социальных противоречий и катаклизмов, присущих действительному рыночному капитализму.

Указанная выше работа «Евразийская политическая экономия» может на время стать доступным «ядром» высшего экономического образования. Однако в этом курсе необходимо более четко сформулировать национальное «ядро» экономического образования, которое может быть связано с отечественной школой персонализма, включая идеи «всеединства», «общего дела» и многих других аспектов персонализма.

Для дальнейшего продвижения вперед, стратегической целью которого является формирование *национальной системы* высшего экономического образования, как нам представляется, уместно использовать результаты проведенного исследования, о котором упоминалось выше. В частности, одним из его результатов является формирование *персоналистической* модели общего воспроизводства экономической системы, включая следующие положения.

Во-первых, в постоянно развивающейся экономической системе как отдельной страны, так и мира в целом, подчеркнута *волнообразное воспроизводство*, которое базируется, как нам представляется, на всеобщей системе «запасы-поток», зачатки и отдельные положения которой содержатся в работах физиократов, К. Маркса, И. Фишера, Дж. Кейнса, а также во многих работах по политической экономии социализма, связанных с проблемой фондов. В частности, исходя из понимания фондов как активов (запасов), направленных на поддержание непрерывности хозяйственных

процессов воспроизводства, капитал является лишь частным случаем фондов, или капитал — это фонд, направленный на получение потока *чистого дохода* в виде процента, ренты, прибыли и других его форм. С учетом неопределенности будущего фонд включает также и *антикапитал* как *тенденцию*, связанную с получением отрицательного чистого дохода, или операционных убытков.

Во-вторых, в экономике *рыночного* воспроизводства, как хорошо известно, его *исходным* и *конечным* пунктом является сфера обращения. В указанном исследовании было обращено *особое* внимание на сферу потребления, которая, на наш взгляд, является не только основой для воспроизводства «фактора труда» (мейнстрим) и «наемной рабочей силы» (марксизм), но и субстанцией для «воспроизводства людей посредством людей». В результате этого осуществлены теоретические уточнения значения и содержания *типов* воспроизводства с учетом фактора *персонализма*.

В-третьих, прежде всего было выделено «производство товаров посредством товаров» (гипотеза Д. Рикардо, развитая П. Сраффой), в которых *личность* человека как работника до сих пор рассматривается преимущественно *лишь* в качестве фактора товарного производства. В этой связи для современной (постсоветской) рыночной экономики требуется переосмысление таких понятий как *личный* наемный труд, то есть мысленное и фактическое превращение современного трудящегося человека из фактора товарного производства в полноценную *светскую личность* в единстве с развитием гражданского общества. В частности, по указанной проблематике опубликован ряд авторских статей, включая анализ нового для отечественной рыночной экономики явления, именуемого «прекариатом».

В-четвертых, на основе выделения первичного «производства товаров посредством товаров» выделено, как указывалось выше, «производство людей посредством людей» (гипотеза Т. Мальтуса, развитая в современной экономической демографии). В этом типе воспроизводства *личность человека* рассматривается в форме *наличного бытия* мужчин и женщин, связанных между собой функцией продолжения человеческого рода. В этой связи практическая идея «материнского капитала», развиваемая в нашей стране, должна быть теоретически доведена до «логического конца», то есть превращения «женщины-матери» и теоретически, и фактически в *основной капитал* нации.

В-пятых, на основе «производства людей посредством людей» выделено «производство человеком самого себя» (гипотеза «человеческого капитала» Г. Беккера и других), в которой молодой человек рассматривается в качестве первоосновы

(субстанции, монады) развития самого себя до статуса *личности*. В этой связи требуется дополнительный анализ в уточнении роли и значения *высшего экономического образования*. В частности, речь идет о том, что высшее образование для молодых людей — это не только гипотетическое условие получения будущего потенциального чистого дохода, но и необходимый фактор для формирования истинной интеллигентности, для характеристики которой *свобода творчества* является высшей ценностью.

В-шестых, на основе указанных ранее типов воспроизводства было выделено «производство знаний посредством знаний», или наука, в которой процесс научного познания и образования смыкается с началом указанного выше первичного типа воспроизводства, то есть производства товаров посредством товаров.

В заключении статьи можно сделать следующие выводы.

Первый. Принцип персонализма в экономике означает формирование «культы личности всех», которые свободны как от «жажды власти», так и от «жажды подчинения», но не свободны от глубокой, так сказать, «истинно личной» ответственности за свою судьбу и результаты хозяйственной и иной деятельности, включая «общественную». В этой связи требуется создание персонифицированного Социального ФОНДА как КАПИТАЛА, «приносящего» проценты. Чтобы можно было за счет средств этого фонда и процента решать вопросы: оплаты обучения молодого поколения, пособий по безработице, выплаты пособий по временной нетрудоспособности, пенсий и других выплат. Здесь гипотетически нельзя не приветствовать создание единого Социального фонда на основе объединения двух фондов: Фонда социального страхования и Пенсионного фонда России, которое состоялось *de jure* в текущем году.

Второй. В сфере высшего экономического образования принцип персонализма означает формирование *нового* учения, в котором *хозяйствующий человек* как *личность*, включая мужчин и женщин, является, так сказать, *альфой* и *омегой* единого экономического учения. В этом случае *национальная экономика* станет учением о формах и правилах хозяйствования людей в единстве с их первичной и вторичной природой, созданной и развиваемой самими людьми, включая известные институты человечества, то есть право, мораль, нравственность и т. д. В частности, в это учение должны войти следующие типы воспроизводства: а) производство товаров посредством товаров, б) производство людей посредством людей, в) производство человеком самого себя, и д) производство знаний посредством знаний, то есть экономическую науку.

Третий. Введение принципа персонализма в рамках указанных типов воспроизводства в высшее экономическое образование позволит избежать крайностей как западного индивидуализма есоnomics, так и восточного холизма, связанного с социализмом и коммунизмом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Крышка В. И. «Ядро» и «защитные» экономического знания в науке и высшем образовании // Экономика Профессия Бизнес. 2017. № 4. С. 32–41.
2. Евразийская политическая экономия: учебник / под ред. И. А. Максимцева, Д. Ю. Миропольского, Л. С. Тарасевича. СПб., 2016. 767 с.
3. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М., 2008. 475 с.
4. Соловьев В. С. Спор о справедливости: сочинения. М., 1999. 864 с.
5. Бердяев Н. А. Самопознание: сочинения. М., 1997. 624 с.
6. Федоров Н. Ф. Философия общего дела. М., 2008. 752 с.
7. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995. 400 с.
8. Булгаков С. Н. Философия хозяйства / отв. ред. О. Платонов. М., 2009. 464 с.
9. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1975. 452 с.
10. Гегель Г. Феноменология духа. Философия истории. М., 2007. 880 с.
11. Фихте И. Г. Философские произведения. М., 2013. 503 с.

REFERENCES

1. Krishka V. I. "Core" and "protective" economic knowledge in science and higher education // Economy. Profession. Business. 2017. No. 4. Pp. 32–41.
2. Eurasian political Economy: textbook / edited by I. A. Maksimtsev, D. Yu. Miropolsky, L. S. Tarasevich. St. Petersburg, 2016. 767 p.
3. Lakatos I. Selected works on philosophy and methodology of science. M., 2008. 475 p.
4. Solovyov V. S. Dispute about justice: essays. M., 1999. 864 p.
5. Berdyaev N. A. Self-knowledge: essays. M., 1997. 624 p.
6. 6. Fedorov N. F. Philosophy of common cause. M., 2008. 752 p.
7. Lossky N. O. Sensual, intellectual and mystical intuition. M., 1995. 400 p.
8. Bulgakov S. N. Philosophy of Economy / ed. O. Platonov. M., 2009. 464 p.
9. Hegel G. Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 1. Science of Logic. M., 1975. 452 p.
10. Hegel G. Phenomenology of the spirit. Philosophy of History. M., 2007. 880 p.
11. Fichte I. G. Philosophical works. M., 2013. 503 p.

Поступила в редакцию: 14.11.2022.

Принята к печати: 14.12.2022.

УДК 332.14: 336.14
DOI 10.14258/epb202307

БЮДЖЕТ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН КАК ИНСТРУМЕНТ ЕГО СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ¹

Э. Р. Мамлеева, Н. В. Трофимова, М. Ю. Сазыкина

Институт стратегических исследований Республики Башкортостан
(Уфа, Россия)

В настоящее время экономика регионов Российской Федерации, как и страны в целом, функционирует под воздействием неблагоприятных факторов: западные санкции, геополитическая нестабильность, нарушение цепочек поставок товаров, сокращение численности трудовых ресурсов и др. Также развитие регионов будет подчиняться новациям бюджетного и налогового законодательства Российской Федерации (РФ) и Республики Башкортостан (РБ). От того, насколько эффективно регионы смогут приспособиться к изменяющимся условиям, во многом зависит развитие как экономики, так и социальной сферы территорий.

Важнейшим документом регионального планирования является бюджет субъекта РФ. При этом формирование регионального бюджета опирается на прогноз макроэкономических параметров социально-экономического развития Российской Федерации и сформированного на его основе прогноза социально-экономического развития субъекта. Также при формировании прогноза бюджета Республики Башкортостан учитываются региональные документы стратегического планирования, а также новации бюджетного и налогового законодательства.

В текущих условиях неопределенности прогнозирование развития региона, в частности прогноз параметров регионального бюджета, представляет особую актуальность и в то же время является очень сложным процессом.

В статье проанализированы основные направления бюджетной политики Республики Башкортостан на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг., исследованы структура доходной и расходной частей бюджета, сделаны выводы о корректности заложенных в бюджет параметров, но при этом указано на угрозу недостижения некоторых показателей прогноза социально-экономического развития РБ в сложившихся внешнеполитических условиях.

Ключевые слова: прогноз, развитие, бюджет, регион, Республика Башкортостан.

ADAPTING TO NEW CONDITIONS: ANALYZING THE ROLE OF THE BUDGET OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN ITS SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

E. R. Mamleeva, N. V. Trofimova, M. Yu. Sazykina

Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russia)

The Russian Federation and the Republic of Bashkortostan face various challenges that affect their regional economies and social spheres, including Western sanctions, geopolitical instability, supply chain disruptions, and labor shortages. The success of regional development depends on the ability to adapt to changing circumstances, including innovations in budget and tax legislation. The regional budget is a critical document in planning for development, but forecasting its parameters has become increasingly complex in the current uncertain environment. This article analyzes the budget policy of the Republic of Bashkortostan for 2023 and the planned period of 2024-2025, including the revenue and expenditure structure, and examines the potential threats to achieving the forecasted social economic development parameters.

Keywords: forecast, development, budget, region, Republic of Bashkortostan.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ИСИ АН РБ «Организация и проведение фундаментальных и прикладных научных исследований, включая экспериментальные разработки, для реализации Стратегии социально-экономического развития РБ».

Введение. Опыт ведущих экономических стран показывает, что прогнозирование и планирование занимают особое место в управлении социально-экономическим развитием государств [1, с. 230]. Целенаправленное воздействие на экономические и социальные процессы предполагает использование определенных знаний и специальных инструментов. В частности, при прогнозировании важно учитывать как сформировавшиеся на протяжении длительного периода времени тенденции, так и закладывать в прогнозные модели факторы неопределенности [2, с. 56].

Под прогнозом понимается научно обоснованное суждение о возможных состояниях объекта в будущем, об альтернативных путях и сроках его осуществления. Социально-экономическое прогнозирование — это процесс разработки экономических и социальных прогнозов, основанный на научных методах познания экономических и социальных явлений и использования всей совокупности методов, способов и средств экономической прогнозистики [3, с. 162].

В настоящее время в Российской Федерации на уровне страны и регионов публикуются официальные прогнозы основных макроэкономических параметров, на основе которых, в свою очередь, позже формируется прогноз бюджета субъекта Российской Федерации и страны в целом.

Актуальность исследования, результаты которого представлены в данной статье, обоснована сложностями, с которыми сталкиваются федеральные и региональные органы власти при прогнозировании как основных параметров социально-экономического развития, так и регионального и федерального бюджетов, в частности, и необходимостью проведения анализа обоснованности положений, отраженных в прогнозах.

Цель статьи — анализ основных параметров доходной и расходной частей бюджета Республики Башкортостан на 2023 год и плановый период 2024 и 2025 годы в контексте учета исследования прогнозными динамиками основных макроэкономических показателей.

Основные направления бюджетной политики Республики Башкортостан на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годы (далее — Основные направления бюджетной политики) разработаны в соответствии с проектом Основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годы, Стратегией социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года, Планом оздоровления региональных финансов Республики Башкортостан, утвержден-

ном распоряжением Правительства Республики Башкортостан от 1 октября 2018 года № 936-р.

В настоящее время российская экономика столкнулась с новыми беспрецедентными вызовами, в числе которых:

- уход с российского рынка ряда иностранных компаний;
- проблемы с экспортом российской продукции и импортом в Россию отдельных товаров, в том числе оборудования и комплектующих;
- нарушение логистических цепочек и кооперационных связей;
- непредсказуемое введение санкций в отношении промышленных секторов, банковского сектора, зарубежных партнеров российского бизнеса;
- волатильность на рынке ценных бумаг и валютном рынке;
- высокие показатели инфляции.

Перечисленные факторы негативно отразились на деловом климате и создали риски для бюджетной системы Российской Федерации.

Прогноз бюджета на 2023–2025 годы составлен с учетом всех изменений налогового законодательства [4].

Изменения в федеральном налоговом законодательстве:

- институт единого налогового платежа, что позволит изменить и упростить механизм исполнения обязанности по уплате налогов и обеспечит экономически обоснованный расчет суммы пеней на общую сумму задолженности перед бюджетом. Однако данный институт может создать определенные риски в части исполнения доходной части региональных и местных бюджетов. Установление единых сроков уплаты налогов, с одной стороны, упрощает платежный календарь налогоплательщиков и позволяет платить все налоги 1 раз в месяц единым налоговым платежом. С другой стороны, создаются риски кассовых разрывов, что требует повысить эффективность кассового планирования;
- отмена института консолидированной группы налогоплательщиков, что создает трудности прогнозирования поступления налога на прибыль в бюджет;
- индексация ставок акцизов на нефтепродукты, крепкую алкогольную продукцию и пиво;
- увеличение норматива распределения акцизов на нефтепродукты в целях формирования дорожных фондов;

- установление налоговой ставки на прибыль организаций для аккредитованных ИТ-компаний в размере 0% до 31.12.2024;
- сохранение на период действующего 50% ограничения по переносу убытков, полученных в предыдущих налоговых периодах по налогу на прибыль организаций;
- применение в отношении объектов недвижимости, налоговая база по которым определяется исходя из кадастровой стоимости, в 2023 году для расчета земельного налога и налога на имущество организаций кадастровой стоимости по состоянию на 01.01.2022 года;
- сохранение до 2024 года централизации 1% налога на прибыль в федеральном бюджете.

В сфере регионального налогового законодательства в области инвестиций можно выделить следующие новации:

- налог на прибыль. Установлены пониженные ставки по налогу на прибыль организаций, имеющих статус налогоплательщика — участника специального инвестиционного контракта, подлежащему зачислению в бюджет. Также продлевается срок действия пониженной ставки налога на прибыль организаций в размере 12,5%, подлежащего зачислению в бюджет РБ до 01.01.2024 года;
- налог на имущество организаций. Увеличен срок осуществления инвесторами, заключившими с Правительством РБ инвестиционное соглашение об условиях реализации инвестиционного проекта, капитальных вложений с 3 до 7 лет, а для инвестиционных проектов стоимостью свыше 5,0 млрд руб. — с 5 до 10 лет для применения льгот по налогу на имущество организаций. Освобождаются от уплаты налога на имущество организации, имеющие статус налогоплательщика — участника специального инвестиционного контракта;
- упрощенная налоговая система (УСН). Снижены налоговые ставки для налогоплательщиков, применяющих УСН и осуществляющих деятельность в сфере информационных технологий.

Методы и методика проводимого исследования. Методическую основу исследования составляют общенаучные методы: индукция, дедукция, анализ, синтез, сравнение и обобщение. В процессе исследования были применены системный метод, а также логический и статистический анализ.

Эмпирическую базу исследования составили официальные документы федеральных и республиканских органов власти, в частности Прогноз со-

циально-экономического развития Российской Федерации и Республики Башкортостан на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов [5–6], проект закона Республики Башкортостан «О бюджете Республики Башкортостан на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов, а также доклад Центрального Банка Российской Федерации, об основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики [7].

Результаты. В основе формирования параметров бюджета Республики Башкортостан находится прогноз ключевых показателей социально-экономического развития региона. При этом прогноз имеет вариативность. Базовый вариант прогноза является наиболее вероятностным и формируется с учетом влияния внешних и внутренних факторов. В частности, предполагается, что на протяжении всего прогнозного периода сохранится влияние:

- введенных западными странами в отношении Российской Федерации санкций;
- мирового роста цен на продовольственные и непродовольственные товары;
- сокращения объемов импортных поставок, из-за введенных иностранными государствами ограничений, а также вследствие разрыва логистических цепочек;
- сжатия экспортных рынков и других факторов.

При этом базовый сценарий предполагает, что к концу прогнозного периода российская экономика продемонстрирует рост за счет успешной реализации политики импортозамещения, выхода на новые экспортные рынки, а также формирования обновленных логистических цепочек.

Консервативный сценарий предполагает менее оптимистичное развитие событий, в частности, усиление геополитической напряженности и ведение новых пакетов санкций в отношении России.

Несмотря на учет различных тенденций в рамках базового и консервативного сценариев, разница между прогнозными параметрами по каждому не велика, а тенденции во многом схожи.

В таблице 1 приведен анализ динамики основных показателей развития Республики Башкортостан по сравнению со средними значениями в Российской Федерации в 2021–2025 годах.

Данные таблицы 1 свидетельствуют о более оптимистичной фактической и прогнозной динамике основных экономических показателей (индексу физического объема ВРП, индексу промышленного производства) в Республике Башкортостан в 2022–2025 гг. по сравнению со среднероссийскими значениями. Динамика индекса потребительских цен прогнозируется в 2022–2025 гг. идентичной среднероссийскому показателю. При этом по показа-

телям, характеризующим потребительскую активность населения: обороту розничной торговли и объему платных услуг населению, в прогнозе РБ заложен более умеренный рост.

Таблица 1

Значение основных показателей развития Республики Башкортостан и Российской Федерации в 2021–2025 гг.

Наименование Год	Значения основных экономических показателей							
	ВРП / ВВП, млрд руб. в основных ценах соответствующих лет	Индекс физического объема ВРП / Темп роста ВВП	Индекс промышленного производства, % к предыдущему году	Индекс потребительских цен, % (декабрь к декабрю предыдущего года)	Инвестиции, темп роста, % к предыдущему году	Оборот розничной торговли, % к предыдущему году	Объем платных услуг населению, % к предыдущему году	Среднемесячная заработная плата, руб.
Республика Башкортостан								
2021 оценка	2059,4	103,4	107,9	108,7	105,1	103,5	105,0	42 848,2
2022 оценка	2 265,1	97,3	100,1	112,4	102,1	93,5	93,2	46 275,8
2023 прогноз	2 447,2	101,9	103,1	105,5	100,3	102,5	101,0	50 116,7
2024 прогноз	2 582,5	103,3	103,9	104,0	100,8	103,5	101,4	54 426,7
2025 прогноз	2 779,6	103,4	104,2	104,0	102,8	103,8	101,0	59 270,7
Российская Федерация								
2021 оценка	131015	104,7	106,4	108,4	107,7	107,8	116,7	57244
2022 оценка	146065	97,1	98,2	112,4	98,0	93,9	99,0	63888
2023 прогноз**	149949	99,2	98,7	105,5	99,0	102,7	101,9	69452
2024 прогноз**	159714	102,6	102,2	104,0	103,9	103,7	102,5	74804
2025 прогноз**	170598	102,6	102,3	104,0	103,7	103,1	102,5	80028
Отклонение значений показателей в Республике Башкортостан от среднероссийских								
2021 год	X	-1,3↓	+1,5↑	+0,3↑	-2,6↓	-4,3↓	-11,7↓	-14395,8 74,9%↓
2022 год	X	+0,2↑	+1,9↑	+0,0	+4,1↑	-0,4↓	-5,8↓	-17612,2 72,4%↓
2023 год	X	+2,7↑	+4,4↑	+0,0	+1,3↑	-0,2↓	-0,9↓	-19335,3 72,2%↓
2024 год	X	+0,7↑	+1,7↑	+0,0	-3,1↓	-0,2↓	-1,1↓	-20377,3 72,8%↓
2025 год	X	+0,8↑	+1,9↑	+0,0	-0,9↓	+0,7↑	-1,5↓	-20757,3 74,1%↓

* Показатели представлены в соответствии с прогнозом социально-экономического развития Республики Башкортостан на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов (базовый сценарий).

** Показатели представлены в соответствии с прогнозом социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов (базовый сценарий).

Выделяются значительно более высокие прогнозные параметры объема инвестиций в РБ (102,1% в 2022 г. и 100,3% в 2023 г.) по сравнению со среднероссийскими значениями (98,0 и 99,0% соответственно). В 2024–2025 гг. прогнозные значения темпа роста инвестиций в РБ (100,8 и 102,8%) ниже среднероссийских (103,9 и 103,7%). Также отметим, что уровень среднемесячной заработной платы в РБ составлял в 2020 г. 74,9% от среднероссийского уровня, прогнозируется сохранение данной тенденции и до 2025 г. из-за более низких

темпов роста заработной платы в регионе, что приведет к усилению отставания РБ по данному показателю от средних значений в РФ.

Заложенный в прогноз рост показателя ввода в эксплуатацию жилых домов в 2024–2025 гг. в базовом сценарии представляется излишне оптимистичным, учитывая высокую текущую закредитованность населения республики, околонулевой рост ЕГО реальных располагаемых денежных доходов, отставание показателя среднемесячной заработной платы в регионе от среднероссийских

в среднем на 23–24% в прогнозном периоде, а также сохранение глобальной турбулентности в краткосрочном периоде.

В целом вектор изменений ключевых макроэкономических показателей по РБ в прогнозном периоде соответствует трендам федерального уровня.

Существует угроза недостижения некоторых показателей прогноза социально-экономического развития РБ в сложившихся внешнеполитических условиях (проведение СВО и частичная мобилизация), в частности, численности занятых в экономике. В 2021 г. она составила 1650,9 тыс. человек, в 2022 г. прогнозируется снижение на 66,6 тыс. до 1584,3 тыс. человек. На наш взгляд, заложенная в прогноз смена негативной тенденции снижения занятых в экономике ростом в 2023–2025 гг. как в консервативном, так и в базовом сценарии не учитывает в полной мере точно спрогнозированные тренды в демографических процессах [8, с. 55]. Объективных факторов для роста численности трудоспособного населения очень мало. Для увеличения численности занятого населения необходимо скорректировать существующий комплекс мер поддержки регионального рынка труда [9, с. 545].

Требуется уточнения показатель «Уровень зарегистрированной безработицы». В документе значение показателя на 2022 г. составляет 6,7%. Однако по данным на сентябрь 2022 г., уровень общей без-

работицы в республике — 3,6%. При этом по официальным данным, на 1 сентября 2022 г. уровень регистрируемой безработицы в регионе составил 1,07%, уменьшившись относительно начала года на 0,1 процентного пункта. Таким образом, учитывая сегодняшние тенденции, следует пересмотреть прогнозные параметры показателя «Уровень зарегистрированной безработицы» на 2023 г. в базовом и консервативном сценарии в сторону уменьшения.

Далее проанализируем основные параметры прогноза бюджета Республики Башкортостан на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг.

В *базовом варианте* среднесрочная траектория развития российской экономики определяется следующими факторами:

- сокращение импорта вследствие санкционных ограничений и «добровольного отказа» иностранных партнеров от сотрудничества с Россией;
- потеря ряда экспортных рынков и ограниченные возможности переориентации поставок;
- временные лаги в структурной перестройке производственно-логистических цепочек в российской экономике.

Согласно базовому сценарию (рис. 1) республиканский бюджет на 2023–2025 гг. планирует дефицитным.

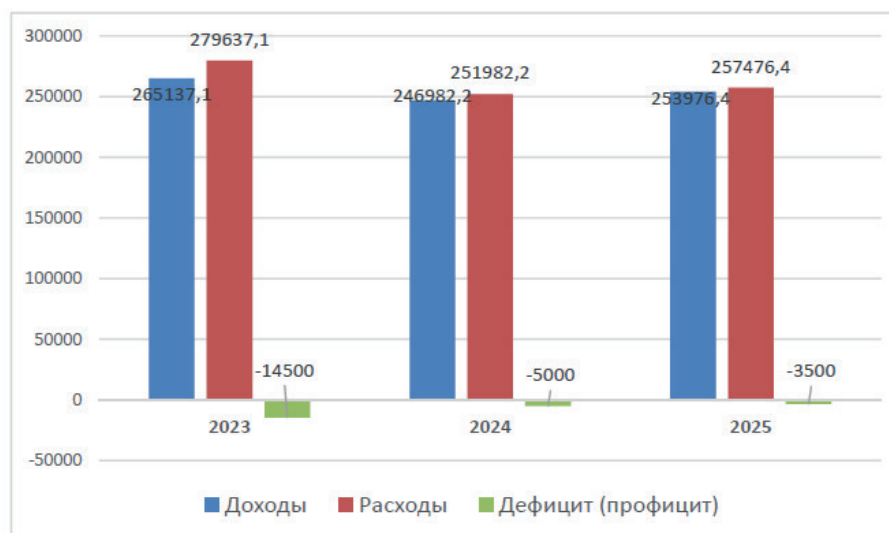

Рис. 1. Структура бюджета Республики Башкортостан в 2023–2025 гг. согласно базовому сценарию, млн руб.

В структуре доходов бюджета прогнозируется рост налоговых и неналоговых доходов как в абсолютных, так и в относительных значениях (рис. 2).

При этом прогнозируется достаточно весомое сокращение безвозмездных поступлений в бюджет региона, доля которых в 2025 г. составит 21,7%.

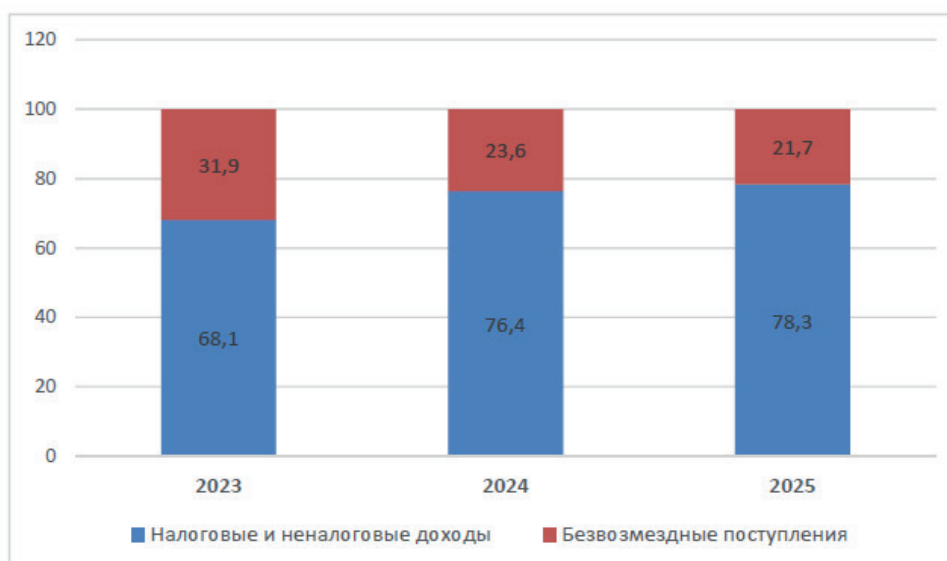

Рис. 2. Структура доходов проекта бюджета на 2023 год и на плановые 2024–2025 годы согласно базовому сценарию, %

В структуре налоговых и неналоговых поступлений наибольший удельный вес занимают: налог на прибыль организаций; налог на доходы физиче-

ских лиц; налоги на товары (работы, услуги), реализуемые на территории РФ; налог на имущество (табл. 2).

Таблица 2

Объем налоговых и неналоговых доходов бюджета РБ в 2023–2025 гг.

	2023	2024	2025
Налоговые и неналоговые доходы, млн руб.	180445,1	188611,7	198957,3
Темп прироста налоговых и неналоговых доходов (по сравнению с предыдущим годом), %	3,7	4,5	5,5

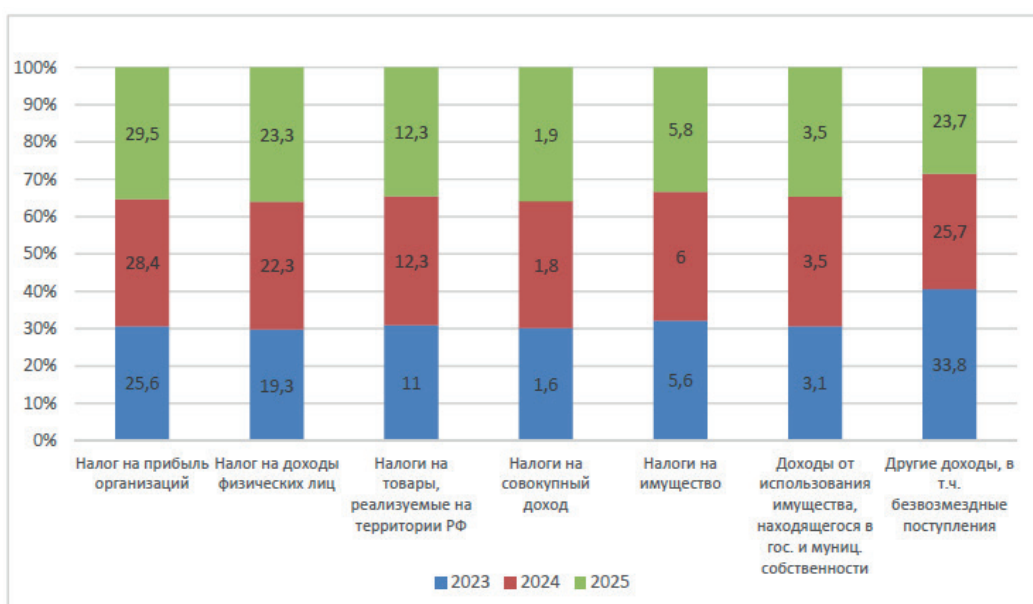

Рис. 3. Структура налоговых и неналоговых доходов бюджета в 2023–2025 годах, %

Более половины всех налоговых и неналоговых поступлений обеспечивают налоги на прибыль, на доходы физических лиц. В 2023 г. их суммарная доля составит 44,9%, в 2024 г. — 50,7%, в 2025 г. — 52,9% (рис. 3).

В проекте регионального бюджета планируется увеличение поступлений от налога на прибыль, доля которого возрастет с 25,6% в 2023 г. до 29,5% в 2025 г.

На рост поступлений налога на прибыль положительное влияние могут оказать оборонзаказы, поступающие на предприятия ВПК Республики Башкортостан, а также реализуемые мероприятия по легализации налоговой базы.

Отметим, что данные параметры согласуются с прогнозом основных показателей социально-экономического развития РБ (табл. 3).

Таблица 3

Темп роста некоторых показателей прогноза социально-экономического развития РБ, %

Показатели	2023	2024	2025
Прибыль по всем видам деятельности	106,7	108,1	106,8
Прибыль неубыточных организаций	107,6	108,3	107,0

Как следует из таблицы 3, прогнозируется рост как прибыли по всем видам деятельности, так и прибыли неубыточных организаций.

Рост поступлений налога на доходы физических лиц обусловлен увеличением фонда заработной платы работников и среднемесячной заработной платы (рис. 4).

Рис. 4. Прогноз поступлений НДФЛ в бюджет РБ в 2023–2025 гг.

Темп роста фонда заработной платы работников по сравнению с предыдущим годом в 2023 г. составит 108,7%, в 2024 г. — 109,1%, в 2025 г. — 109,6%.

Увеличение поступлений НДФЛ в краткосрочной перспективе также будет обусловлено реализацией мероприятий по легализации предпринимательской деятельности, занятости, заработной платы, проводимых РОИВ. Ожидается также рост поступлений от налога на товары (работы, услуги), реализуемые на территории РФ.

По статье «Налоги на имущество» прогнозируется сокращение поступлений в бюджет (рис. 5). К основным причинам этой тенденции можно отнести:

- по 31 декабря 2022 года освобождаются от налогообложения организации в отношении объектов недвижимого имущества, которые являются торговыми центрами

(комплексами) или размещены в торговых центрах (комплексах) и которые предоставляются в аренду, при соблюдении некоторых условий;

- увеличение сроков реализации приоритетных инвестиционных проектов, учитываемых при определении налоговых льгот;
- увеличение срока осуществления инвесторами, заключившими с Правительством РБ инвестиционное соглашение, об условиях реализации инвестиционного проекта, капитальных вложений с 3 до 7 лет, а для инвестиционных проектов стоимостью свыше 5,0 млрд руб. — с 5 до 10 лет для применения льгот по налогу на имущество организаций;
- освобождение участников специального инвестиционного контракта от уплаты налога на имущество организаций.

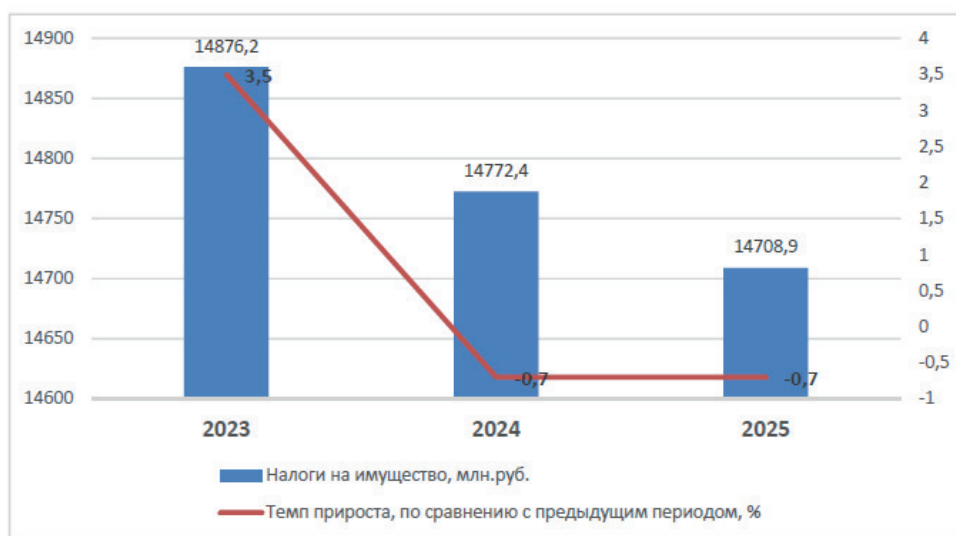

Рис. 5. Прогноз поступлений налогов на имущество в бюджет РБ

По статье «Доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности», запланирован небольшой

прирост на уровне 2–4%. Также прогнозируется рост поступлений от налогов на товары (работы, услуги), реализуемых на территории РФ.

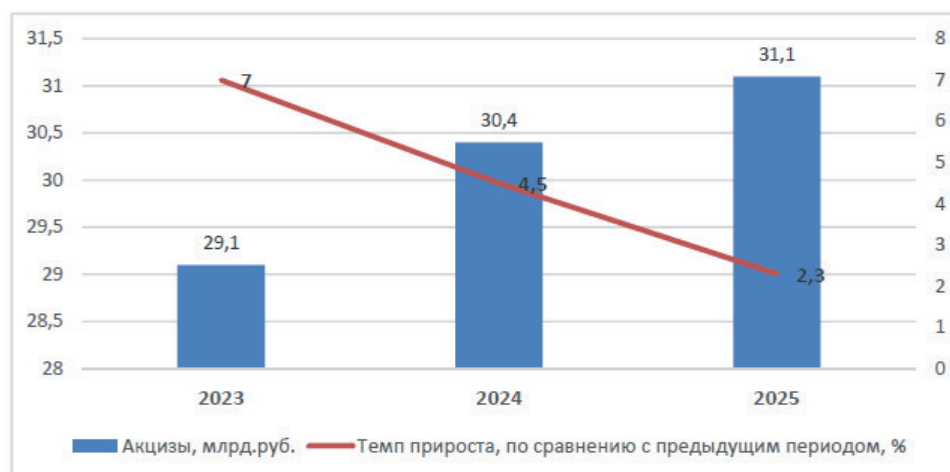

Рис. 6. Прогноз поступлений основных видов акцизов в бюджет РБ

В проекте прогноза предусматривается индексация ставок по акцизным сборам, которые оказывают ключевое влияние на динамику поступлений данных видов налогов (рис. 6).

Консервативный сценарий. Данный вариант отличается от базового двумя предпосылками. Во-первых, предполагается более глубокий спад российской экономики в 2022 г. (–8,8%) в условиях более жесткого применения санкционного режима и более медленной перестройки производственно-

логистических цепочек. Во-вторых, в консервативном варианте более существенное снижение цен на товары российского экспорта.

Согласно консервативному сценарию, республиканский бюджет на 2023 финансовый год запланирован в размере 257376,3 млн руб., на 2023 и 2024 гг. — 233669,8 млн руб. и 242642,7 млн руб. соответственно. При этом в 2023 г. дефицит бюджета должен составить 18700,0 млн руб., в 2023 г. — 17300 млн руб. и 2024 г. — 13000 млн. руб. (рис. 7).

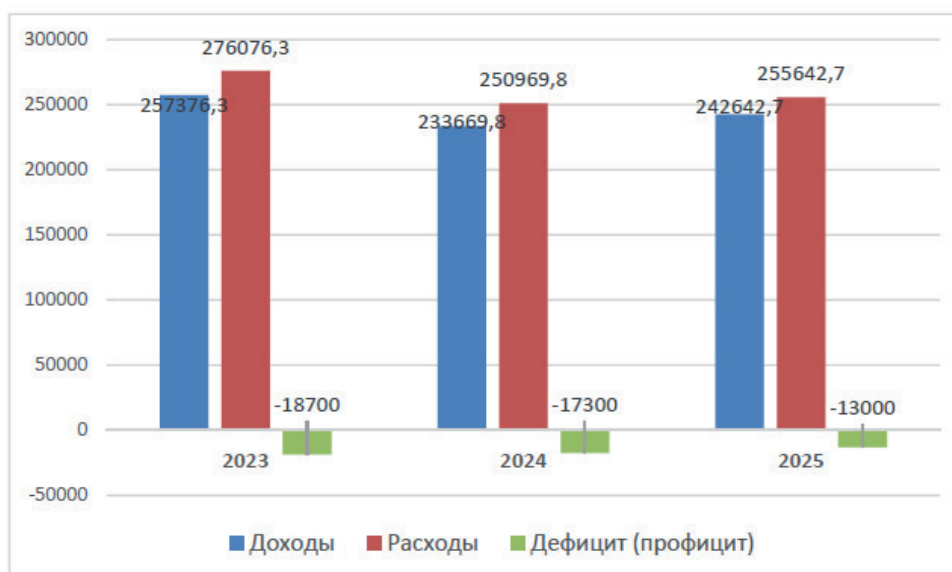

Рис. 7. Структура бюджета Республики Башкортостан в 2023–2025 гг. согласно консервативному сценарию, млн руб.

Консервативный сценарий так же, как и базовый вариант, предусматривает рост налоговых и неналоговых доходов (рис. 8) и, соответственно, сокращение безвозмездных поступлений в бюджет республики (с 32,9% в 2023 г. до 22,7% в 2025 г.). При этом, согласно консервативному сценарию, прогнозируется более существенный дефицит бюджета, который так же, как и в базовом сценарии, будет укладываться в нормативы бюджетного пра-

вила, установленного ст. 92.1 Бюджетного кодекса РФ ограничений (не более 15% утвержденного общего годового объема доходов бюджета субъекта РФ без учета утвержденного объема безвозмездных поступлений).

Положительные тенденции снижения уровня долговой нагрузки на бюджет РБ свидетельствуют о качестве финансового планирования и эффективной политике управления государственным долгом.

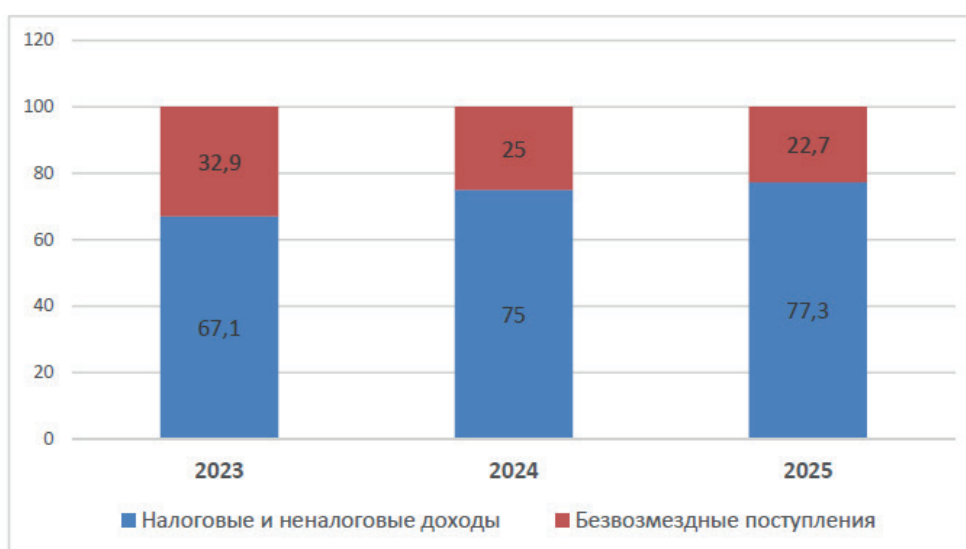

Рис. 8. Структура доходов бюджета на 2023 год и на плановый период 2024–2025 гг. согласно консервативному сценарию, %

Как и в базовом сценарии, в консервативном также предусматривается рост доли налогов на прибыль, НДФЛ (рис. 9). Резкое сокращение

удельного веса доходов от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности, в 2024 г. до 1,4%, скорее

всего, является технической ошибкой (в консервативном прогнозе значение показателя по статье «Доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности» в 2023 г. — 8148,6 млн руб., в 2024 г. — 3250,2 млн руб., в 2025 г. — 8725,0 млн руб.).

Оценка параметров бюджета РБ на 2023 г. и плановый период 2024 и 2025 гг., согласно консервативному сценарию, выявила те же тенденции, что и в базовом варианте прогноза.

Таким образом, проект доходной части бюджета РБ составлен с учетом влияния всех внешних геополитических рисков, а также тенденций социально-экономического развития региона в 2022 г.

Проект бюджета Республики Башкортостан на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов в части исполнения его доходной части (базовый сценарий) достаточно реалистичен. В нем отражены основные параметры прогноза социально-экономического развития РБ.

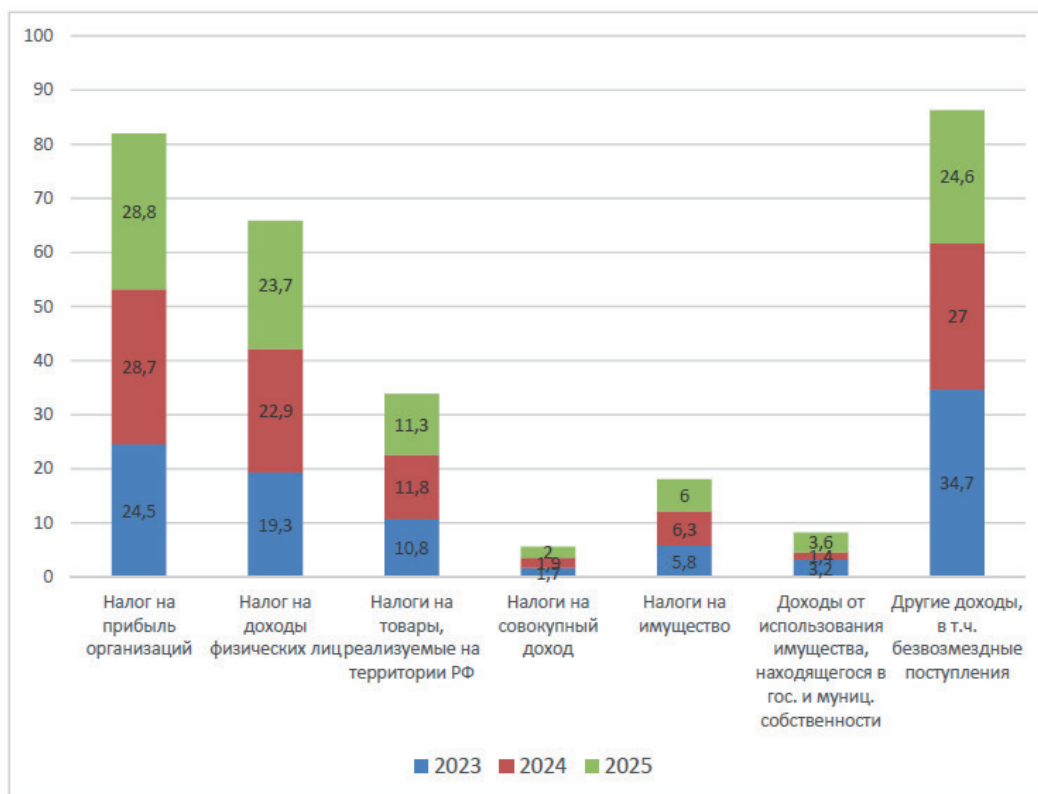

Рис. 9. Структура налоговых и неналоговых доходов бюджета согласно консервативному сценарию в 2023–2025 гг., %

Тем не менее существуют риски неисполнения доходной части бюджета, обусловленные в том числе:

- кассовыми разрывами в результате введения института единого налогового платежа;
- волатильностью налоговых поступлений в бюджет;
- снижением уровня деловой и инвестиционной активности вследствие ухудшения геополитической ситуации;
- налоговыми льготами;
- вероятностью ухода части предпринимателей и работников в неформальный сектор экономики и др.

Поэтому необходима разработка и реализация мероприятий в части более точного кассового пла-

нирования, контроля за исполнением налоговых платежей в бюджет региона, повышения предпринимательской активности, легализации трудовых отношений и др.

Далее рассмотрим основные направления бюджетных расходов Республики Башкортостан, запланированные на 2023–2025 гг.

На 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. целью бюджетной политики Республики Башкортостан в расходной части является приоритетное финансирование мер социальной поддержки населения, направленных на повышение качества жизни, сбережение здоровья, поддержку хозяйствующих субъектов, по выходу на новые рынки сбыта продукции и др.

На рисунке 10 представлена структура расходов бюджета РБ согласно базовому сценарию.

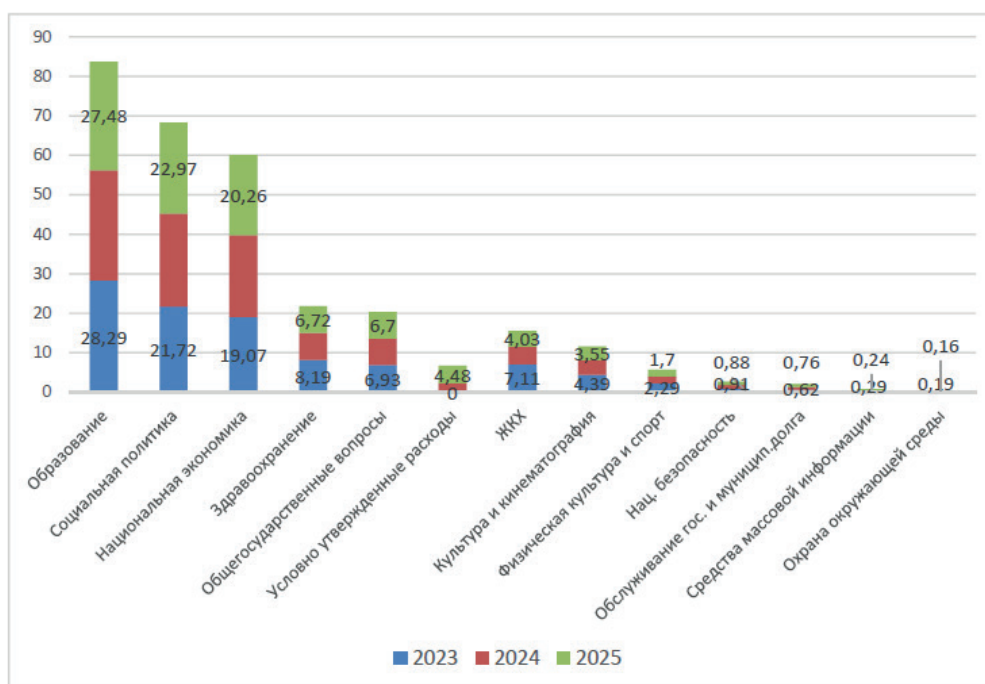

Рис. 10. Структура расходов бюджета Республики Башкортостан согласно базовому сценарию в 2023–2025 гг., %

Анализ структуры расходов выявил следующее:

- в целом структура расходов указывает на социальную ориентацию бюджета, при этом к 2025 г. относительно 2022 г. запланировано снижение суммарных расходов по социальным статьям на 14,5%. Среди социальных статей расходов бюджета наиболее существенное снижение к 2025 г. запланировано на здравоохранение — до уровня 6,72% (при 11,55% в 2022 г.). Сокращение социальных расходов в изменяющихся макроэкономических условиях, внешних вызовов вызывает некоторую озабоченность;
- несмотря на поставленные задачи по концентрации ресурсов в сфере здравоохранения (для повышения качества и доступности первичной медико-санитарной помощи, в том числе за счет его модернизации первичного звена, развитии детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям, реализации мероприятий, направленных на борьбу с онкологическими и сердечно-сосудистыми заболеваниями, обеспечении учреждений здравоохранения квалифицированными кадрами, обеспечении в приоритетном порядке льготных категорий граждан лекарственными препаратами, оснащении медицинскими изделиями учреждений здравоохранения,

имеющих в своей структуре подразделения, оказывающие медицинскую помощь по медицинской реабилитации) в 2024–2025 гг. запланировано снижение расходов на «Здравоохранение» с 8,19% в 2023 г. до 6,72% в 2025 г.;

- рост доли расходов по статье «Национальная экономика» до 20,3% к 2025 г. указывает на ориентацию Правительства Республики Башкортостан на создание внутренних условий для развития республиканской экономики.

Размер дефицита республиканского бюджета по базовому сценарию на 2023 г. составляет 8,0%, 2024 г. — 2,6%, 2024 г. — 1,7% соответственно, что укладывается в норматив бюджетного правила согласно Бюджетного кодекса РФ.

Республика Башкортостан относится к субъектам РФ с высоким уровнем долговой устойчивости, что подтверждается минимальным (менее 1%) объемом расходов на обслуживание государственного долга в 2022–2024 гг.

Законопроект соответствует всем ограничениям, установленным бюджетным законодательством.

В рамках консервативного сценария структура расходов бюджета соответствует базовому варианту. При этом несколько большие объемы финансирования по сравнению с базовым сценарием заложены по статьям «национальная экономика», «здравоохранение», «социальная политика» (рис. 11).

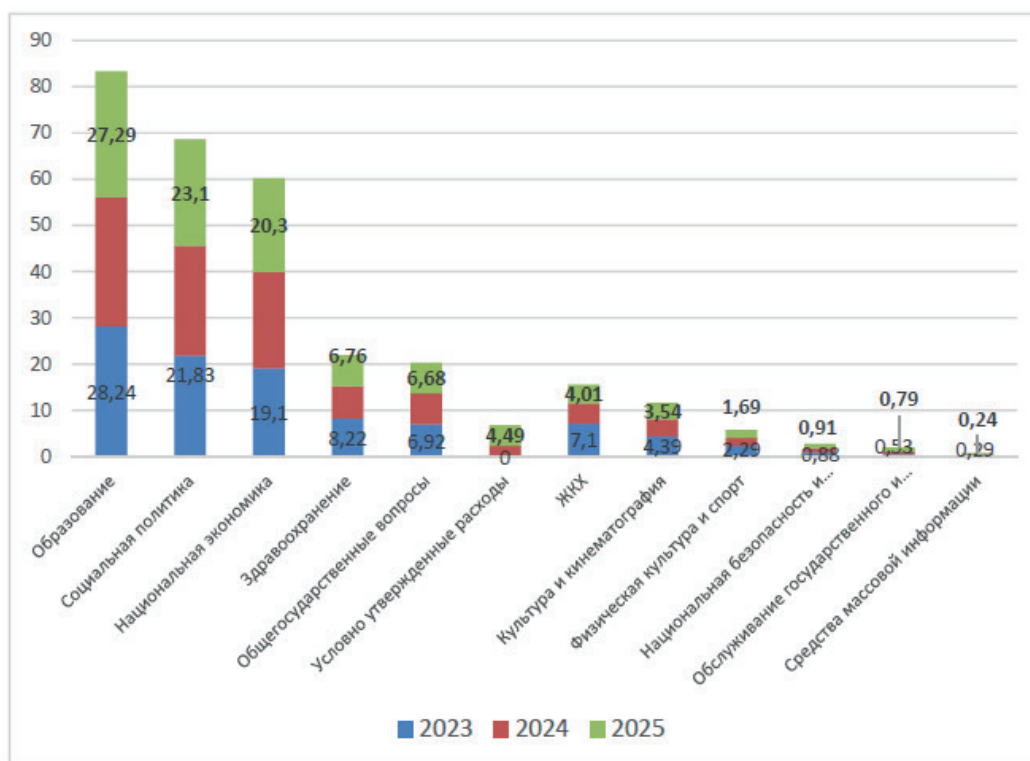

Рис. 11. Структура расходов бюджета Республики Башкортостан согласно консервативному сценарию в 2023–2025 гг., %

Заключение. Основные параметры прогноза социально-экономического развития Республики Башкортостан разработаны на вариативной основе с учетом ожидаемых внешних условий и принимаемых мер экономической политики. Однако в сложившихся условиях существует угроза недостижения некоторых показателей прогноза социально-экономического развития РБ: индекс физического объема ВРП, индекс промышленного производства, оборот розничной торговли, объем платных услуг населению, ввод в эксплуатацию жилых домов. В параметрах прогноза социально-экономического развития Республики Башкортостан также несколько завышен показатель «Численность занятых в экономике»: при существующих демографических тенденциях, геополитической ситуации и других внутренних и внешних факторах рост показателя в краткосрочном периоде представляется не совсем реалистичным. Учитывая сегодняшние тенденции, следует пересмотреть прогнозные параметры показателя «Уровень зарегистрированной безработицы» на 2023 г. в базовом и консервативном сценарии в сторону уменьшения.

Проект бюджета Республики Башкортостан на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. в части исполнения его доходной части (базовый сценарий) достаточно реалистичен. В нем отра-

жены основные параметры прогноза социально-экономического развития РБ. Однако существуют риски неисполнения доходной части бюджета, обусловленные в том числе кассовыми разрывами; волатильностью налоговых поступлений в бюджет; снижением уровня деловой и инвестиционной активности вследствие ухудшения геополитической ситуации; налоговыми льготами и др. Поэтому необходима разработка и реализация мероприятий в части более точного кассового планирования, контроля за исполнением налоговых платежей в бюджет региона, повышения предпринимательской активности, легализации трудовых отношений и др.

Отметим, что учитывая высокую степень неопределенности развития событий в ближайшее время, непредсказуемость введения санкций, макроэкономическую и политическую нестабильность, прогнозные параметры бюджета РБ в консервативном и базовом сценарии должны отличаться более существенно.

Структура расходов указывает на социальную ориентацию бюджета, при этом к 2025 г. относительно 2022 г. запланировано снижение суммарных расходов по социальным статьям на 14,5%. Среди социальных статей расходов бюджета наиболее существенное снижение к 2025 г. запланировано на здравоохранение — до уровня 6,72%

(при 11,55% в 2022 г.). Сокращение социальных расходов в условиях изменяющихся макроэкономических условий, внешних вызовов вызывает некоторую озабоченность.

В сложившихся условиях расходная часть бюджета с большой долей вероятности также будет увеличена, поэтому необходима постоянная работа по выявлению недостаточно эффективно используемых ресурсов и перенаправление их на решение приоритетных и неотложных задач.

В последние годы Республика Башкортостан получала значительные объемы федерального финансирования, в частности на строительство объектов социальной и транспортной инфраструктуры. Продолжение участия РБ в реализации различных федеральных программ (в частности, по строительству объектов транспортной инфраструктуры) простимулирует развитие смежных отраслей экономики и создаст основу для выхода республики на траекторию устойчивого развития.

В Республике Башкортостан сохраняется высокая закредитованность населения при существенном отставании доходов домохозяйств от среднероссийского уровня [10, с. 89]. Указанные обстоятельства приводят к низкой потребитель-

ской активности населения, что ограничивает возможности для развития различных секторов экономики (строительной отрасли, розничной торговли и других) и республиканской экономики в целом. Учитывая высокую занятость населения РБ в бюджетной сфере, целесообразно предусмотреть рост заработных плат бюджетников.

Размер дефицита республиканского бюджета будет планомерно сокращаться (по базовому сценарию дефицит бюджета на 2023 г. составит 8,0%, 2024 г. — 2,6%, 2024–1,7%). Дефицит бюджета будет укладываться в нормативы бюджетного правила, согласно которому расходы бюджета не должны превышать 15% годового объема доходов бюджета субъекта РФ без учета утвержденного объема безвозмездных поступлений.

Республика Башкортостан среди других субъектов РФ отличается высоким уровнем долговой устойчивости и качеством финансового планирования, а проводимая политика управления федеральным долгом признается одной из самых эффективных на федеральном уровне. Данные высокие оценки подтверждаются положительной динамикой снижения уровня долговой нагрузки бюджета Республики Башкортостан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гранберг А. Г., Сулов В. И., Суспицын С. А. Многорегиональные системы: экономико-математическое исследование. Новосибирск, 2007. 371 с.
2. Волкова Е. Н., Карманов М. В. Моделирование социально-экономического развития регионов // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2016. № 3. С. 55–59.
3. Мазурова Е. Н., Каверзин И. В. Перспективы социально-экономического прогнозирования в России // Актуальные проблемы лесного комплекса: сб. науч. трудов. Вып. 29 / ред. Е. А. Панфилов. Брянск, 2011. С. 162–165.
4. Проект закона Республики Башкортостан «О бюджете Республики Башкортостан на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». URL: <https://minfin.bashkortostan.ru/activity/2870/> (дата обращения: 14.10.2022).
5. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognos_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_2023_god_i_na_planovyy_period_2024_i_2025_godov.html/ (дата обращения: 01.10.2022).
6. Прогноз социально-экономического развития Республики Башкортостан на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов, одобренный распоряжением Правительства Республики Башкортостан от 25 октября 2022 года № 1345-р. URL: <https://economy.bashkortostan.ru/activity/22338/> (дата обращения: 25.10.2022).
7. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов: доклад Центрального банка Российской Федерации. М., 2022. URL: http://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkr/ (дата обращения: 10.10.2022).
8. Население Республики Башкортостан: воспроизводственные и миграционные процессы, занятость и размещение: монография / под ред. И. В. Закирова. Уфа, 2021. 164 с.
9. Трофимова Н. В., Мамлеева Э. Р., Сазыкина М. Ю. Тенденции развития и направления государственного регулирования рынка труда в Республике Башкортостан // Экономика труда. 2020. Т. 7. № 6. С. 549–564.

10. Палашенков Б. Э., Матвеев В. В. Закредитованность населения Российской Федерации: проблемы и пути решения // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2020. № 1 (29). С. 87–94.

REFERENCES

1. Granberg A. G., Suslov V. I., Suspitsyn S. A. Multi-regional systems: an economic and mathematical study. Novosibirsk, 2007. 371 p.
2. Volkova E. N., Karmanov M. V. Modeling the socio-economic development of regions // Economics, statistics and informatics. Vestnik UMO. 2016. No. 3. Pp. 55–59.
3. Mazurova E. N., Kaverzin I. V. Prospects for socio-economic forecasting in Russia // Actual problems of the forest complex: Sat. scientific works: no. 29 / ed. E. A. Panfilov. Bryansk, 2011. Pp. 162–165.
4. Draft law of the Republic of Bashkortostan “On the budget of the Republic of Bashkortostan for 2023 and for the planning period of 2024 and 2025”. URL: <https://minfin.bashkortostan.ru/activity/2870/> (date of access: 14.10.2022).
5. Forecast of the socio-economic development of the Russian Federation for 2023 and for the planned period of 2024 and 2025. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_2023_god_i_na_planovyy_period_2024_i_2025_godov.html/ (date of access: 2.02.2022).
6. Forecast of the socio-economic development of the Republic of Bashkortostan for 2023 and for the planning period of 2024 and 2025, approved by order of the Government of the Republic of Bashkortostan dated October 25, 2022 No. 1345-r. URL: <https://economy.bashkortostan.ru/activity/22338/> (date of access: 25.10.2022)
7. The main directions of the unified state monetary policy for 2023 and the period of 2024 and 2025: report of the Central Bank of the Russian Federation. — Moscow: Central Bank of the Republic of Belarus, 2022. URL: http://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/ (date of access: 10.10.2022)
8. Population of the Republic of Bashkortostan: reproduction and migration processes, employment and accommodation: monograph, ed. I. V. Zakirova. Ufa, 2021. 164 p.
9. Trofimova N. V., Mamleeva E. R., Sazykina M. Yu. Trends in development and directions of state regulation of the labor market in the Republic of Bashkortostan // Labor Economics. 2020. V. 7. No. 6. Pp. 549–564.
10. Palashenkov B. E., Matveev V. V. Indebtedness of the population of the Russian Federation: problems and solutions // National Security and Strategic Planning. 2020. No. 1 (29). Pp. 87–94.

Поступила в редакцию: 2.11.2022.

Принята к печати: 19.12.2022.

УДК 336.717.3
DOI 10.14258/epb202308

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ МНОГОКВАРТИРНОГО ФОНДА АЛТАЙСКОГО КРАЯ КАК ОБЪЕКТА СИСТЕМЫ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА РЕГИОНА

А. А. Мартенс, Н. О. Деркач, С. В. Лепешкина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена рассмотрению многоквартирного фонда конкретного региона — Алтайского края. Авторы провели анализ многоквартирного фонда с позиций его количественных, качественных характеристик, а также с точки зрения его территориального распределения. В процессе проведенного анализа было выявлено преобладание городского многоквартирного фонда, изменение его структуры по причине исключения домов блочной застройки из состава многоквартирных домов при сборе статистических данных Росстатом. Возможность аккумуляции финансовых ресурсов на капитальный ремонт малоэтажных многоквартирных домов при существующей методике формирования средств существенно низкая. Проведенный в статье обзор практики проведения капитального ремонта многоквартирного фонда региона показал преобладание системы финансирования за счет средств, аккумулирующихся на счетах регионального оператора (общий котел), и выделил в качестве основных кровельные работы и работы по замене лифтового оборудования. Авторы акцентируют внимание на следующих проблемах по организации капитального ремонта Алтайского края: недостаточность финансирования, низкий уровень актуальной информационной базы о состоянии многоквартирных домов региона, а также существенная доля малоэтажного многоквартирного фонда. На основании проведенного анализа авторами вносится ряд предложений, направленных на оптимизацию процесса организации капитального ремонта многоквартирного фонда региона, качества его проведения.

Ключевые слова: многоквартирный фонд, капитальный ремонт, Алтайский край.

OPTIMIZING OVERHAUL OF THE MULTI-APARTMENT FUND IN THE ALTAI TERRITORY: ANALYSIS AND PROPOSALS

A. A. Martens, N. O. Derkach, S. V. Lepeshkina

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article examines the multi-apartment fund in the Altai Territory, focusing on its quantitative and qualitative characteristics and territorial distribution. The predominance of the urban multi-apartment fund is noted, and changes in its structure are discussed due to the exclusion of block buildings from statistical data collection by Rosstat. The authors also identify challenges in accumulating financial resources for the overhaul of low-rise apartment buildings using the current funding method. The article reviews the practice of overhauling the multi-apartment fund in the region and identifies the main works required. The authors propose solutions to the challenges of the overhaul process in the Altai Territory, including addressing funding shortages, improving the information base on the state of apartment buildings, and optimizing the quality of the overhaul process.

Keywords: multi-apartment fund, overhaul, Altai region.

Техническое состояние многоквартирного фонда до сих пор является одной из ключевых проблем жилищно-коммунального хозяй-

ства. Несмотря на введение в 2015 г. новой системы финансирования капитального ремонта многоквартирных домов (МКД), отрицательная тенден-

ция здесь сохраняется. Так, при анализе динамики аварийного жилищного фонда, по данным Росстата, с 1995 по 2018 г. наблюдается рост в 5 раз — с 4,9 млн кв. м до 25,5 млн кв. м, при этом в регионах отсутствует база по фактическому состоянию каждого многоквартирного дома, так как электронные паспорта имеют не все дома, а большая часть из них заполнена формально. Обветшание многоквартирного фонда — непрерывный и естественный процесс, который нельзя остановить, но можно удлинить жизненный цикл многоквартирного дома путем эффективного сочетания текущего и капитального ремонта. Жилищный кодекс Российской Федерации возлагает на собственников МКД ответственность за содержание многоквартирного дома. Но ее невозможно реализовать в полном объеме без построения сбалансированной системы организации проведения и финансирования капитального ремонта, что, в свою очередь, требует информационной базы.

В научной литературе при исследованиях в области многоквартирного фонда (МФ) отмечается несколько направлений. Прежде всего, как объекта управления в системе многоквартирного фонда региона (А. Н. Романцов [1, с. 313], И. Х. Давлетов, О. Ш. Маманазаров [2, с. 205]; И. А. Сбоева, Т. С. Смурова [3, с. 35]). Кроме того, выделяется группа авторов, которые анализируют состояние многоквартирного фонда с позиции оценки каче-

ства реализации региональных программ капитального ремонта (Н. В. Щербакова, М. О. Мельникова, О. Н. Горянинская, Н. Г. Нагай [4, с. 439]) или вопросов в области функционирования регионального фонда капитального ремонта многоквартирных домов (Ю. С. Шпинев [5, с. 687], Е. В. Радкевич, М. Г. Ковтуненко [6, с. 11–17]; О. В. Бахарева [7]). Большая часть авторов отмечает дефицит в области открытой статистической информации по состоянию многоквартирных домов в разрезе регионов. В связи с этим авторы статьи целью своей работы считают проведение глубокого статистического анализа состояния многоквартирного фонда Алтайского края, продолжив работу, сделанную ранее [8].

В исследовании использованы методы обобщения, сопоставления, аналогии, формальной логики, систематизации, статистические методы, анализ данных.

Для анализа многоквартирного фонда был взят временной интервал 2017–2021 гг. Информацией для анализа послужили официальные статистические данные Алтайкрайстата [9], но некоторые из анализируемых показателей в последние несколько лет не предоставлялись в Росстат в связи с изменением регламента.

Согласно проанализированным данным, динамика многоквартирного фонда региона имеет отрицательную тенденцию, что наглядно представлено на рисунке 1.

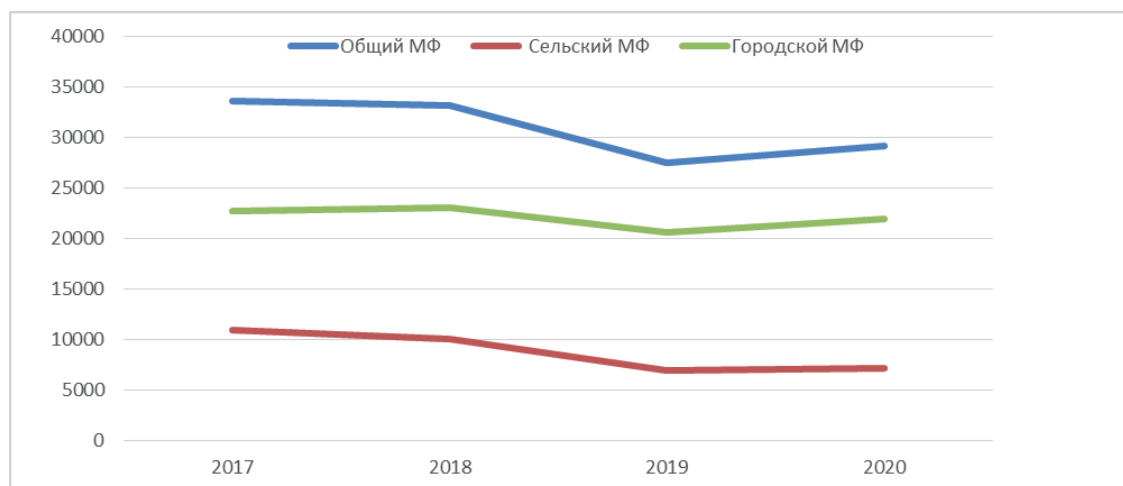

Рис. 1. Динамика многоквартирного фонда Алтайского края в разрезе территорий в 2017–2020 гг., тыс. м² [9]

Снижение многоквартирного фонда является общей тенденцией и характерно как для городских, так и сельских территорий. Основной причиной данного положения является исключение из статистических данных в 2019 г. домов блокировочной застройки.

Анализ динамики многоквартирного фонда в разрезе муниципальных образований края показал, что среди муниципальных районов снижение более чем на 90% наблюдается в таких районах как Бурлинский, Кулундинский, Петропавловский, Тогурьский, Тюменцевский.

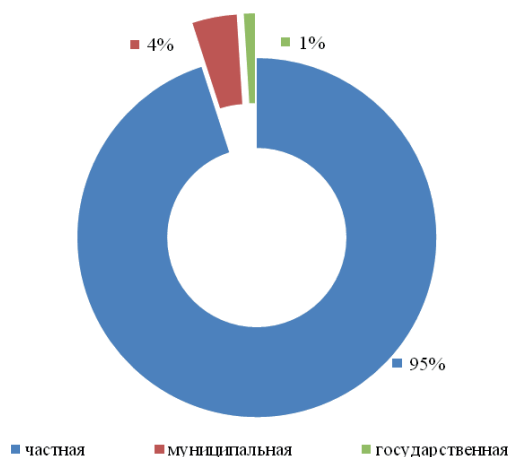

Рис. 2. Структура многоквартирного фонда Алтайского края по форме собственности на 01.01.2021, % [9]

В целом же сельский многоквартирный фонд за анализируемый период исследования сократился на 37%. Что касается городского многоквартирного фонда, то только в г. Яровое не произошло изменения его величины, а максимальное снижение, а именно на 76%, отмечается в Алейске и Новоалтайске. Форма собственности многоквартирного фонда региона представлена в большей части частной собственностью, что проиллюстрировано на рисунке 2. На государственную и муниципальную форму собственности приходится по 1 и 4% соответственно.

Анализ многоквартирного фонда региона в территориальном разрезе, представленный в таблице 1, показал преобладание городского многоквартирного фонда в общей структуре.

Таблица 1

Структура многоквартирного фонда Алтайского края по территориальному признаку на 01.01.2021 г., тыс. м² [9]

№	Наименование показателя	2017	2018	2019	2020	Темп роста, %
1	Всего	33686,5	33202,9	27560,69	29164,8	87
2	Городской МФ	22754,2	23115,2	20660,2	21992,2	97
2.1	Уд. вес ГМФ в МФ, %	68%	70%	75%	75%	-
3	Сельский МФ	10932,3	10087,7	6900,49	7172,6	66
3.1	Уд. вес СМФ в МФ, %	32%	30%	25%	25%	-

Причем городской многоквартирный фонд, в отличие от сельского, имеет наименьший процент снижения, а именно 3% против 34%. В связи с чем и в структуре многоквартирного фонда по территориальному признаку доля городского фонда растет, увеличившись за анализируемый период на 7% с 68% в 2017 г. до 75% в 2020 г.

Большая часть многоквартирного фонда приходится на 4 городских округа — Барнаул (47%),

Бийск (12%), Рубцовск (7%), Заринск (3%) (табл. 2). На эти муниципалитеты в совокупности приходится 69% многоквартирного фонда региона. Причем только в городских округах Барнаул и Бийск наблюдается прирост многоквартирного фонда на 3,1% и 0,4% соответственно за последние 2 года, в то время как в Рубцовске произошло незначительное снижение (на 0,005%), в городском округе г. Заринск площадь МФ осталась неизменной.

Таблица 2

Муниципалитеты Алтайского края, на которых приходится большая часть многоквартирного фонда региона на 01.01.2021 г. [9]

№	Наименование муниципального образования	тыс. м ²	Уд. вес в общем МФ Алтайского края, %
1	Барнаул	13687,7	47%
2	Бийск	3373,6	12%
3	Рубцовск	2117,1	7%
4	Заринск	833,3	3%
5	Итого в общем МФ Алтайского края	20011,7	69%
6	МФ Алтайского края	29164,8	100%

Таблица 3

Распределение многоквартирного фонда по времени постройки на 01.01.2020 г. [9]

№ п/п	Наименование показателя	Распределение МКД по годам возведения				
		до 1920	1921–1945	1946–1970	1971–1995	после 1995
1	2019	349	1439	16583	32786	3255
1.1	Уд. вес в МФ региона, %	1%	3%	30%	60%	6%
2	2018	1216	4181	35169	55351	5479
2.1	Уд. вес в МФ региона, %	1%	4%	35%	55%	5%
3	2017	1290	4680	38970	61088	5821
3.1	Уд. вес в МФ региона, %	1%	4%	35%	55%	5%

Анализ многоквартирного фонда по времени постройки представлен в таблице 3.

Согласно данным таблицы 3, большая доля многоквартирных домов края построена в период 1971–1995 гг. Значение указанного показателя варьируется от 55% в 2017, 2018 гг. до 60%

в 2019 г. Изменение структуры многоквартирного фонда в периоды 1920–1995 гг. связано с выводом в 2019 г. из статистических данных домов блокировочной постройки, в предыдущие периоды — это устранение ветхого и аварийного жилищного фонда.

Таблица 4

Распределение МКД Алтайского края по материалу стен на 01.01.2020 г. [9]

№ п/п	Наименование показателя	Распределение жилых домов по материалу стен, единиц						
		каменные, кирпичные	панельные	блочные	монолитные	смешанные	деревянные	Прочие
1	2019	22911	5413	5226	325	4019	14120	2398
2	Уд. вес в общем количестве МКД, %	42%	10%	10%	1%	7%	26%	4%
3	2018	35600	7401	8941	298	4729	36123	8304
4	Уд. вес в общем количестве МКД, %	35,1%	7,3%	8,8%	0,3%	4,7%	35,6%	8,2%
5	2017	40131	7696	9731	309	5144	39900	8938
6	Уд. вес в общем количестве МКД, %	35,9%	6,9%	8,7%	0,3%	4,6%	35,7%	8,0%
7	Изменение структуры МКД, %	6,1%	3,1%	1,3%	0,7%	2,4%	(9,3) %	(4%)

Согласно анализу многоквартирного фонда региона по материалу стен на основании данных таблицы 4, большая часть МКД приходится на дома из кирпича, вторым наиболее популярным материалом является дерево. В последнем случае речь идет преимущественно о малоэтажном строительстве.

На третьем месте — дома панельной и/или блочной застройки в зависимости от года. Наиболее существенные сдвиги в структуре многоквартирного фонда края отмечаются в снижении доли деревянных домов и домов, выполненных из прочих материалов стен (снижение на 9,3% и на 4%).

Таблица 5

Распределение многоквартирных домов Алтайского края по проценту износа на 01.01.2020 г. [9]

№ п/п	Наименование показателя	Распределение жилых домов по проценту износа			
		от 0 до 30%	от 31 до 65%	от 66 до 70%	свыше 70%
1	2019, (тыс. ед.)	22676	28733	2293	417
1.1	Уд. вес в общем количестве МКД, %	42%	53%	4%	1%
2	2018, (тыс. ед.)	39460	58861	2336	395
2.1	Уд. вес в общем количестве МКД, %	39,0%	58,2%	2,3%	0,4%
3	2017, (тыс. ед.)	43929	64142	2662	480
3.1	Уд. вес в общем количестве МКД, %	39,5%	57,7%	2,4%	0,4%

На основе анализа распределения многоквартирных домов Алтайского края по данным таблицы 5 можно сделать следующий вывод: более 50% МКД региона — это дома с износом от 31%–65%, порядка 40% на дома с износом от 0% — 30%. В качестве негативной тенденции следует отметить рост доли домов с износом выше 66%, но их значение в общем размере многоквартирного дома не является существенным (5% — в 2019 г., 2,7% и 2,8% — в 2018, 2017 гг. соответственно).

Совокупный анализ многоквартирного фонда Алтайского края показал преобладание городского фонда частной формы собственности (в основном физических лиц). Базовыми материалами МКД региона являются кирпич, панели и блоки, большая часть домов имеет износ в пределах 65%, динамика многоквартирного фонда — отрицательная, существенное падение данных приходится на 2019 г., что связано с исключением домов блочной застройки из состава многоквартирных домов.

Таблица 6

Краткосрочный план капитального ремонта МКД Алтайского края на 2020–2025 гг. [10]

№ п/п	Наименование показателей	2020	2021	2022	2023	2024	2025
1	Количество домов, (ед.)	405	387	322	259	222	248
		1114 = 4284443,12 м ²			729 = 2241392,76 м ²		
2	Стоимость, (руб.)	1146268813,51	1479512166,87	1493792516,96	1184896866,55	1029805345,48	963783769,74
		4119573497,34			3178485981,77		
За счет Фонда кап. ремонта на счете регионального оператора							
в т.ч. 3	Количество домов, (ед.) / Стоимость, (руб.)	254	1024038567,61	253	1210383290,64	245	1041700430,90
		248	1109400968,39	217	997501552,71	214	802658925,32
За счет Фонда кап. ремонта формирующийся на специальном счете							
4	Количество домов, (ед.) / Стоимость, (руб.)	151	122230245,90	134	269128876,23	77	452092086,06
		11	75495898,16	5	32303792,77	34	161124844,42

Анализ данных, приведенных в таблице 6, свидетельствует о снижении количества МКД, включаемых в программу капитального ремонта к 2025 году. Если же рассматривать среднюю стоимость затрат на проведение ремонтных работ в расчете на м², то ситуация обратная. Так, если по программе краткосрочного капитального ремонта на 2020–2022 гг. закладывались расходы 961,52 руб. на м², то в программе на 2023–2025 гг. наблюдается рост на 47% до 1418,08 руб. на м². Также традиционно для Алтайского края в структуре капитального ремонта преобладают дома, собственники которых аккумулируют средства на счете регионального оператора.

Необходимо отметить, что краевая программа капитального ремонта может быть изменена. В 2021 г. указанная программа была актуализирована. Основные изменения коснулись структуры и количества МКД подлежащих ремонту. Так, были

исключены МКД признанные аварийными и подлежащими сносу или реконструкции. Помимо этого, из программы были исключены МКД по причине дефицита средств фонда капитального ремонта отдельных муниципалитетов или в результате отказа собственников в проведении капитального ремонта.

Анализ работ, выполненных в рамках краткосрочного плана капитального ремонта Региональным оператором Алтайского края на 01.01.2022 (табл. 7), показал, что структура работ по периодам может несущественно отличаться. Наиболее востребованными работами по капитальному ремонту МКД является ремонт кровли. В 2020 г. на долю данных работ приходилось 72% в совокупности, в 2021 г. значение показателя снизилось до 45,7% в результате активной замены лифтового оборудования (35,7% в структуре работ). Стабильно из года в год происходит ремонт в незначительных

объемах фасадов МКД и внутридомовых инженерных систем. Отличием ремонтных работ в 2021 г. также послужило проведением работ по ремонту подвальных помещений и фундамента.

Таблица 7

**Структура работ, выполненных в рамках краткосрочного плана капитального ремонта
Региональным оператором Алтайского края на 2020–2021 гг. [10]**

№ п/п	Наименование работ	2020		2021	
		Значение, (шт.)	Уд. вес (%)	Значение, (шт.)	Уд. вес (%)
1	Ремонт крыши	119	51	111	33,8
2	Переустройство неветилируемой крыши на вентилируемую крышу, устройство выходов на кровлю	48	21	39	11,9
3	Ремонт внутридомовых инженерных систем электроснабжения	17	7	13	4
4	Ремонт фасада	12	5	7	2
5	Ремонт внутридомовых инженерных систем теплоснабжения	12	5	10	3
6	Ремонт внутридомовых инженерных систем водоотведения	9	4	12	4
7	Ремонт внутридомовых инженерных систем ХВС	8	3	6	1,8
8	Ремонт внутридомовых инженерных систем ГВС	5	2	3	0,9
9	Утепление фасада	2	1	7	2
10	Ремонт подвальных помещений	-	0	2	0,61
11	Ремонт фундамента	-	0	1	0,30
12	Замена лифтового оборудования в 34 МКД	-	0	117	35,7
10	Итого работ	232	100	328	100

Проведенный в работе анализ отразил удовлетворительное состояние многоквартирного фонда Алтайского края. В регионе наблюдается активное развитие системы капитального ремонта МКД. Несмотря на позитивные тенденции и сдвиги, все же остается ряд ключевых проблем организации данного процесса. Среди наиболее острых следует выделить недостаточность финансирования, низкий уровень актуальной информационной базы о состоянии МКД региона, а также существенная доля малоэтажного МФ. В этой части целесообразным считается проведение следующих мероприятий на уровне муниципалитетов:

- выявление МКД, по которым собственниками не производилась оплата капитального ремонта;
- выделение малоэтажных МКД с длительным сроком эксплуатации (127–151 год эксплуатации) с количеством квартир 6–15.

На основании предлагаемого мониторинга целесообразным является исключение выявленных МКД из состава домов, подлежащих капитальному ремонту за счет средств краевой программы по причине отсутствия возможности аккумулирования необходимого объема финансовых ресурсов.

Помимо представленных предложений актуальным является усиление контроля за качеством ремонтных работ капитального характера. В связи с чем необходимо:

- предварительная оценка проектно-сметной документации подрядчика по соблюдению технических требований проведения работ, строительных норм и правил; соблюдение подрядчиками технической политики регионального оператора Алтайского края;
- оценка саморегулируемых организаций (СРО), в состав которых входят подрядчики по капитальному ремонту МКД, а также обмен данными со СРО и региональным оператором;
- усиление системы кураторства за проведением капитального ремонта в конкретном МКД (по принципу один дом-один куратор);
- организация тщательного текущего контроля со стороны администрации муниципалитета за проводимыми строительными-монтажными работами, в том числе и освидетельствование скрытых работ;
- проведение работы со стороны муниципалитета о включении в состав комиссии по оценке качества произведенных работ по капитальному ремонту МКД со стороны собственников и управляющих компаний, владеющих необходимыми профессиональными компетенциями в данной сфере.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что, хотя система эксплуатации много-

квартирного фонда Алтайского края развивается положительно, нельзя не отметить, что не наблюдается высокой заинтересованности собственников в решении вопросов капитального ремонта. В частности, об этом свидетельствует преобладание «общего котла» в качестве способа аккумуляции средств на капитальный ремонт общего имущества МКД. Также с целью эффективного управления системой многоквартирного фонда

должна быть решена Региональным оператором Алтайского края в максимально короткие сроки важная и серьезная задача по аккумуляции информации по многоквартирным домам и объединение их в общую электронную базу. Устранение обозначенных проблем должно позволить улучшить техническое состояние многоквартирного фонда, а значит и качество жилищно-коммунальных услуг региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Романцов А. Н. Особенности управления многоквартирным жилищным фондом // Заметки ученого. 2022. № 3–1. С. 312–315.
2. Давлетов И. Х., Маманазаров О. Ш. Вопросы управления сохранения и модернизации многоквартирного жилищного фонда // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. № 2. С. 203–211. DOI: 10.33619/2414-2948/51/20
3. Сбоева И. А., Смурова Т. С. Анализ состояния жилищного фонда многоквартирных домов в республике Марий Эл // Аллея науки. 2021. Т. 1. № 6. С. 33–36.
4. Щербактова Н. В., Мельникова М. О., Горяннинская О. Н., Нагай Н. Г. Мониторинг жилищного фонда г. Шахты как условие реализации региональной программы капитального ремонта многоквартирных домов // Экономика и предпринимательство. 2020. № 11. С. 438–442.
5. Шпинев Ю. С. Проблемы развития региональной системы капитального ремонта многоквартирных домов // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 29. С. 686–694.
6. Радкевич Е. В., Ковтуненко М. Г. Проблемы и перспективы проведения капитального ремонта жилых домов в Российской Федерации // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 58–1. С. 10–20.
7. Бахарева О. В. Развитие жилищного фонда и городской инфраструктуры: энергоэффективная санация нетипового многоквартирного дома // Жилищные стратегии. 2019. Т. 6. № 4. С. 487–508. DOI: 10.18334/zhs. 6.4.100436.
8. Лепешкина С. В., Мартенс А. А. Инвестиционное государственно-частное партнерство в развитии сферы управления жилищным фондом региона. Барнаул, 2013. 120 с.
9. Жилищный фонд Алтайского края за 2016–2020 года: стат. бюлл. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Барнаул, 2021. 92 с.
10. Отчет об итогах деятельности некоммерческой организации «Региональный оператор Алтайского края «Фонд капитального ремонта многоквартирных домов» за 2018, 2019, 2020, 2021 гг. URL: <https://www.fkr22.ru/about/reports/otchet-ob-itogakh-deyatelnosti-2017.html> (дата обращения: 16.10.2022).

REFERENCES

1. Romantsov A. N. Features of management of multi-apartment housing stock // Notes of a scientist. 2022. No. 3–1. Pp. 312–315.
2. Davletov I. Kh., Mamanazarov O. Sh. Issues of management of preservation and modernization of multi-apartment housing stock // Bulletin of science and practice. 2020. V. 6. No. 2. Pp. 203–211. DOI: 10.33619/2414-2948/51/20
3. Sboeva I. A., Smurova T. S. Analysis of the state of the housing stock of apartment buildings in the Republic of Mari El // Alley of Science. 2021. Vol. 1. No. 6. Pp. 33–36.
4. Shcherbakova N. V., Melnikova M. O., Goryaninskaya O. N., Nagai N. G. Monitoring of the housing stock in the city of Shakhty as a condition for the implementation of the regional program for the overhaul of apartment buildings // Economics and Entrepreneurship. 2020. No. 11. Pp. 438–442. DOI: 10.34925/EIP. 2020.124.11.079.
5. Shpinev Yu. S. Problems of development of the regional system of capital repairs of apartment buildings // Innovations. The science. Education. 2021. No. 29. Pp. 686–694.
6. Radkevich E. V., Kovtunencko M. G. Problems and prospects for the overhaul of residential buildings in the Russian Federation // Trends in the development of science and education. 2020. No. 58–1. Pp. 10–20.

7. Bakhareva O. V. Development of the Housing Fund and Urban Infrastructure: Energy Efficient Rehabilitation of a Non-Typical Apartment Building // Housing Strategies. 2019. Vol. 6. No. 4. Pp. 487–508. DOI: 10.18334/zhs.6.4.100436.

8. Lepeshkina S. V., Martens A. A. Investment public-private partnership in the development of the sphere of housing stock management in the region. Barnaul, 2013. 120 p.

9. Housing stock of the Altai Territory for 2016–2020: stat. bull. / Department of the Federal State Statistics Service for the Altai Territory and the Altai Republic. Barnaul, 2021. 92 p.

10. Report on the results of the activities of the non-profit organization “Regional operator of the Altai Territory” Fund for the overhaul of apartment buildings «for 2018, 2019, 2020, 2021. URL: <https://www.fkr22.ru/about/reports/otchet-ob-itogakh-deyatelnosti-2017.html> (date of access: 16.10.2022).

Поступила в редакцию: 09.01.2023.

Принята к печати: 01.02.2023.

УДК 332.14
DOI 10.14258/epb202309

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КОМПЛЕКСНЫМИ РИСКАМИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ: ПОСТАНОВКА И ПУТИ РЕШЕНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

И. Н. Санникова¹, И. Н. Дубина^{1,2}, С. И. Межов¹

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
(Новосибирск, Россия)

Данная статья имеет проблемно-постановочный характер и представляет авторское видение направлений междисциплинарного исследования проблемы формирования системы управления комплексными рисками социально-экономического развития территорий. В статье анализируется проблема системного исследования взаимосвязанности экономических, социальных, экологических, информационных, технологических и других рисков, их оценки, прогнозирования и анализа их влияния на устойчивое развитие территорий. Представлен аналитический обзор литературы, охарактеризовано современное состояние исследований по этой проблематике. Сформулированы задачи, направления и ожидаемые результаты дальнейших исследований в области количественной и качественной оценки комплексных рисков устойчивого развития территорий.

Ключевые слова: комплексные риски, экономические риски, социальные риски, экологические риски, информационные риски, технологические риски, устойчивое развитие, управление рисками, системный подход, оценка и прогнозирование рисков, стратегическое планирование.

MANAGING COMPLEX RISKS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES: PROBLEM STATEMENT AND SOLUTIONS FOR FORMING A MANAGEMENT SYSTEM

I. N. Sannikova¹, I. N. Dubina^{1,2}, S. I. Mezhov¹

¹ Altai State University (Barnaul, Russia)

² Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk, Russia)

The article serves as a problem statement and presents the author's perspective on interdisciplinary research directions towards establishing a system for managing the multifaceted risks associated with the socio-economic development of territories. It delves into the challenge of systematically studying the interrelatedness of economic, social, environmental, information, technological, and other risks, their assessment, forecasting, and analysis of their impact on the sustainable development of territories. A literature review provides an analysis of the current state of research on this issue, and the article formulates tasks, directions, and expected outcomes for further research on the quantitative and qualitative assessment of the complex risks of sustainable development of territories.

Keywords: complex risks, economic risks, social risks, environmental risks, information risks, technological risks, sustainable development, risk management, systems approach, risk assessment and forecasting, strategic planning.

Введение. Достижение стратегических приоритетов Российской Федерации сопряжено с многочисленными рисками социально-экономического развития. Динамичность социально-экономических процессов требует своевременного выявления и купирования угроз различного характера и свойства: экономического, социального, экологического, информационного, техногенного — как на федеральном, так и на региональном уровнях управления. Турбулентность внешней и внутренней среды, влияющая на процессы и технологии управления, приводит к необходимости использовать технологический и социально-экономический форсайт для прогнозирования рисков и создания необходимых превентивных механизмов их минимизации в целях обеспечения устойчивого развития. Совершенствование современных технологий, цифровизация, «сжатие времени», демографические и миграционные процессы, усиливающиеся региональная и социально-экономическая дифференциация, расслоение доходов населения, критические объемы теневой экономики, значительный уровень коррупции — это процессы и проблемы, которые требуют комплексной оценки, новых решений, основанных на междисциплинарных знаниях и методах. Соответственно, необходима комплексная система управления экономическими, социальными, экологическими, информационными, технологическими и другими рисками, обеспечивающая устойчивое развитие территорий и безопасность государства в целом.

В современных исследованиях риски преимущественно рассматриваются обособленно, как частные риски и угрозы в различных сферах, без рассмотрения их взаимосвязи, взаимовлияния и взаимоусиления. В настоящее время слабо изучена взаимосвязь рисков различной природы, различных видов и проявлений. Для преодоления этого разрыва необходимо комплексное изучение взаимосвязанности различных рисков и их влияния на устойчивое развитие территорий. Недостаточная изученность проблемы системного подхода к управлению рисками, с одной стороны, и ее высокая научно-практическая значимость для социально-экономического развития — с другой, определяют необходимость междисциплинарных подходов и исследований комплексных рисков.

В данной статье, имеющей проблемно-постановочный характер, анализируется проблема системного исследования взаимосвязанности экономических, социальных, экологических, информационных, технологических и других рисков, их оценки, прогнозирования и анализа их влияния на устойчивое развитие территорий с целью формирования соответствующей системы управления. Представлен аналитический обзор современной

литературы по этой проблематике. Сформулированы задачи, направления и ожидаемые результаты исследования.

Аналитический обзор литературы по исследуемой проблематике. Прикладные исследования в области оценки и управления рисками, методологические основания развития риск-ориентированного мышления базируются на философской парадигме риска и являются междисциплинарными. Категория риска и неопределенности в философии рассматривается такими авторами как: В. А. Акимов, А. П. Альгин, У. Бек, В. И. Веретнов, В. С. Диев, Н. Луман, Ю. И. Матвиенко, М. Меркхофер, Ф. Х. Найт, Т. В. Наумова, С. М. Никитин, Э. А. Панфилова, Е. Ю. Рождественская, Н. Н. Талей, А. С. Трошин и др.

Современная философская мысль исходит из необходимости обоснования общего философского методологического и междисциплинарного базиса теории рисков как «для более глубокого понимания этого феномена, так и для эффективного практического применения конкретных дисциплин» [1, с. 88]. Этические проблемы принятия решений и распределения ответственности в своих спорных исследованиях поднимает американский экономист и трейдер Талейб Нассим Николас [2]. Анализ современных подходов к содержанию понятия «риск» приводится в работах Ю. И. Матвиенко, выделяется рационалистический подход, социопсихологический подход, социологический подход [3], социально-политический подход использует Е. Ю. Рождественская [4].

В спектр философско-теоретических исследований входит и соотношение понятий «риск» и «неопределенность». Проблема неопределенности изучается непосредственно в контексте принятия решения. Следует отметить исследования Ю. К. Ахапкина, Е. П. Белинской, А. М. Дорожкина, Д. Ю. Дорониной, А. П. Карабанова, Д. Канеман, Т. В. Корниловой, Е. Ю. Лихачевой, Н. В. Мишиной, Е. В. Падучевой, П. Словик, О. И. Соколовой, Г. Н. Солнцевой, Г. Л. Смолян, А. Тверски, М. А. Чумаковой и др.

В целом можно констатировать повышение интереса к выходам на практикоориентированность при анализе современных подходов к теории рисков, уход от традиционных философских споров о субъективной или объективной природе рисков (В. А. Агапеев, Д. Н. Розанцева, В. А. Ойгензихт, Х. Хекхаузен и др.).

Частные экономические риски рассматриваются в работах Д. А. Артеменко, А. В. Воробьевой, Е. С. Долгова, А. А. Живора, О. В. Силутиной, Д. М. Синева, Е. В. Иода, Е. Л. Михайловой, Е. П. Милешко, Е. И. Музыко, Е. Ю. Фаянцева и др. Исследования экономических и предпринимательских

рисков являются, пожалуй, самыми распространенными. Многообразие точек зрения на экономические и предпринимательские риски сводится к их распределению на чистые, предполагающие исключительно отрицательный результат, и спекулятивные риски, допускающие как положительный, так и отрицательный результат принятия решения [5]. «Риск может быть институализирован как на макроэкономическом уровне (конкурентные рынки товаров, рабочей силы, инвестиций) и являться основой построения различных экономических систем, так и на уровне поведения отдельных профессиональных групп и экономических организаций (например, субкультуры опасных профессий)» [6].

Социальным рискам посвящены работы Т. П. Волковой, А. И. Жмайло, С. Н. Илюшин, Н. А. Мешавкиной, Ю. И. Соколова, В. И. Шарина, А. Д. Шопенко, М. Ю. Федоровой, Д. Ю. Федотова, В. С. Хомяковой и др. Большинство авторов данного направления определяют социальный риск как риск, порожденный самим обществом. «Нарушение социального порядка — источник социогенных рисков, а социальные изменения, в особенности революции и реформы, есть мощные генераторы социальных рисков» [7, с. 38].

Проблемы идентификации, оценки экологических рисков изложены в работах П. А. Ваганова, Р. П. Давыдовой, И. С. Деревянченко, В. Г. Дмитриева, Т. И. Дроздовой, С. В. Ивановой, А. А. Касьяненко, Л. А. Колесниковой, Ман Сунг Им, А. А. Матвеевой, С. А. Медведевой, А. С. Новикова, Г. Ш. Ниметулаевой, Т. П. Спицыной, Е. В. Сугак, И. А. Рябчиковой, С. С. Тимофеевой и др. «Данный риск квалифицируют как оценку на всех уровнях (от точечного до глобального) вероятности появления негативных изменений в окружающей среде, вызванных различными ситуациями (факторами) природного и антропогенного (техногенного) характера» [8].

И. В. Аникин, Е. К. Баранова, Т. И. Булдакова, Е. В. Бурькова, Л. В. Галимова, Г. В. Егорова, Л. Ю. Емалетдинова, С. О. Искаджян, А. О. Калашников, И. А. Киселева, С. С. Козунова, И. М. Космачева, А. Г. Кравец, В. Н. Максименко, Д. А. Миков, М. Мишель, И. В. Сибикина, О. Ю. Федосеева, В. Н. Юрьев, С. А. Эрман, Е. В. Ясюк и др. в своих работах исследуют идентификацию, методы оценки и управления информационными рисками. Как и в случаях с другими частными понятиями рисков, информационные риски определяются в зависимости от целей исследователя, могут иметь достаточно узкие и широкие трактовки: от рисков, связанных с функционированием информационных активов, до рисков недостоверности информации. В самом общем виде под информационным риском понимаются «определенные и осознанные действия субъекта

в информационной сфере, предполагающие возможные негативные последствия» [9, с. 125].

Технические и технологические риски, как правило, являются предметом изучения отраслевых научных исследований. С точки зрения мезоуровня и макроуровня данные риски следует рассматривать в контексте комплексных рисков реализации региональных инфраструктурных проектов, функционирования крупных инфраструктурных объектов, технологической составляющей деятельности производственных площадок корпораций и т. п. В обобщенном виде технологический риск — это «опасность производственной аварии, пожара, взрыва и т. д., вследствие которых подвергается угрозе не только жизнь и здоровье человека, но и наносится ущерб окружающей среде; количественный показатель технологической опасности, определяемый через произведение вероятности неблагоприятного явления в развитии национальной технологической базы и обеспечение технологической независимости на математическое ожидание негативных последствий (ущерба) от этой опасности» [10].

Выход на практику применения базовых концепций теории риска неминуемо привел исследователей к междисциплинарному пониманию рассматриваемой категории, таким авторами, как А. Д. Гаранина, Э. Гидденс, М. В. Мархгейм, Т. В. Наумова, А. Е. Новикова, и др. Эффективный поиск способа установления контроля над факторами опасности, «овладение стратегий поведения в условиях риска» [11] возможно только на междисциплинарной основе. С точки зрения идентификации рисков в ряде случаев достаточно трудно определить количественную меру опасностей исходя из частных (узких) подходов, пытаться квалифицировать риск в определенной предметной области, поэтому возникает необходимость обращаться к комплексному пониманию рисков. Устойчивое развитие территорий предполагает сбалансированность экономического, социального вектора развития и обеспеченность экологической безопасности. Даже если исследования напрямую не указывают на необходимость оценки рисков по обозначенным направлениям, то в условиях рискоориентированной концепции принятия решений это обязательно подразумевается, как, например, в трудах Р. Копелло [12].

Необходимость комплексной оценки рисков возрастает на региональном и национальном уровне управления развития территорий. Анализ угроз и оценка рисков — необходимый компонент стратегического планирования их устойчивого развития. На сегодняшний день можно констатировать, что в российских и зарубежных источниках закрыт вопрос о необходимости национального стратегического планирования. «Стратегическое

планирование все больше распространяется в мировой практике, в том числе и в неанглоязычных странах и странах с административной правовой культурой, таких как Италия и Франция» (перевод авторов, [13]). Особый интерес для нас представляют исследования проблем государственного стратегического планирования в странах романо-германского права. При этом в некоторых исследованиях подчеркиваются проблемы не столько стратегического планирования, сколько реализации стратегий [14]. Актуальными вопросами являются: точность стратегического планирования, пул участников стратегического планирования, синхронизация стратегий различного уровня и отраслей, эффективность стратегического планирования и стратегического государственного управления и т. д. «Органы государственного управления должны наилучшим образом использовать ограниченные ресурсы и смягчать риски экономических и политических потрясений» (перевод авторов, [15]).

Российские специалисты обращают внимание на такие современные тренды региональной экономики, как пространственное развитие [16]; кластеризацию, политику импортозамещения и зонирование [17]; институциональные и правовые аспекты государственного стратегического планирования [18]; связь государственного стратегического планирования и государственного стратегического управления [19].

Исходная информация по комплексным региональным рискам и результаты использования такой информации при принятии решений необходимо представлять в формирующихся в настоящее время модулях стратегического государственного планирования [20]: модуль поддержки стратегического планирования, модуль планирования ресурсного обеспечения, модуль принятия управленческих решений.

Научная школа Института экономики УрО РАН представила методику оценок рисков, влияющих на благосостояние регионов [21, 22, 23]. Методика основана на статистических методах оценки рисков через оценку колеблемости значений показателя относительно среднего значения [21, с. 1034]. Зоны риска устанавливаются исходя из пороговых значений индикаторов [22, с. 40]. Пороговые значения определяются традиционным для оценки региональной экономической безопасности способом — по среднероссийским значениям выбранных индикативных показателей. Использование средних значений показателей приводится также в методике Т. И. Безденежных, И. Р. Кормановской, М. О. Кадничанской [24, 25]. Интегральный показатель риска, как правило, представляет собой линейную зависимость результатов вычисления показателей рисков меньшего уровня [26].

Считаем спорным моментом определения рисков регионального развития, ориентируясь на средние показатели индикаторов. Следует выделять индикаторы снижения риска. Вероятность достижения средних показателей не дает оснований для принятия эффективных управленческих решений. Существуют методики оценки региональных рисков с использованием индикаторов их снижения, например, «Оценка ESG — рисков российских регионов» [27]. Кроме того, дискуссионным является количество и содержание блоков, факторов и самих индикаторов рисков и индикаторов снижения рисков. В рассчитываемых интегральных показателях рисков не учитываются нивелирующие эффекты разнонаправленных факторов риска. Например, снижение риска спада промышленного производства может привести к увеличению риска загрязнения атмосферы и т. д. И достаточно проблематичным остается практическое значение рассчитанных интегральных рисков для целей управления. Обычно авторы указывают, что индикаторы и показатели могут быть использованы при разработке и стратегий устойчивого развития, не уточняя, как именно. Если с точки зрения средних показателей по России, федеральному округу и т. д., то в таком случае сами интегральные показатели лишены смысла и остаются невостребованными с практической точки зрения.

Состояние современных исследований и актуальность анализируемой проблемы. В научной и методической литературе представлен значительный массив результатов исследования рисков различных видов и уровней и методов управления ими, однако:

- 1) в проводимых исследованиях слабо прослеживаются связи выделенных рисков с устойчивым социально-экономическим развитием территорий;
- 2) риски традиционно рассматриваются как частные риски отдельных экономических субъектов, без связи с проблемами социально-экономического развития территорий;
- 3) риски преимущественно рассматриваются обособленно, как частные риски в различных сферах, без рассмотрения их взаимосвязи;
- 4) недостаточно изучена взаимосвязь рисков различной природы, различных видов и проявлений, их комплексного влияния на развитие территорий;
- 5) недостаточно разработаны и используются формализованные методы (с разным уровнем формализации) оценки и прогнозирования рисков, особенно с применением современных технологий (работа с большими

массивами данных (Big Data), машинное обучение (Machine Learning), проектирование и проведение социально-экономических экспериментов в различных программно-инструментальных средах (oTree, Weka и др.);

- 6) отсутствуют формализованные методики и инструменты количественной и качественной оценки комплексных рисков;
- 7) отсутствуют разработанные междисциплинарные методические подходы к управлению комплексными рисками устойчивого развития региона;
- 8) отсутствуют рекомендации по обеспечению регионального устойчивого развития путем выявления и минимизации комплексных рисков.

Таким образом, актуальность сформулированного направления исследования определяется недостаточным уровнем теоретических исследований комплексных рисков и их влияния на устойчивое развитие территорий, недостаточной разработанностью и применимостью междисциплинарных подходов к оценке и прогнозированию комплексных рисков с использованием, в том числе математических, экспериментальных и инструментальных методов, а также отсутствием систем управления комплексными рисками устойчивого развития территорий.

Задачи и направления исследования.

По мнению авторов данной статьи, система управления комплексными рисками развития территорий должна включать в себя следующие подсистемы:

- подсистема прогнозирования ключевых комплексных рисков социально-экономического развития территорий;
- подсистема оценки экономических, социальных, экологических, информационных, технологических и других существенных рисков развития территорий;
- подсистема алгоритмов принятия системных управленческих решений минимизации ключевых комплексных рисков превентивного характера;
- подсистема алгоритмов выбора оптимального метода управления рисками, обеспечивающего реализацию стратегий и программ социально-экономического развития территорий.

Соответственно, разработка такой системы требует решения следующих общих (фундаментальных) научно-исследовательских задач:

- 1) разработка классификации рисков устойчивого развития территорий; теоретическое обоснование критериев существенности

рисков их устойчивого развития, с учетом специфики и ключевых параметров, верификация результатов на основе экспертных оценок значимости рисков устойчивого развития для конкретных территорий с применением метода анализа иерархий;

- 2) систематизация существующего опыта, используемых подходов и конкретных методов и инструментов оценки рисков в контексте социально-экономического развития территорий (математико-аналитические, математико-статистические методы, методы имитационного моделирования, методы экспериментальной экономики, методы экспертных и сценарных оценок, апостериорный анализ), в том числе с использованием современных технологий анализа больших наборов данных, машинного обучения и конструирования социально-экономических экспериментов;
- 3) систематизация существующих подходов и методов, разработка и обоснование новой методологической и методической базы многокритериальной количественной и качественной оценки экономических, социальных, экологических, информационных, технологических и других рисков устойчивого развития территорий; выявление основных факторов, определяющих названные риски с учетом их специфики и ключевых параметров;
- 4) разработка и обоснование методологической и методической основы для количественной и качественной оценки комплексных рисков устойчивого развития территорий с учетом эффектов разнонаправленности рисковых компонентов и индикативных показателей снижения рисков по каждому компоненту (с применением методов многомерной статистики и методов теории социально-экономических измерений);
- 5) формирование новой методологической основы принятия управленческих решений, обеспечивающих эффективную реализацию достижения стратегических приоритетов устойчивого развития территорий посредством минимизации ключевых комплексных рисков до приемлемого уровня.

Сформулированные общие задачи определяют, в свою очередь, более конкретные (прикладные) задачи:

- 1) оценка комплексных рисков устойчивого развития регионов федеральных округов РФ и построение ИТ-атласа рисков в динамике и разрезе экономических, социальных,

- экологических, информационных, технологических рисков (базы данных); картографическое моделирование комплексных рисков региона с использованием ГИС-технологий;
- 2) разработка теоретико-игровой и экспериментально-игровой модели влияния теневого сектора на изменение уровня комплексных рисков устойчивого развития региона; верификация в среде oTree;
  - 3) разработка теоретико-игровой и экспериментально-игровой модели влияния уровня коррупции на изменение уровня комплексных рисков устойчивого развития региона; верификация в среде oTree;
  - 4) разработка математико-статистической модели связанности показателей социально-экономического развития региона с комплексными рисками его устойчивого развития с учетом временных лагов; верификация модели;
  - 5) прогнозирование комплексных рисков развития регионов федеральных округов РФ;
  - 6) разработка научно-методической документации и алгоритма оценки комплексных рисков устойчивого развития региона;
  - 7) разработка методики массового повышения осведомленности об информационной безопасности различных групп пользователей ИТ в соответствии с региональным контекстом; разработка системы рекомендаций по оценке и обработке рисков в области кибербезопасности с учетом специфики региона;
  - 8) разработка методической документации для региональных органов власти по управлению комплексными рисками.

Предполагаемые результаты исследования.

Решение обозначенных фундаментальных и прикладных задач позволит получить следующие научные и практические результаты:

- 1) методологию принятия управленческих решений, обеспечивающих эффективную реализацию достижения стратегических приоритетов устойчивого развития территорий посредством минимизации ключевых комплексных рисков до приемлемого уровня;
  - 2) классификацию рисков устойчивого развития территорий;
  - 3) систему методов и инструментов многокритериальной количественной и качественной оценки комплексных рисков устойчивого развития территорий;
  - 4) электронный атлас комплексных рисков развития регионов РФ в динамике и разрезе конкретных видов рисков (экономических, социальных, экологических, информационных, технологических и др.), базы данных многокритериальных оценок комплексных рисков, инструменты их визуализации и анализа);
  - 5) верифицированные модели влияния теневого сектора экономики и уровня коррупции на изменение уровня комплексных рисков устойчивого развития региона; связанности показателей социально-экономического развития региона с комплексными рисками его устойчивого развития с учетом временных лагов;
  - 6) верифицированную модель прогнозирования комплексных рисков развития регионов федеральных округов РФ;
  - 7) пакет научно-методической документации и алгоритма оценки комплексных рисков устойчивого развития региона;
  - 8) пакет рекомендаций для региональных органов власти по управлению комплексными рисками, в том числе методики массового повышения осведомленности об информационной безопасности различных групп пользователей ИТ в соответствии с региональным контекстом и система рекомендаций по оценке и обработке рисков в области кибербезопасности с учетом специфики региона.
- Значимость результатов исследования заключается в возможности их использования для совершенствования систем территориального планирования с учетом вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации, в том числе для:
- ранжирования угроз в аналитической части стратегий территориального развития различного уровня;
  - формирования приоритетов развития территорий;
  - формирования программных мероприятий реализации стратегий пространственного развития;
  - мониторинга реализации стратегических документов.

Заключение. Данная статья представляет собой, по сути, результаты первого этапа междисциплинарного исследования проблемы формирования системы управления комплексными рисками социально-экономического развития территорий. В статье обоснована актуальность проблемы, обозначены фундаментальные и прикладные задачи, направления и предполагаемые результаты дальнейших исследований.

Обозначенное направление исследований будет способствовать формированию новой мето-

дологической и методической базы для количественной и качественной оценки комплексных рисков устойчивого развития территорий с применением методов многомерной статистики и мето-

дов теории социально-экономических измерений как теоретико-методологической основы системы управления комплексными рисками социально-экономического развития территорий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Диев В. С. Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // Вестник Томского государственного университета. — Серия «Философия. Социология. Политология». 2011. №2 (14). С. 79–89.
2. Талей Н. Н. Рискуют собственной шкурой. Скрытая асимметрия повседневной жизни. М., 2018. 379 с.
3. Матвиенко Ю. И. Современные подходы к изучению риска // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-izucheniyu-riska/viewer> (дата обращения: 30.12.2022).
4. Рождественская Е. Ю. Феномен риска в современном научном дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и Международная коммуникация. 2009. №1. С. 162–164.
5. Кох И. А., Шелгинский А. Е. Предпринимательские риски в российской экономике // Дискуссия. 2018. №2 (87). С. 52–58.
6. Долгов Е. С. Классификация современных экономических рисков // Вестник Поволжского института управления. 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-sovremennyh-ekonomicheskikh-riskov/viewer> (дата обращения: 30.12.2022).
7. Соколов Ю. И. Социальные риски России // Проблемы анализа риска. 2017. Т. 14. №5. С. 38–51.
8. Медведева С. А. Экологический риск. Общие понятия, методы оценки // XXI век. Техносферная безопасность. 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskij-risk-obschie-ponyatiya-metody-otsenki/viewer> (дата обращения: 30.12.2022).
9. Марков А. А. Понятие и характеристика информационных рисков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. 2010. №1 (11). С. 123–129.
10. Термины МЧС России. URL: <https://www.mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/3218> (дата обращения: 30.12.2022).
11. Наумова Т. В. Междисциплинарный контент категории «риск» // Научный вестник МГТУ. 2011. №166. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistiplinarnyy-kontent-kategorii-risk/viewer> (дата обращения: 30.12.2022).
12. Capello R. Regional growth and development theories revisited. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/0875/db893b8fb463a979941138169554c9da2da7.pdf> (дата обращения: 30.12.2022).
13. Bryson J. and Edwards L. H. Strategic Planning in the Public Sector. 2017. URL: <https://oxfordre.com/business/view/10.1093/acrefore/9780190224851.001.0001/acrefore-9780190224851-e-128> (дата обращения: 30.12.2022).
14. Kerlinova A., Tomaskova E. Approach to Strategy at Public Administration Organizations in the Czech Republic // Procedia Social and Behavioral Sciences. 2014. V. 156. 26. November. P. 88.
15. Boland M., Thomas T., Werfel D. Four Steps to High-Impact Strategic Planning in Government. 2018. URL: <https://www.bcg.com/publications/2018/four-steps-to-high-impact-strategic-planning-in-government.aspx> (дата обращения: 30.12.2022).
16. Юшкова Н. Г. Совершенствование системы регионального планирования: предпосылки и императивы // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3. Экономика. Экология. 2014. №1 (24). С. 31–42.
17. Юсупова И. В., Волкова М. А. Теоретические подходы к построению стратегического планирования развития территорий // Вестник КГЭУ (Казанского государственного энергетического университета). 2018. Т. 10. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-postroeniyu-strategicheskogo-planirovaniya-razvitiya-territoriy/viewer> (дата обращения: 30.12.2022).
18. Довбий И. П., Калина Е. С., Маковкина С. А. Институциональные и правовые аспекты стратегического планирования на федеральном, региональном и муниципальном уровнях // Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки. 2018. Вып. 63. №12 (422). С. 88–99.
19. Назаров В. П. Стратегическое планирование как важнейший фактор повышения эффективности государственного управления // Власть. 2013. №12. С. 5–8.
20. Система стратегического планирования. URL: <http://gasu.gov.ru/stratdocuments> (дата обращения: 30.12.2022).

21. Куклин А. А., Печеркина М. С., Тырсин А. Н., Сурина А. А. Методический инструментарий диагностики рисков для благосостояния личности и территории проживания // Экономика региона. Т. 13. Вып. 4. 2017. С. 1030–1043. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-dlya-blagosostoyaniya-v-regionah-diagnostika-i-upravlenie-na-primere-urfo/viewer> (дата обращения: 30.12.2022).
22. Куклин А. А., Печеркина М. С., Тырсин А. Н., Никулина Н. Л. Риски для благосостояния в регионах: диагностика и управление (на примере УрФО) // Пространственная экономика. 2018. № 2. С. 36–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskiy-instrumentariy-diagnostiki-riskov-dlya-blagosostoyaniya-lichnosti-i-territorii-prozhivaniya/viewer> (дата обращения: 30.12.2022).
23. Печеркина М. С., Коробков И. В. Оценка рисков, влияющих на благосостояние регионов // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 4. С. 1077–1087.
24. Безденежных Т. И., Кормановская И. Р., Кадничанская М. О. Факторный подход к оценке рисков регионального развития (на примере Новгородской области) // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 32. С. 32–44.
25. Безденежных Т. И., Кадничанская М. О., Кормановская И. Р. Оценка рисков устойчивого развития регионов (на примере Новгородской области) // Инновации. 2015. № 7 (201). С. 99–102.
26. Хитрова Е. М. Методы оценки регионального риска и управления им // Известия ИГЭА. 2008. № 2 (58). С. 56–59.
27. ESG Regional Ranking. URL: https://www.raexpert.eu/esg_regional_ranking/ (дата обращения: 30.12.2022).

REFERENCES

1. Diev V. S. Risk and uncertainty in philosophy, science, management // Bulletin of the Tomsk State University. Series «Philosophy. Sociology. Political science». 2011. No. 2 (14). Pp. 79–89.
2. Taleb N. N. Risking Your Own Skin. Hidden asymmetry of everyday life. Moscow, 2018. 379 p.
3. Matvienko Yu. I. Modern approaches to the study of risk // Proceedings of the Tula State University. Humanitarian sciences. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-izucheniyu-riska/viewer> (date of access: 30.12.2022).
4. Rozhdestvenskaya E. Yu. The phenomenon of risk in modern scientific discourse. Vestnik VSU. Series: Linguistics and International Communication. — 2009. No. 1. Pp. 162–164.
5. Kokh I. A., Shelginsky A. E. Entrepreneurial risks in the Russian economy // Discussion. 2018. No. 2 (87). Pp. 52–58.
6. Dolgov E. S. Classification of modern economic risks // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-sovremennyh-ekonomicheskikh-riskov/viewer> (date of access: 30.12.2022).
7. Sokolov Yu. I. Social risks in Russia // Problems of risk analysis. 2017. Vol. 14. No. 5. Pp. 38–51.
8. Medvedeva S. A. Environmental risk. General concepts, assessment methods // XXI century. Technosphere safety. 2016. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskij-risk-obshche-ponyatiya-metody-otsenki/viewer> (date of access: 30.12.2022).
9. Markov A. A. The concept and characteristics of information risks // Bulletin of the Volgograd State University. Series 7. Philosophy. 2010. No. 1 (11). Pp. 123–129.
10. Terms EMERCOM of Russia. URL: <https://www.mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/3218> (date of access: 30.12.2022).
11. Naumova T. V. Interdisciplinary content of the «risk» category // Scientific Bulletin of MSTU. 2011. No. 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarnyy-kontent-kategorii-risk/viewer> (date of access: 30.12.2022).
12. Capello R. Regional growth and development theories revisited. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/0875/db893b8fb463a979941138169554c9da2da7.pdf> (date of access: 30.12.2022).
13. Bryson J. and Edwards L. H. Strategic Planning in the Public Sector. 2017. URL: <https://oxfordre.com/business/view/10.1093/acrefore/9780190224851.001.0001/acrefore-9780190224851-e-128> (date of access: 30.12.2022).
14. Kerlinova A., Tomaskova E. Approach to Strategy at Public Administration Organizations in the Czech Republic // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2014. V. 156. 26. November. P. 88.

15. Boland M., Thomas T., Werfel D. Four Steps to High-Impact Strategic Planning in Government. 2018. URL: <https://www.bcg.com/publications/2018/four-steps-to-high-impact-strategic-planning-in-government.aspx> (date of access: 30.12.2022).
16. Yushkova N. G. Improving the system of regional planning: preconditions and imperatives // Bulletin of the Volgograd State University. Ser. 3. Economy. Ecology. 2014. No. 1 (24). Pp. 31–42.
17. Yusupova I. V., Volkova M. A. Theoretical approaches to the construction of strategic planning for the development of territories // Bulletin of KSEU (Kazan State Energy University). 2018. Vol. 10. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-postroeniyu-strategicheskogo-planirovaniya-razvitiya-territoriy/viewer> (date of access: 30.12.2022).
18. Dovbiy I. P., Kalina E. S., Makovkina S. A. Institutional and legal aspects of strategic planning at the federal, regional and municipal levels // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Economic sciences. 2018. Issue. 63. No. 12 (422). Pp. 88–99.
19. Nazarov V. P. Strategic planning as the most important factor in improving the efficiency of public administration // Power. 2013. No. 12. Pp. 5–8.
20. Strategic planning system. URL: <http://gasu.gov.ru/stratdocuments> (date of access: 30.12.2022).
21. Kuklin A. A., Pecherkinina M. S., Tyrsin A. N., Surina A. A. Methodological tools for diagnosing risks for the well-being of the individual and the territory of residence // Economics of the region. T. 13/ No. 4. 2017. Pp. 1030–1043. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-dlya-blagosostoyaniya-v-regionah-diagnostika-i-upravlenie-na-primere-urfo/viewer> (date of access: 30.12.2022).
22. Kuklin A. A., Pecherkinina M. S., Tyrsin A. N., Nikulina N. L. Welfare risks in the regions: diagnostics and management (on the example of the Ural Federal District) // Spatial Economics. 2018. No. 2. Pp. 36–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskij-instrumentariy-diagnostiki-riskov-dlya-blagosostoyaniya-lichnosti-i-territorii-prozhivaniya/viewer> (date of access: 30.12.2022).
23. Pecherkinina M. S., Korobkov I. V. Assessment of risks affecting the well-being of regions // Economics of the region. 2019. T. 15. Issue 4. Pp. 1077–1087.
24. Bezdenezhnykh T. I., Kormanovskaya I. R., Kadnichanskaya M. O. Factorial approach to assessing the risks of regional development (on the example of the Novgorod region) // Regional economy: theory and practice. 2015. No. 32. Pp. 32–44.
25. Bezdenezhnykh T. I., Kadnichanskaya M. O., Kormanovskaya I. R. Assessment of the risks of sustainable development of regions (on the example of the Novgorod region) // Innovations. 2015. No. 7 (201). Pp. 99–102.
26. Khitrova E. M. Methods for assessing regional risk and managing it // Izvestia IGEA 2008. No. 2 (58). Pp. 56–59.
27. ESG Regional Ranking. URL: https://www.raexpert.eu/esg_regional_ranking/ (date of access: 30.12.2022).

Поступила в редакцию: 11.01.2023.
Принята к печати: 31.01.2023.

УДК 330.567.222 (571.150)
DOI 10.14258/epb202310

ПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЕМ АЛТАЙСКОГО КРАЯ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ¹

А. М. Сергиенко^{1,2}

¹Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

²Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Барнаул, Россия)

В статье представлены методологические особенности и результаты исследования динамики потребления продуктов питания населением одного из агропромышленных регионов (Алтайского края) на разных этапах экономического развития с начала 1990-х гг. Выделены факторы, внесшие особый вклад в изменение уровня и структуры потребления продуктов питания, в том числе экономические кризисы, изменение государственных стандартов потребления и ориентация населения на здоровый образ жизни. На данных государственной статистики выявлены наиболее значимые сдвиги в потреблении населением Алтайского края основных групп продуктов питания за три рассматриваемых десятилетия — в 1990-х, 2000-х и 2010-х гг. Проведен сравнительный анализ уровня потребления населением продуктов питания в Алтайском крае в сравнении с регионами Сибирского федерального округа и России в целом. Сделаны выводы об уровне достижения рекомендуемых норм потребления населением отдельных групп продуктов питания в Алтайском крае на фоне России и СФО. Показаны ключевые изменения в затратах домашних хозяйств на продукты питания в структуре потребительских расходов. Выявлена специфика воздействия четырех экономических кризисов на сдвиги в потреблении продуктов питания жителями края относительно предшествующих докризисных лет, установлено сокращение силы их влияния.

Ключевые слова: потребление продуктов питания, потребительские расходы, агропромышленный регион, Алтайский край, экономический кризис, государственные регуляторы, рациональные нормы потребления, здоровое питание.

CHANGES IN FOOD CONSUMPTION BY THE POPULATION OF THE ALTAI TERRITORY ACROSS DIFFERENT STAGES OF ECONOMIC DEVELOPMENT: A METHODOLOGICAL ANALYSIS

A. M. Sergienko^{1,2}

¹ Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS (Novosibirsk, Russia)

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Altai branch (Barnaul, Russia)

The article analyzes the dynamics of food consumption in the Altai Territory, an agro-industrial region, at different stages of economic development since the early 1990s. The author identifies factors that contributed to changes in food consumption, including economic crises, changes in state consumption standards, and the population's orientation towards a healthy lifestyle. Using state statistics, the article reveals significant shifts in the consumption of major food groups by the population of the Altai Territory over the past three decades (1990s, 2000s, and 2010s), and compares it to consumption in the Siberian Federal District and Russia as a whole. The article draws conclusions about the level of achievement of recommended norms for certain food groups and highlights key changes in household spending on food. Additionally, the article identifies the impact of four

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири», № 121040100279–5.

economic crises on shifts in food consumption by the population of the Altai Territory and establishes a reduction in their influence over time.

Keywords: food consumption, consumer spending, agro-industrial region, Altai Territory, economic crisis, state regulators, rational consumption standards, healthy eating.

Уровень и структура потребления населением продуктов питания, как известно, подвергается существенным изменениям в зависимости от состояния экономики. В тренды потребления продуктов питания значительные корректировки вносят экономическая нестабильность, кризисы, которые приводят к снижению доходов и обеднению населения, что неизбежно оказывает влияние на сокращение потребления продуктов питания, замену более дорогих продуктов на более дешевые.

Вместе с тем в разных типах регионов наблюдаются значительные различия в уровне и структуре потребления продуктов питания. Интерес в этом отношении представляют агропромышленные регионы, такие как Алтайский край, где специфика потребления напрямую связана с традициями занятий сельским хозяйством, более высокой доступностью выращиваемых в данном регионе зерновых, овощей и других продуктов питания. В Алтайском крае уровень и структура потребления продуктов питания определяются в значительной степени более высокими долями сельского населения в общей численности населения в сравнении со средним показателем по России (42,8% против 25,3% в 2020 г.), продукции сельского хозяйства в валовом региональном продукте (22,9% против 6,1% в 2019 г.). Причем значимая доля потребляемых сельскими жителями продуктов питания, выращиваемых в личных подсобных хозяйствах, до сих пор слабо учитывается статистикой. Для агропромышленных регионов характерна и специфическая «ответная реакция» на кризисы в сфере потребления продуктов питания.

В научной литературе можно найти немало публикаций о потреблении населением продуктов питания, затрагивающие проблемы экономической и физической доступности продовольствия, продовольственной безопасности и ее обеспечения, региональной дифференциации, изменения объема и структуры потребления продуктов питания, как правило, в отдельные, короткие периоды экономического развития, взаимосвязи потребления с доходами и покупательной способностью населения, динамикой цен, достижения рациональных нормативов потребления и др. [1–8]. Вместе с тем наблюдается значительный пробел в понимании того, что произошло в динамике и структуре потребления продуктов питания населением агропромышленных регионов в целом за последние

30 лет, какие ключевые сдвиги происходили в разные периоды развития экономики и что их предопределило. Крайне мало исследований по специфике и проблемам потребления населением продуктов питания в Алтайском крае и других агропромышленных регионах, причем в таких публикациях вопросы потребления продовольствия рассматриваются часто в контексте проблем развития сельского хозяйства и АПК в целом [9–10].

Рассмотрим в статье динамику уровня и структуры потребления продуктов питания населением Алтайского края на разных этапах экономического развития с начала 1990-х гг. Постараемся ответить на следующие вопросы: 1) каковы тренды и наиболее значимые сдвиги в потреблении основных групп продуктов питания и в удельных потребительских затратах домохозяйств на их покупку в 1990-х, 2000-х и 2010-х гг. и в целом за тридцатилетний период; 2) как меняется сила влияния различных экономических кризисов и других факторов на потребление продуктов питания и затраты на них; 3) срабатывают ли государственные адаптационные регуляторы по нивелированию влияния кризисов? Для ответов на эти вопросы рассмотрим изменение потребления в четырех различных периодах кризисного развития экономики (финансово-экономический кризис 1998–1999 гг., глобальный экономический 2008–2009 гг., структурный 2014–2016 гг. и «коронакризисный» 2020 г.) в сравнении с двумя предшествующими таким кризисам годами (соответственно 1996–1997, 2006–2007, 2012–2013, 2018–2019 гг.).

Методология исследования потребления продуктов питания. В экономической теории потребления базовым постулатом является утверждение, что потребители заинтересованы в максимальном приобретении товаров и услуг согласно своим предпочтениям и желаниям в условиях ограниченности имеющегося у них бюджета. Вместе с тем в наши дни сосуществуют различные методологические подходы и теории потребления, в том числе потребления различных социальных групп в зависимости от потребностей и доходов, формирующих их потребительское поведение, — от классических и неоклассических, основанных на рациональном потреблении (К. Менгер, Л. Вальрас и У. Джемсон, Г. Госсен, А. Маршалл, А. Маслоу и др.), до новейших, в значимой мере трансформирующих такое представление (Р. Талер, А. Дитон) [11–12].

Потребление продуктов питания¹ рассматривается в экономической теории как их использование в процессе удовлетворения физиологических потребностей, необходимых для существования человека. Потребитель определяет количество различных продуктов питания, руководствуясь как экономическими мотивами (цена, действие эффектов замещения и дохода, др.), так и множеством субъективных предпочтений, отражающих состояние здоровья, следование определенным «модным» трендам в питании (вегетарианство и т. п.), направленных на поддержание здорового образа жизни.

В последние годы мода на здоровый образ жизни и «правильное» (здоровое) питание в поведении современного человека играют все более значимую роль [13–14]². Мода на здоровый образ жизни является мощным фактором коррекции уровня цен на продукты питания, более дорогими становятся продукты «правильного» питания (обезжиренные, ЭКО, без ГМО и т. п.). Современный потребитель находится в ситуации сложного процесса оптимизации выбора товара среди десятков похожих наименований под давлением далеко не только ограничений собственного бюджета, определяемых доходами и сбережениями, но и под воздействием собственных поведенческих установок, рекламы, стандартов общества потребления, направленном на удовлетворение не столько насущных жизненных потребностей, сколько избыточных с позиции имиджа и престижности. Все это приводит к коррекции потребляемого человеком рациона питания, а значит — уровня и структуры потребления продуктов питания населением в целом.

Важными факторами потребительского поведения в сфере приобретения продуктов питания выступают и такие факторы внешней экономической среды, как экономическая ситуация в стране или регионе, наличие и сила кризисных явлений. В периоды кризисов сокращение производства товаров и услуг, инфляция приводят к росту безработицы, падению доходов населения и обеднению и, как следствие, снижению потребления продуктов питания. В период системного кризиса первой половины 1990-х гг. и финансово-экономическо-

го кризиса 1997–1998 гг. резкое снижение доходов россиян привело к снижению уровня и качества потребляемых продуктов питания, перекосу в сторону более дешевых хлебобулочных и крахмалистых продуктов. В глобальный кризис 2008–2009 гг. происходило сжатие потребления продуктов питания прежде всего малообеспеченных слоев населения, в период структурного кризиса в России в 2014–2016 гг. снизилось потребление иностранных товаров и увеличилась доля потребляемой отечественной сельскохозяйственной продукции, коронакризис 2020–2021 гг. сориентировал потребителей на приобретение товаров отечественного производства [15].

Отличительной особенностью потребления продуктов питания от других групп потребляемых населением товаров является то, что даже в условиях кризиса его уровень снижается не столь значительно, а по некоторым группам товаров (гречка и другие крупяные изделия, соль, сахар, растительное масло и др.) даже, напротив, может наблюдаться временный рост [1–10]. В меньшей степени сокращение доходов домохозяйств в кризисный период отражается на снижении потребительского спроса на продукты отечественного производства, что объясняется чаще их более выгодными ценами в сравнении с импортируемыми и протекционистской поддержкой сельхозпроизводителей и других производителей продуктов питания со стороны государства. Экономические кризисы сказываются на частичном переключении потребления пищевых продуктов в сфере общественного питания на сферу домашнего хозяйствования, то есть сокращаются расходы на общественное питание (посещение кафе и ресторанов) и повышаются расходы на приобретение продуктов.

Помимо доходов, сбережений, влияния экономического кризиса, моды и других упомянутых факторов на уровень и структуру потребления продуктов питания различных групп населения влияет их физическая (пространственная) доступность, определяемая во многом местом проживания потребителя (к примеру, городская агломерация или удаленный от крупных городов сельский район). Этот фактор оказывает влияние и на уровень

¹ К продуктам питания относятся продукты в натуральном или переработанном виде, употребляемые человеком в пищу, в том числе специализированная пищевая продукция, расфасованная в емкости питьевая вода, алкогольная продукция (в том числе пиво), безалкогольные напитки, биологически активные добавки к пище, продовольственное сырье и др. См.: в ст. 1 Федерального закона от 02.01.2000 № 29-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О качестве и безопасности пищевых продуктов» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25584/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/ (дата обращения: 15.12.2022).

² Под здоровым питанием понимается питание, ежедневный рацион которого основывается на принципах, установленных настоящим Федеральным законом, отвечает требованиям безопасности и создает условия для физического и интеллектуального развития, жизнедеятельности человека и будущих поколений». См.: там же. «Правильное» питание базируется на рациональном подборе продуктов, акцент среди которых делается на фрукты, овощи и другие природные дары, при этом потребление мяса и мясопродуктов сокращается. Для здорового питания также свойственны минимизация потребления соли и сахара, замена молока на кисломолочную продукцию, широкое использование различных каш, натуральных соков, исключение алкоголя и др.

цен на продукты питания (привозные продукты питания часто стоят дороже в сельских поселениях, чем в городе).

Важнейшим регулятором потребления продуктов питания является *государственная политика*. Один из инструментов регулирования такого потребления — нормирование потребления для сохранения и восстановления здоровья населения. Нормы как установленный размер потребляемых продуктов питания в расчете на душу населения разрабатываются на национальном и региональном, а также международном уровнях. Душевые нормы потребления для различных групп населения, исходя из их возраста и физической активности, разрабатываются Институтом питания РАМН, Научным центром здоровья РАМН, Московской медицинской академией им. И. М. Сеченова. Учитываются климатические и культурные особенности питания жителей разных регионов, место жительства потребителей (южная или северная часть России).

Минздравом России для поддержания здоровья человека и соблюдения необходимого баланса питательных веществ устанавливаются государственные нормы рационального потребления мяса, овощей, фруктов, молочных продуктов и других основных продуктов питания, причем такие нормы регулярно корректируются³. Так, современные нормы потребления хлебобулочных продуктов, картофеля и сахара заметно снизились в сравнении с нормами потребления начала 1990-х гг., при этом заметно увеличились нормы потребления мяса, фруктов, овощей, яиц и немного — молочной продукции.

На региональном уровне в России до последнего времени производился расчет норм потре-

бления продуктов питания, образующих среднестатистическую потребительскую корзину для жителей региона в целом и по отдельным демографическим группам⁴. Продовольственная корзина как часть потребительской включала в себя список продуктов питания, объемы которых рассчитаны на год для четырех категорий в среднем на душу — для всего населения, трудоспособных граждан, пенсионеров и детей. В России также определяются государственные и местные нормы социального потребления как набор бесплатно оказываемых социальных услуг для питания школьников в столовых, детей из малообеспеченных семей, находящихся в лагерях с дневным пребыванием и др.

Росстат производит ежегодный учет потребления продуктов питания в домашних хозяйствах, в том числе и их доли в общих потребительских расходах. Очевидно, что чем ниже доля расходов на продукты питания, тем больше затрат не связано с удовлетворением физиологических потребностей и тем выше уровень жизни в стране. Так, согласно оценкам западных исследователей, социальным нормативом, соответствующим потреблению в современном обществе, являются расходы на покупку продуктов питания не выше 15% [16–17].

В кризисные периоды различные меры государственной поддержки способствуют сдерживанию роста цен на продовольственные товары. Так, Правительством Российской Федерации могут устанавливаться предельно допустимые розничные цены на социально значимые продукты питания⁵. В качестве государственных регуляторов потребления продуктов питания применяются различные антимонопольные меры по сдерживанию

³ См. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 августа 2016 г. № 614 «Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания» // ГАРАНТ. РУ. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71385784/> (дата обращения: 14.12.2022).

⁴ Потребительскую корзину образует набор товаров и услуг, характеризующий уровень и структуру потребления человека или семьи. К продуктам питания, входящим в потребительскую корзину, входят хлебные продукты, мясо и мясные продукты, молоко и молочные продукты, яйца, рыба и рыбопродукты, картофель, овощи и бахчевые, фрукты и ягоды, сахар и кондитерские изделия, растительное масло и прочее (соль, чай, кофе, какао, специи). См.: 1) там же; 2) Федеральный закон от 03.12.2012 № 227-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-03122012-n-227-fz-o/> (дата обращения: 14.12.2022).

⁵ Если в течение 30 дней подряд рост розничных цен составит 30% и более предельно допустимые цены устанавливаются на срок не более 90 календарных дней на такие продукты питания, как молоко, масло сливочное и подсолнечное, яйца, сахар, соль, чай, мука, хлеб, рис, пшено, крупа гречневая, вермишель, картофель, капуста белокочанная, лук, морковь, яблоки, мясо, куры, мороженая рыба и др. См.: Постановление Правительства РФ от 15 июля 2010 г. № 530 «Об утверждении Правил установления предельно допустимых розничных цен на отдельные виды социально значимых продовольственных товаров первой необходимости, перечня отдельных видов социально значимых продовольственных товаров первой необходимости, в отношении которых могут устанавливаться предельно допустимые розничные цены, и перечня отдельных видов социально значимых продовольственных товаров, за приобретение определенного количества которых хозяйствующему субъекту, осуществляющему торговую деятельность, не допускается выплата вознаграждения» (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ. Информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/12177401/> (дата обращения: 14.12.2022).

рыночных цен для поддержки на них спроса¹. Используются также налоговые методы, лицензирование и маркировка, в том числе, например, «менее полезных» продуктов, механизмы грантовой поддержки, льготного кредитования, страхования от неурожая и другие меры господдержки сельхозпроизводителей, играющих особую роль для агропромышленных регионов. Например, значительное влияние на восстановление потребительского спроса и на рост активности на продовольственном рынке российских сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий оказывает политика импортозамещения, в том числе введение с августа 2014 г. «ответных санкций» на сельскохозяйственные товары из стран, установивших свои экономические ограничения против России [15].

Таким образом, как видим, спектр воздействующих на уровень и структуру потребления населением продуктов питания факторов-условий и факторов-регуляторов чрезвычайно широк. В связи с этим для исследователя несомненную сложность представляет эмпирическая оценка значимости таких факторов. В данном исследовании будет сделана попытка лишь в наиболее общем виде оценить изменение силы влияния экономических кризисов и в целом состояния экономики на потребление продуктов питания в изучаемом регионе как за счет подключения государственных адаптационных регуляторов, так и вследствие усиления

воздействия социальных поведенческих механизмов.

Динамика потребления населением продуктов питания в Алтайском крае с начала 1990-х гг. Согласно данным Росстата, представленным в таблице 1, в 1990-х гг. в Алтайском крае значительно выросло потребление картофеля (на 23,1%) и немного — хлебных продуктов (на 6%), что было связано с их сравнительно более низкой ценой на тот момент. Все остальные виды продуктов питания жители края стали потреблять значительно меньше, в первую очередь это касается более дорогостоящих, белковосодержащих продуктов — мяса и мясопродуктов (в 1,8 раза), яиц (в 1,2 раза), молокопродуктов (в 1,5 раза).

В 1990-х гг. был зафиксирован максимальный за все три рассматриваемых десятилетия уровень потребления на душу населения картофеля (184 кг в 1997 г.) и молокопродуктов (413 кг в 1990 г.) и минимальный уровень по многим другим продуктовым группам: хлебопродуктов (149 кг в 1990 г. и повторилось в 2020 г.), масла растительного (6,2 кг — в 1995 г.), яиц, овощей и бахчевых (230 шт. и 74 кг в 1997–1998 гг.), мяса и мясопродуктов (40 кг в 2000 г.). Потребление сахара только за пять лет упало с максимального уровня до минимального (с 49 кг в 1990 г. до 30 кг в 1995, что повторилось в 1996 и 1998 гг.); в дальнейшем восстановительный рост был не столь значительным.

Таблица 1

Уровень потребления населением Алтайского края основных продуктов питания в 1990–2020 гг., кг на душу населения в год

Наименование продуктов питания	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2020/1990, %
Картофель	134	173	165	143	121	96	90	67,2
Овощи и бахчевые культуры	99	80	80	90	89	80	80	80,8
Мясо и мясопродукты	72	56	40	54	63	61	64	88,9
Молоко и молочные продукты	413	323	277	329	323	279	258	62,5
Яйца, шт.	308	245	259	300	309	317	315	102,3
Сахар	49	30	33	42	38	37	38	77,6
Масло растительное	10,3	6,2	7,6	10,2	12	14	12,8	124,3
Хлебные продукты	149	155	158	173	167	160	149	100,0

Источник: 1. Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 15.12.2022).

¹ Так, для стабилизации цен на подсолнечное масло на внутреннем рынке страны с 9 января по 30 июня 2021 г. экспортная пошлина на семена подсолнечника, вывозимые из России за пределы Таможенного союза, была повышена до 30% (но не менее 165 евро за 1 тыс. кг). С декабря 2020 г. до начала октября 2021 г. было заключено соглашение, по которому в торговых сетях был установлен предельный уровень цен на масло подсолнечное в размере 110 руб. за 1 литр. См.: 1) Постановление Правительства Российской Федерации от 10.12.2020 № 2065 «О внесении изменений в ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы государств — участников соглашений о Таможенном союзе» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012100027> (дата обращения: 15.12.2022); 2) Постановление Правительства Российской Федерации от 27.03.2021 № 455 «О внесении изменения в пункт 7 постановления Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2020 г. № 2094» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202103300007> (дата обращения: 16.12.2022).

Несмотря на сокращение потребления более дорогостоящих продуктов, падение реальных доходов и уровня жизни в 1990-х гг. проявилось в значительном росте расходов на продукты питания в структуре потребительских расходов домашних хозяйств Алтайского края. Если в 1990 г., согласно выборочным обследованиям домашних хозяйств, продукты питания жителей края составляли 33,3% от всех потребительских расходов, то в 1995 г. доля таких расходов составила уже 44,3%, то есть выросла на треть (в России эти величины составили соответственно 35,5 и 52%) — таблица 2. Во второй половине десятилетия она сокращалась и составила в крае 39,8% в 2000 г., что ниже показателей по Сибири и России в целом (46,9 и 49,4%).

Рост уровня жизни в 2000-х гг. отразился на увеличении потребления всех основных групп продуктов питания, за исключением картофеля. В наиболее явном виде это сказалось на потреблении масла растительного (на 57,9%), мяса и мясопродуктов (на 57,5%), в меньшей степени — на потреблении яиц (на 19,3%), молокопродуктов

(на 16,6%), овощей и бахчевых (на 11,3%). В 2005 г. зафиксировано максимальное потребление жителями края хлебопродуктов — 173 кг на душу.

Вместе с тем к концу «нулевых» удельный вес расходов на продукты питания сократился до минимального за все три рассматриваемых десятилетия: в 2010 г. 31,7% против 33,8% и 32,9% в регионах СФО и России в целом — таблица 2. Причем к концу этапа экономического роста в 2007 г. в крае зафиксированы наименьшие за весь тридцатилетний период наблюдения удельные затраты домашних хозяйств на покупку продуктов питания — 29,4% (для сравнения: в России минимальное значение данного показателя было достигнуто в 2009 г. — 30,5%, а в Сибири в 2013–31,1%).

2010-е гг., напротив, отличаются сокращением потребления по многим группам продуктов питания — от максимального по картофелю (в 1,34 раза) и молокопродуктам (в 1,25 раза) до не столь значимого (в 1,11–1,12 раза) — по хлебопродуктам, а также овощам и бахчевым. Небольшой рост наблюдался лишь по потреблению растительного масла (на 6,7%) и яиц (на 2%).

Таблица 2

Расходы на продукты питания в структуре потребительских расходов домашних хозяйств, %

	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
Алтайский край	33,3	44,3	39,8	33,6	31,7	33,0	35,5
Сибирский федеральный округ	-	-	46,9	33,1	33,8	34,4	34,0
Российская Федерация	35,5	52,0	49,4	36,1	32,9	35,4	35,3

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 15.12.2022).

Динамика потребления продуктов питания жителей края в 2010-х гг. впервые настолько ярко отражает противоречивое влияние разнонаправленных процессов: с одной стороны, некоторое падение реальных доходов, вызванное турбулентностью развития экономики в этот период [18], а с другой — растущим интересом населения к ведению здорового образа жизни, потреблению полезных продуктов питания, в отдельных группах населения даже перевешивающим по своему влиянию первый фактор. В большей степени именно в силу влияния «моды на полезное питание», нежели из-за снижения уровня реальных доходов, до минимума сократилось за рассматриваемые три десятилетия потребление картофеля как крахмало-содержащего продукта (до 90 кг на душу в 2020 г.), молокопродуктов (до 258 кг) прежде всего за счет масла сливочного и других калорийных видов данной продуктовой группы.

В 2020 г. жители Алтайского края в сравнении с жителями всех регионов Сибирского федерального округа и россиянами в целом потребляли в расчете на душу существенно больше молока и молочных продуктов, яиц и особенно хлебных продуктов (в последнем случае на 24,2 и 28,4 п. п. соответственно) — таблица 3. В то же время край отличался заметным отставанием от Сибири и России по душевому потреблению мясопродуктов (на 12,3 и 15,8 п. п.) и в большей степени — овощей и бахчевых (на 13 и 25,2 п. п.).

Насколько сложившийся в настоящее время уровень потребления продуктов питания жителями края соответствует нормативному? В 2020 г. лишь по потреблению картофеля, масла растительного и яиц Алтайский край соответствовал или несколько превосходил (без ущерба для здоровья людей) рекомендуемые нормы Министерства здравоохранения Российской Федерации (табл. 4).

Таблица 3

Потребление продуктов питания населением Алтайского края в сравнении со средним уровнем по регионам Сибирского федерального округа и России в 2020 г., кг на душу населения

Наименование основных групп продуктов питания	Алтайский край	Сибирский федеральный округ	Россия	Алтайский край, % к среднему уровню по:	
				Сибирскому федеральному округу	России
Картофель	90	92	86	97,8	104,7
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	80	92	107	87,0	74,8
Мясо и мясопродукты	64	73	76	87,7	84,2
Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко	258	240	240	107,5	107,5
Яйца, шт	315	274	283	115,0	111,3
Сахар	38	34	39	111,8	97,4
Масло растительное	12,8	11,8	13,9	108,5	92,1
Хлебные продукты	149	120	116	124,2	128,4

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 260–267. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 15.12.2022)

Таблица 4

Потребление продуктов питания населением Алтайского края и России в 2020 г. в сравнении с рациональными нормами потребления Минздрава РФ, кг на душу населения

Наименование основных групп продуктов питания	Нормы Минздрава	Потребление, % к нормам Минздрава:		
		Алтайский край	Сибирский федеральный округ	Россия
Картофель	90	100,0	102,2	95,6
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	140	57,1	65,7	76,4
Мясо и мясопродукты	73	87,6	100,0	104,1
Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко	325	79,4	73,8	73,8
Яйца, шт.	260	121,2	105,4	108,8
Сахар	24	158,3	141,7	162,5
Масло растительное	12	106,7	98,3	115,8
Хлебные продукты	96	155,2	125,0	120,8

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Р32. Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 260–267. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (время обращения: 15.12.2022); 2. Приказ Минздрава России от 19.08.2016 № 614 «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71385784> (дата обращения: 15.12.2022).

По мясопродуктам и молокопродуктам норматив не выполнен более чем на 12 и 20%, а по овощам и бахчевым — почти на 43%. Полуторакратное перевыполнение норм по потреблению хлебопродуктов и прежде всего сахара также не говорит о рациональном потреблении жителей края. Для сравнения: в Сибири и России наблюдаются близкие по размерам отклонения от норм потребления продуктов питания, но несколько меньше отставание от рекомендуемого уровня потребления овощей

и бахчевых (66 и 76%), а потребление хлебопродуктов не имеет столь чрезмерных масштабов.

Удельные затраты на покупку продуктов питания в потребительских расходах домашних хозяйств края сокращались в первые годы десятилетия, до 2013 г. включительно — 31,3%, что соответствует среднему уровню по России (31,2%) — таблица 2. Затем с некоторыми колебаниями они выросли до 35,5% в 2020 г. (35,3% в России). В европейских странах в 2019 г. на продукты питания приходилось,

по данным агентства РИА Рейтинг, от 8,4% в Люксембурге до 50% в Украине (30,2% в России) [17]. Однако для адекватного межстранового и межрегионального сравнения, по нашему мнению, необходимо учитывать также и структуру цен на жилье и коммунальные услуги, доступность бесплатных медицинских и других социальных услуг.

В целом за последние три десятилетия, несмотря на значительные колебания в отдельные периоды времени, произошли заметные сдвиги в уровне потребления населением Алтайского края отдельных продуктов питания (табл. 1). В 2020 г. в сравнении с 1990 г. жители края стали потреблять на 38,3% меньше молочных продуктов, на 29,1% — картофеля, на 24,5% — сахара, 17,4% — овощей и бахчевых, на 9,7% — мяса и мясопродуктов, но на 29,1% больше растительного масла, на 3,9% — яиц, на 3,4% — хлебопродуктов. В позитивном направлении с позиции выполнения рекомендуемых норм Минздрава России менялись показатели потребления картофеля, сахара и растительного масла. Сокращение же потребления овощей и бахчевых, молоко- и мясопродуктов остается негативным трендом, не способствующим достижению установленных нормативов.

Вместе с тем затраты на продукты питания в структуре потребительских расходов домашних хозяйств в Алтайском крае, как и в России в целом, за три последних десятилетия практически не изменились. По краю они даже выросли на 2,2 п. п., составив в 2020 г. величину, в два с лишним раза превышающую уровень, соответствующий, по оценкам экспертов, нормативам высокого уровня жизни (15%) [16].

Влияние экономических кризисов на изменение уровня потребления продуктов питания. Сдвиги в потреблении продуктов питания жителей Алтайского края под воздействием четырех рассматриваемых периодов кризисного развития в наиболее явном виде проявились в период финансово-экономического кризиса 1998–1999 гг. в сравнении с 1996–1997 гг.: меньше стали потреблять молочные продукты, картофель, овощи и бахчевые (на 9,9, 5,7 и 2,5 п. п. соответственно) и более чем на четверть (на 21,7 п. п.) сократилось потребление мясопродуктов (табл. 5). Незначительный рост наблюдался лишь по потреблению более дешевых на тот момент хлебопродуктов и масла растительного (на 3,1 и 1,6 п. п.).

Таблица 5

Потребление населением Алтайского края продуктов питания в предкризисные (1996–1997, 2006–2007, 2012–2013, 2018–2019 гг.) и кризисные периоды развития экономики (1998–1999, 2008–2009, 2014–2016, 2020 гг.), кг на душу населения

Наименование основных групп продуктов питания	1996–1997	1998–1999	2006–2007	2008–2009	2012–2013	2014–2016	2018–2019 —	2020
Картофель	183,5	173	169	140,5	145	144	97	90
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	79	77	101	95,5	102,5	102	80,5	80
Мясо и мясопродукты	53	41,5	58	62,5	73,5	70,7	63,5	64
Молоко и молочные продукты	297	267,5	326,5	328	335	330	255,5	258
Яйца и яйцепродукты, шт.	236,5	235	297	299	335	336,3	317,7	315
Сахар	31	31	41,5	39	38,5	37,7	38	38
Масло растительное	6,5	6,7	11,5	11,5	13,7	13,9	13,6	12,8
Хлебные продукты	155	157,5	176,5	167	166,5	161	154	149

Рассчитано по: 1. Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 15.12.2022).

Влияние глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. было уже не столь значительным, что подтверждено результатами исследования динамики показателей доходов, бедности и неравенства жителей региона [18]. В этот период в сравнении с 2006–2007 гг. также снизилось потребление картофеля, овощей и бахчевых (на 16,9 и 5,4 п. п.) — см. таблицу 5. К этому снижению присоединилось потребление хлебопродуктов и сахара (на 5,4 и 6,0 п. п.). Но в то же время жители края стали больше потреблять белковосодержащие про-

дукты — мясопродукты, яйца и молокопродукты (на 7,8, 6,0 и 0,5 п. п.). Причем структурные сдвиги в потреблении продуктов питания в этот кризисный период уже почти в целом (за исключением сокращения по овощам и бахчевым) соответствовали позитивным трендам в направлении достижения рекомендованных норм.

Еще в меньшей степени заметно влияние кризисных 2014–2016 гг. Оно отразилось лишь на небольшом сокращении потребления мясных, молочных и хлебных продуктов (на 3,8, 1,5 и 3,6 п. п.

соответственно, в сравнении с 2012–2013 гг.), хотя лишь в последнем случае это соответствовало движению в пользу нормативного потребления (табл. 5). В период пандемии 2020 г. жители края стали несколько меньше потреблять картофель, растительное масло, яйца, и хлебопродукты (в сравнении с предшествующими 2018–2019 гг. на 7,2, 5,9, 3,2 и 0,8 п. п. соответственно) и, напротив, — чуть больше молочных продуктов (на 1,0 п. п.), что целиком соответствует позитивным векторам достижения нормативов и, как следствие, нивелирует негативное влияние самого кризиса.

Небольшой и уменьшающийся рост расходов на продукты питания в структуре потребительских расходов домашних хозяйств Алтайского края в сравнении с докризисными годами также подтверждает ослабление силы влияния экономических кризисов.

Заключение. Итак, анализ динамики потребления населением Алтайского края продуктов питания и сдвигов в расходах на питание в структуре потребительских расходов за последние три десятилетия показал следующее.

Во-первых, произошли значительные сдвиги в уровне потребления жителями края продуктов питания (в первую очередь молочных продуктов, картофеля, растительного масла и сахара). Причем в целом за рассматриваемый период направленность таких сдвигов по половине продуктовых групп (овощи и все группы белковосодержащих) имела негативный характер в сторону, противоположную от достижения нормативов.

В результате в настоящее время потребление продуктов питания жителями края находится на уровне, далеком от оптимального, что отражает, с одной стороны, сложившиеся традиции потребления (в частности, более высокий уровень потребления хлебных продуктов и картофеля), но, с другой — отражает сравнительно низкий уровень жизни, о чем свидетельствуют как более значимые отклонения от нормативов потребления в сравнении со всеми сибиряками и россиянами, так и ста-

бильно высокая доля затрат на питание в структуре потребительских расходов домашних хозяйств.

Во-вторых, динамика потребления продуктов питания в Алтайском крае не являлась устойчивой и однонаправленной, наблюдались значительные колебания в отдельные периоды. Наиболее значительные перепады приходятся на 1990-е гг., где можно наблюдать как максимальные, так и минимальные величины потребления отдельных продуктовых групп за все три десятилетия при безусловном преобладании негативных трендов. После роста потребления почти всех продуктовых групп (за исключением картофеля) в «нулевые» годы, включая и те продукты, потребление которых значительно превысило нормативный уровень, следующие десять лет отличались сохранением трендов по сокращению потребления крахмалосодержащих продуктов и высококалорийных молочных продуктов, что свидетельствует как о повышении реальных доходов и сокращения бедности, так и нарастающем интересе жителей края к ведению здорового образа жизни.

В-третьих, установлено, что сила влияния экономических кризисов на уровень потребления продуктов питания населением Алтайского края заметно сокращается. Причем в последние три рассматриваемых кризиса, с конца 2000-х гг., сдвиги в их потреблении носят все в большей мере позитивный характер — в направлении достижения нормативных показателей. Нивелирование влияния кризисов объясняется не только установленным сокращением их воздействия на покупательную способность доходов населения [18], но и нарастанием значимости факторов иного, часто противоположного воздействия на потребление продуктов питания, в том числе социальной поддержки населения и других государственных адаптационных регуляторов. Учет силы влияния государственных регуляторов, интереса к здоровому питанию и других факторов на потребление продуктов питания в агропромышленных регионах, безусловно, заслуживает отдельного, более глубокого исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Айзинова И. М. Проблемы продовольственной безопасности в сфере потребления: региональный аспект // Проблемы прогнозирования. 2015. № 6 (153). С. 124–135.
2. Зарецкая А. С. Статистическая оценка обеспеченности населения региона продуктами питания в системе продовольственной безопасности страны // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 82. С. 91–95.
3. Кондратьева Н. Н., Мансуров А. П. Продовольственное обеспечение региона: проблемы, тенденции // Вестник НГИЭИ. 2017. № 8 (75). С. 89–96.
4. Пожидаева Е. С. Экономико-статистический анализ уровня потребления основных продуктов питания в условиях ограничений внешней торговли // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16. Вып. 1. С. 116–127.

5. Смотров Л. Ф. Отдельные аспекты потребления продовольствия населением Сибирского федерального округа // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. № 4 (26). С. 180–186. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2016.26.180.
6. Филиппов Р. В. К исследованию продовольственной безопасности сибирских регионов // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 10 (81). С. 407–415.
7. Храмцова Т. Г., Храмцова О. О. Анализ потребления населением продуктов питания в контексте обеспечения продовольственной безопасности // Вестник НГУЭУ. 2017. № 3. С. 249–257.
8. Ярыгина Л. В. Статистический анализ потребления продуктов питания населением России // Социальные и экономические системы. 2019. № 6 (12). С. 123–136.
9. Ларин Д. А. Проблемы и перспективы развития сельского хозяйства Алтайского края // Актуальные вопросы функционирования экономики Алтайского края. 2016. Т. 8. С. 32–42.
10. Шевчук Н. А., Кудинова М. Г. Оценка уровня жизни населения Алтайского края на основе анализа реальной потребительской корзины и источников ее формирования // Экономика Профессия Бизнес. 2022. № 2. С. 131–141.
11. Манахова И. В. Экономическая теория потребления: концепции, модели, прогнозы. М., 2018. 224 с.
12. Трентманн Ф. Эволюция потребления. Как спрос формирует предложение с XV века до наших дней. М., 2019. 560 с.
13. Кремнева В. Н., Солодовник Е. М. Современное правильное питание — модный тренд или польза // E-Scio. 2020. № 1 (40). С. 221–226.
14. Минина В. Н., Иванова М. С., Ганскау Е. Ю. Здоровое питание в контексте повседневной жизни россиян // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 4. С. 182–202. DOI: 10.31119/jssa.2018.21.4.8.
15. Shagaida N. I., Trotsuk I. V. Russia's food security under the crisis of 2020–2021: Objective and subjective dimensions // Russian Peasant Studies. 2022. Vol. 7. No. 2. Pp. 93–121. DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-2-93-121.
16. Неравенство в потреблении домохозяйств стран ЕС. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Март 2020. № 54. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. С. 7–8.
17. Расходы семей на еду в странах Европы — рейтинг 2019. РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20191217/630147021.html> (дата обращения: 15.12.2022).
18. Сергиенко А. М. Доходы населения агропромышленного региона в периоды экономических кризисов // Экономика устойчивого развития. 2019. № 4 (40). С. 239–246.

REFERENCES

1. Aizinova I. M. Problems of food security in the sphere of consumption: a regional aspect // Problems of forecasting. 2015. No. 6 (153). Pp. 124–135.
2. Zaretskaya A. S. Statistical assessment of the provision of the region's population with food in the country's food security system // Bulletin of the Novgorod State University. 2014. No. 82. Pp. 91–95.
3. Kondratieva N. N., Mansurov A. P. Food supply of the region: problems, trends // Vestnik NGIEI. 2017. No. 8 (75). Pp. 89–96.
4. Pozhidaeva E. S. Economic and statistical analysis of the level of consumption of basic foodstuffs in conditions of restrictions on foreign trade // Economic analysis: theory and practice. 2017. Vol. 16. Issue 1. Pp. 116–127.
5. Smotrova L. F. Certain aspects of food consumption by the population of the Siberian Federal District // Science of Man: Humanitarian studies. 2016. No. 4 (26). Pp. 180–186. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2016.26.180.
6. Filippov R. V. To the study of food security of Siberian regions // Bulletin of Irkutsk State Technical University. 2013. No. 10 (81). Pp. 407–415.
7. Khramtsova T. G., Khramtsova O. O. Analysis of food consumption by the population in the context of food security // Bulletin of NGUEU. 2017. No. 3. Pp. 249–257.
8. Yarygina L. V. Statistical analysis of food consumption by the population of Russia // Social and economic systems. 2019. No. 6 (12). Pp. 123–136.
9. Larin D. A. Problems and prospects of agricultural development of the Altai Territory // Actual issues of functioning of the economy of the Altai Territory. 2016. Vol. 8. Pp. 32–42.

-
10. Shevchuk N. A., Kudinova M. G. Assessment of the standard of living of the population of the Altai Territory based on the analysis of the real consumer basket and sources of its formation // *Economics Profession Business*. 2022. No. 2. Pp. 131–141.
  11. Manakhova I. V. *Economic theory of consumption: concepts, models, forecasts*. Moscow, 2018. 224 p.
  12. Trentmann F. *The evolution of consumption. How demand forms supply from the XV century to the present day*. Moscow, 2019. 560 p.
  13. Kremneva V. N., Solodovnik E. M. Modern proper nutrition — a fashionable trend or benefit // *E-Scio*. 2020. № 1 (40). Pp. 221–226.
  14. Minina V. N., Ivanova M. S., Ganskau E. Y. Healthy nutrition in the context of everyday life of Russians // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2018. Vol. 21. No. 4. Pp. 182–202. DOI 10.31119/jssa. 2018.21.4.8.
  15. Shagaida N. I., Trotsuk I. V. Russia's food security under the crisis of 2020–2021: Objective and subjective dimensions // *Russian Peasant Studies*. 2022. Vol. 7. No. 2. Pp. 93–121. DOI: 10.22394/2500–1809–2022–7–2–93–121.
  16. Inequality in household consumption in EU countries. *Bulletin on current trends in the global economy*. March 2020. No. 54. Analytical Center under the Government of the Russian Federation. Pp. 7–8.
  17. Family spending on food in Europe — rating 2019. RIA Rating rating. URL: <https://riarating.ru/infografika/20191217/630147021.html> (date of access: 15.12.2022).
  18. Sergienko A. M. Incomes of the population of the agro-industrial region during periods of economic crises // *Economics of sustainable development*. 2019. No. 4 (40). Pp. 239–246.

Поступила в редакцию: 19.12.2022.

Принята к печати: 11.01.2023.

УДК 332.1 (571.1/5)
DOI 10.14258/epb202311

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ¹

А. Я. Троцкий, Л. В. Родионова

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

В статье рассмотрены подходы к анализу торгово-экономических связей Алтайского края с регионами России. Охарактеризованы особенности методики, в числе которых: рассмотрение Алтайского края одновременно как поставщика товаров на рынки других регионов и как потребителя их продукции; приоритет в изучении торгово-экономических связей Алтайского края с регионами СФО по сравнению с другими регионами России; сравнительный анализ масштаба и характера межрегиональной торговли края с регионами СФО и прочими регионами России; анализ роли и места в товарообмене с Алтайским краем как регионов СФО в совокупности, так и каждого из регионов, входящих в состав округа и др.

Центральное место в статье занимает методика оценки межрегиональной торговли по трем ее ключевым параметрам: масштабу, характеру и значимости. Раскрыто содержание каждого из параметров межрегиональной торговли, проведена их операционализация.

Особое внимание уделено в статье ограничениям исследования, которые необходимо учесть при формировании методики анализа межрегиональных связей.

В качестве лимитирующих факторов исследования рассмотрены нестабильность торгово-экономических связей и ограничения со стороны информационной базы. В числе последних названы неполнота статистической информации, ограниченная наблюдаемая номенклатура продукции, невключенность в наблюдение переменной продукции между подразделениями одного юридического лица и др.

Сделан вывод о невозможности в силу различий в методике сопоставимой оценки межрегиональных торгово-экономических связей на протяжении длительного периода. Обоснованы и выделены периоды, различающиеся полнотой информационного обеспечения и позволяющие оценить в первом приближении сдвиги в межрегиональной торговле.

Ключевые слова: межрегиональная торговля, торгово-экономические связи, лимитирующие факторы, ограничения информационной базы.

METHODOLOGICAL APPROACH TO ANALYZING INTERREGIONAL TRADE AND ECONOMIC RELATIONS: THE CASE OF THE ALTAI TERRITORY

A. Ya. Trotskovsky, L. V. Rodionova

Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS (Novosibirsk, Russia)

The article examines the methodology used to analyze the trade and economic relations between the Altai Territory and other regions of Russia. The methodology is characterized by several key features, including viewing the Altai Territory as both a supplier and consumer of goods, prioritizing the study of trade and economic relations with the regions of the Siberian Federal District, and conducting comparative analyses of interregional trade with other regions of Russia. The article also delves into the three main parameters of interregional trade: scale, nature, and significance, explaining each and how to operationalize them. However, the study has its limitations, such as the instability of trade and economic relations and limitations in the information base, such as incomplete statistical data and a limited range of observed products. The article suggests using different periods of analysis

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири», № 121040100279–5.

to account for differences in the methodology and the completeness of information. Overall, the article provides insight into the methodology used to analyze interregional trade and economic relations, including its limitations and potential solutions.

Keywords: interregional trade, trade and economic relations, limiting factors, limitations of the information base.

Постановка проблемы. Представленные в настоящей статье методические и содержательные результаты представляют собой фрагмент гораздо более масштабного исследования, ориентированного на анализ и осмысление межрегиональных связей регионов Сибири как механизмов ее интеграции¹.

Связанность экономического пространства макрорегионов, в частности, Сибири, обеспечивается различными механизмами, среди которых межрегиональные торгово-экономические связи занимают по праву центральное место.

Данный тезис подтверждается результатами опроса, проведенного сотрудниками Института социально-экономического развития территорий РАН. Согласно этим исследованиям межрегиональные торгово-экономические связи выполняют роль ключевого скрепа, обеспечивающего единство и целостность экономического пространства страны, ее территориальных округов.

По данным исследования, свыше 90% опрошенных руководителей крупных и средних предприятий Вологодской области указали на связь их предприятий с предприятиями других регионов, в том числе в части продажи продукции (порядка 80% опрошенных), продажи и покупки сырья (соответственно, 61% и 21% опрошенных). Масштаб других форм межрегионального сотрудничества заметно меньше: на производственную кооперацию указал каждый пятый опрошенный, технологическое и инвестиционное сотрудничество — соответственно, 14 и 12%, на связи, реализуемые через трудовую миграцию, — 9% опрошенных руководителей предприятий [10, с. 44].

Как обстоит ситуация в части торговых связей Алтайского края с регионами СФО и России? Какие долгосрочные тенденции характерны для динамики изменений масштаба и характера межрегиональной торговли? Какое влияние оказывает на межрегиональную торговлю края специфика этапа экономического развития страны? И, нако-

нец, главный вопрос: о чем свидетельствует динамика товарообмена Алтайского края с регионами СФО: усилении интеграции, формировании единого интеграционного пространства СФО, либо, напротив, о фрагментации, растущей обособленности края, его ориентации на торговые связи с другими регионами России.

Межрегиональная торговля — сложное, многогранное явление. Его можно изучать с позиции формирования товарных рынков в субъектах Российской Федерации, в частности, проблем насыщения потребительского рынка и рынка товаров производственно-технического назначения. Можно поставить перед собой и другие, более частные задачи, такие как, например, оценка динамики конъюнктуры отдельных товаров либо групп товаров и т. д.

Исходя из направленности исследования, в центре нашей работы — региональные аспекты товарообмена. Мы не ставим перед собой задачу выявить всю совокупность факторов, предопределяющих динамику ввоза и вывоза в разрезе регионов, в силу изменений на региональных рынках товаров (конъюнктура, емкость рынка, источники его формирования), ситуации на предприятиях-потребителях и поставщиках передаваемых ресурсов, условия торговли в целом и т. д.

Наша задача гораздо скромнее, хотя и не менее трудоемкая как в части сбора информации, так и интерпретации полученных результатов, — рассмотреть межрегиональную торговлю в качестве ключевой формы, своеобразного механизма формирования межрегионального интеграционного пространства и попытаться выявить ее влияние на сдвиги в социально-экономическом развитии региона.

Методика оценки межрегиональной торговли: основные параметры и их операционализация. Изложенные выше задачи исследования обусловили специфику авторского подхода к анализу межрегиональных торгово-экономических связей.

¹ В настоящей статье ключевое внимание уделено методике анализа торгово-экономических межрегиональных связей. Ее выходу в свет предшествовал ряд публикаций, раскрывающих различные аспекты рассматриваемой темы, в частности, общая постановка проблемы [1], характеристика степени ее изученности [2], понятия и подходы к исследованию интеграции социально-экономических систем [3], анализ миграции населения как механизма формирования интегрированного экономического пространства [4]. В этих публикациях, в частности, сделан обзор работ, посвященных анализу межрегиональных торгово-экономических связей [5–9]. Пользуясь случаем, авторы выражают свою благодарность редакции журнала «Экономика Профессия Бизнес» и ее главному редактору д. э. н. Вит. В. Мищенко за информационное сопровождение исследования.

В качестве основных черт отметим следующие моменты:

- рассмотрение Алтайского края одновременно как поставщика товаров на рынки других регионов и как потребителя их продукции;
- приоритет в изучении торгово-экономических связей Алтайского края с регионами СФО по сравнению с другими регионами России;
- сравнительный анализ масштаба и характера межрегиональной торговли края с регионами СФО и прочими регионами России;
- анализ роли и места в товарообмене с Алтайским краем как регионов СФО в совокупности, так и каждого из регионов, входящих в состав округа;
- оценка влияния этапа экономического развития страны и края на состояние и тенденции развития межрегиональной торговли в регионе.

Центральный вопрос методики — каким образом оценить межрегиональную торговлю? Что при этом рассматривать в качестве ее ключевых параметров и каким образом произвести их операционализацию?

В настоящем исследовании оценка межрегиональной торговли проводится по трем ее ключевым параметрам: масштабу, характеру и значимости. Раскроем их содержание подробнее.

Под *масштабами межрегиональной торговли* традиционно понимается объем ее товарооборота как в целом, так и в разрезе ввоза и вывоза товаров, а также применительно к отдельным видам продукции. Масштаб торговли, как известно, измеряется как в стоимостных, так и в натуральных показателях.

Заметим, что каждый из подходов к оценке масштабов торговых связей имеет свои плюсы и минусы. Оценка межрегиональной торговли в натуральных показателях позволяет корректно отследить роль того или иного вида товара в насыщении региональных рынков, но в малой степени способствует выработке обобщающих выводов о состоянии межрегиональной торговли в целом.

Стоимостная же оценка межрегионального обмена в действующих ценах (период 2001–2016 гг.) позволяет с достаточной точностью определить макроструктурные пропорции, но тенденцию изменения масштабов торговли отражает лишь примерно. Использование же индексов-дефляторов, рассчи-

тываемых в целом для промышленности в целях анализа роста (снижения) объемов ограниченного круга товаров, попавших под наблюдение, заметно огрубляет картину².

Второй параметр, характеризующий региональную торговлю — это ее характер. Характер межрегиональной торговли в данном конкретном случае отражает ее «строение» и описывается с помощью двух макроструктур. Первая из них — товарная структура, показывающая соотношение объемов основных видов продукции (потребительских товаров и продукции производственно-технического назначения) как в товарообороте в целом, так и во ввозе, и вывозе товаров. Вторая макроструктура характеризует товарообмен края с позиции соотношения «ввоз-вывоз» товаров и раскрывает на данный момент доминирующее в межрегиональной торговле направление товарных потоков.

Наконец, третий параметр — значимость межрегиональной торговли. Как известно, каждый из регионов России выполняет в межрегиональной торговле одновременно две функции: производителя и поставщика своей продукции на рынки других регионов, а также покупателя и потребителя продукции, произведенной в других регионах. Исходя из этого, значимость межрегиональной торговли может быть оценена с позиций региона-потребителя, ввозящего продукцию, и региона-поставщика, вывозящего продукцию.

К примеру, значимость межрегиональной торговли при ввозе продукции оценивается с помощью двух показателей: 1) доли региона-поставщика во ввозе в регион-потребитель определенного вида продукции; 2) доли определенного товара в общем объеме ввоза из региона-поставщика в регион-потребитель; при вывозе продукции — доли региона-потребителя в общем объеме вывоза продукции, в том числе по определенным товарным группам.

Ограничения анализа межрегиональных торгово-экономических связей. Принципиально важным для обоснования методики анализа является понимание того, какие ограничения возможны на пути исследования, какой отпечаток накладывают они на сужение «исследовательского поля» и достоверность сделанных выводов. В качестве таких ограничений рассмотрим далее, во-первых, нестабильность торгово-экономических связей и, во-вторых, ограничения со стороны информационной базы.

Нестабильность торгово-экономических отношений между регионами России как лимитиру-

² В исследовании для оценки объемов вывоза товаров из Алтайского края в сопоставимых ценах использовался индекс-дефлятор обрабатывающей промышленности в силу того, что электроэнергия из края не вывозится. Тем не менее расчетные объемы вывоза товаров из края в сопоставимых ценах рассматриваются нами в дальнейшем как оценочные. Что же касается ввоза товаров в край из регионов России, то корректная оценка динамики его объемов в сопоставимых ценах представляет собой исключительную сложность.

ющий фактор исследования. Исследование межрегиональной торговли существенно осложняется высокой ее изменчивостью как обширной сферы экономической деятельности населения и основной формы межрегиональных взаимодействий. По-видимому, это является одной из причин специфики информационной базы, не «заточенной» на мониторинг тенденций долговременного развития товарных рынков, а на ее ежегодную оценку.

В самом деле, трудно отыскать аналогичные примеры в других сферах экономической деятельности, где бы динамизм рыночной экономики проявлялся столь явно. Высокая мобильность межрегиональных товарных рынков касается всех агентов и сторон их функционирования: потребителей и поставщиков продукции, номенклатуры поставляемой продукции и ее объемов, макроструктуры региональной торговли¹, направления торговых потоков, состава и доли регионов во ввозе и вывозе продукции и т. д. В этом, на первый взгляд, изменчивость и непостоянство процессов функционирования систем региональных товарных рынков внешне напоминает «броуновское движение» частиц, искать в котором какие-либо устойчивые тенденции бессмысленно.

Однако при более пристальном и глубоком взгляде на межрегиональную торговлю Алтайского края обнаруживаются если не закономерности, то достаточно устойчивые во времени тенденции ее развития и характерные черты регионального товарообмена края.

В их числе:

- примат в силу географической близости в насыщении товарных рынков края, а также в потреблении товаров и продукции, поставляемых на межрегиональный рынок Алтайским краем, предприятий регионов СФО;
- достаточно четко очерченный и постоянный в своей основе круг продукции (в силу сложившейся специализации), преобладающий во ввозе и вывозе каждого из регионов России, в том числе Алтайского края;
- как правило, крупные поставки продовольственных товаров и товаров производственно-технического назначения с одной территории;
- сложившаяся многолетняя тенденция структуры торговых потоков Алтайского края (превышение объемов ввоза товаров над вывозом);

- существенная доминанта в товарной структуре вывоза товаров из Алтайского края продовольствия, а в структуре ввоза — товаров производственно-технического назначения и непродовольственных потребительских товаров;
- широкая и возрастающая география поставок алтайской продукции;
- значительный (в несколько и более раз) рост поставок в другие регионы отдельных видов продовольствия и т. д.

На их выявление, количественную оценку, анализ обуславливающих процессы межрегионального товарообмена факторов («катализаторов» и «ингибиторов») будет направлено дальнейшее исследование.

Информационная база исследования: возможности и ограничения. Такой базой изучения межрегиональной торговли является статистическая отчетность предприятий по форме № 1 — вывоз «Сведения о вывозе продукции (товаров)», данные Федеральной службы государственной статистики, а также территориальных органов статистики республик, краев, областей Сибирского федерального округа. В частности, детализированная информация об объемах продажи (вывоза), ввоза и продажи потребителям края продукции в разрезе регионов и ее видов взята из бюллетеня Алтайкрайстата «Ввоз и вывоз потребительских товаров и продукции производственно-технического назначения» за соответствующий год.

Следует изначально оговориться, что ряд выводов исследования в силу ряда ограничений, связанных с особенностями организации статистического наблюдения за межрегиональной торговлей, не отражает в полной мере реальную действительность и должны интерпретироваться как результаты, полученные «в первом приближении».

Укажем на наиболее важные из них. Во-первых, оценка межрегионального товарооборота проводится в условиях неполной статистической информации. Нет достаточной информации для определения объема регионального рынка по виду товара в натуральном и стоимостном выражении. В частности, отсутствуют статистические данные о продаже населению товаров в натуральном выражении, о запасах в торговле по полному кругу организаций, о продаже продукции предприятиям-потребителям, о потреблении и запасах продукции у предприятий и индивидуальных предпринимателей.

Во-вторых, наблюдение за межрегиональной торговлей проводится на крупных, средних и ма-

¹ Под макроструктурой региональной торговли здесь понимается соотношение во ввозе (вывозе) продукции производственно-технического назначения, непродовольственных и продовольственных товаров.

лых предприятиях² по установленной Росстатом ограниченной номенклатуре продукции, в силу чего динамика объема ввоза по полному кругу продукции может не совпадать с оценкой по наблюдаемой номенклатуре, не охватывающей все ее виды.

В-третьих, в межрегиональном товарообмене — и это крайне важно — не нашла отражение сельскохозяйственная продукция из-за отсутствия обобщающих стоимостных показателей по ней³.

В-четвертых, не включено в наблюдение перемещение продукции между подразделениями одного юридического лица, в том числе расположенными в разных регионах России. При этом филиалы, расположенные на других территориях, также не отражают отгрузку этой продукции⁴.

В-пятых, не учитывается вывоз продукции, произведенной в другом регионе, а в объеме ввоза, наоборот, учитывается продукция, не предназначенная для использования в регионе⁵.

С точки зрения нашего исследования наиболее интересен анализ межрегиональных торгово-экономических связей в динамике, в достаточно большой ретроспективе. Вместе с тем на этом пути — наибольшие трудности обусловлены обеспечением сопоставимости и корректной интерпретацией происходящих изменений межрегионального рынка в силу непостоянства методики статистического наблюдения.

С 2017 г., к примеру, не производится стоимостная оценка товарооборота. Данные по ввозу (вывозу) товарной продукции приводятся в натуральном выражении, что исключает возможность обобщенной (стоимостной) оценки товарооборота, сравнения его объемов с прошлыми периодами⁶.

Заметно затрудняет анализ и постоянный пересмотр номенклатуры наблюдаемых видов продукции. Такие изменения в методологии статистиче-

ского наблюдения за межрегиональной торговлей происходили за последние годы трижды — в 2009, 2010 и 2012 гг.

Отметим еще один «барьер» на пути анализа глубокой ретроспективы: до 2010 г. в структуре ввоза и вывоза товарной продукции выделялась продукция производственно-технического назначения и потребительские товары. С 2010 г. по настоящее время вместо потребительских товаров, включающих непродовольственные потребительские товары, введена категория «пищевые продукты и табак».

Наконец, существенно сужает возможности анализа межрегиональных торговых связей «закрытая» (в силу конфиденциальности) информация по вывозу из края ряда важнейших товаров — кокса, шин, сахара, цемента, станков металлорежущих, машин кузнечно-прессовых, минеральных удобрений, машин для коммунального хозяйства, машин для строительства и содержания дорог, кабелей силовых и др. (информация за 2018 г.).

Вместо заключения. Названные выше ограничения (их список можно было бы продолжить) заметно сокращают возможности исследования и достоверность полученных выводов. Очевидно, все они — следствие того, что существующая статистика изначально не была сориентирована на решение поставленных нами исследовательских задач. Она в определенных пределах позволяет решать другие задачи: во-первых, определить значимость для края, его предприятий рынков сбыта своей продукции в регионах России; во-вторых, оценить широту географии и масштаб поставок алтайской продукции на рынки регионов России; в-третьих, оценить степень конкуренции на отдельных товарных рынках края.

В целом, с точки зрения полноты информационного обеспечения, а значит, и достоверности выводов, можно выделить три периода:

² В обследовании не учитывались микропредприятия и индивидуальные предприниматели, производящие продукцию. В начале 2000-х гг. не учитывались также малые оптово-посреднические организации, несмотря на их заметную роль во ввозе-вывозе продукции. Отсутствие информации по ним не позволяло в полном объеме выявить территориальную структуру ввоза и вывоза.

³ Объемы сельхозпродукции (зерно, картофель, овощи и бахчевые культуры, яйца и яйцопродукты) в натуральном измерении учитываются статистикой в балансах сельхозпродукции. Имеющаяся в нашем распоряжении информация (по данным балансов сельскохозяйственной продукции) позволяет дать примерную оценку объемов ввоза и вывоза основных видов сельскохозяйственной продукции. Так, доля ввоза, включая импорт, в общем объеме ресурсов зерна — порядка 1,5%, овощей и бахчевых — 14,0%, яиц и яйцопродуктов — 1,0%. Доля вывоза, включая экспорт: зерна — 8%, картофеля — 1%, овощей и бахчевых — 1,5%, яиц и яйцопродуктов — 12% общего объема соответствующих ресурсов.

⁴ В связи со сказанным возможны существенные искажения реальной ситуации. Так, по данным Алтайкрайстата, в силу того, что один из крупнейших производителей сыра в крае — Рубцовский филиал АО «Вимм-Билль-Данн» не показывает в отчетности отгрузку своей продукции в другие филиалы фирмы, расположенные за пределами края, объемы вывоза сыра из края занижаются примерно в два раза. Возможно, подобной спецификой отчетности компаний объясняются и заниженные объемы ввоза в край непродовольственных потребительских товаров.

⁵ В качестве таких товаров укажем уголь, сахар, серу и др. Их список варьируется по годам.

⁶ Вместе с тем совокупная высокая доля охваченных наблюдением предприятий пищевой промышленности, а также выпускаемых ими видов продукции позволяет говорить о корректном отражении в статистическом исследовании ситуации на рынке Алтайского края.

- первый период (1990–2000 гг.), характеризующийся сравнительно большим набором наблюдаемых товаров. Однако стоимостная оценка товарных потоков отсутствовала, что затрудняет обобщение выводов о масштабах и характере торгового обмена края с регионами СФО и России;
- второй период (2001–2016 гг.) — наиболее информационно насыщенный. Рост числа видов продукции, охваченной статистическим наблюдением, дополнялся появлением в статистике стоимостной оценки объемов ввоза и вывоза товаров в фактических ценах;
- наконец, третий период (2017–2020 гг.) — наименее информационно обеспеченный. Сокращение в этом периоде видов продукции, попавшей под наблюдение, сочеталось с отсутствием стоимостной оценки межрегиональных товарообменных процессов и закрытием информации по ряду товаров. Как показало сравнение выборочной совокупности товаров производственно-технического назначения в 2001 и 2018 гг., их общее количество сократилось без малого в два раза, что заметно сузило возможности оценки состояния динамики межрегиональных связей Алтайского края с регионами России и, в частности, Сибирского федерального округа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Троцковский А. Я., Сергиенко А. М., Родионова Л. В., Перекаренкова Ю. А., Сундеева М. А. Исследование территориально-отраслевой структуры экономики России в контексте межрегиональной интеграции: к постановке проблемы // Экономика Профессия Бизнес. 2021. № 1. С. 108–116. DOI: 10.14258/epb202113.
2. Троцковский А. Я. Пространственные исследования в работах российских регионалистов: нарративный обзор // Экономика Профессия Бизнес. 2021. № 3. С. 125–132. DOI: 10.14258/epb202147.
3. Троцковский А. Я., Каплинская И. Е., Родионова Л. В. Понятие и подходы к исследованию интеграции территориальных социально-экономических систем: к постановке вопроса // Экономика Профессия Бизнес. 2022. № 2. С. 114–125. DOI: 10.14258/epb202229.
4. Родионова Л. В., Троцковский А. Я. Миграция населения как механизм формирования интегрированного социально-экономического пространства // Экономика Профессия Бизнес. 2022. № 3. С. 107–114. DOI: 10.14258/epb202244.
5. Махотаева М. Ю., Бакуменко О. А., Малышев Д. П. Межрегиональное взаимодействие как инструмент развития стратегических приоритетов региона: монография. Псков, 2017. 118 с.
6. Тамова Б. А. Межрегиональное экономическое взаимодействие как фактор регионального стратегического развития // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2015. № 4 (170). С. 130–133.
7. Рубцов Г. Г., Литвиненко А. Н. Роль межрегионального сотрудничества в системе современной региональной экономики РФ // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12, № 1. С. 97–110.
8. Межрегиональная торговля: основные тенденции, объемы ввоза и вывоза продовольственных товаров в Алтайском крае. 2011–2013: анализ записка / В. М. Мочалов, И. В. Супонина, Н. Н. Трифонова; под ред. В. М. Мочалова / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. Барнаул, 2014. 52 с.
9. Межрегиональная и внешняя торговля Алтайского края. 2011–2015: анализ. обзор / В. М. Мочалов, И. В. Супонина, И. А. Молодых, С. А. Алистратов; под ред. В. М. Мочалова / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. Барнаул, 2016. 52 с.
10. Лукин Е. В., Ускова Т. В. Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы: монография. Вологда, 2016. 148 с.

REFERENCES

1. Trotskovsky A. Ya., Sergienko A. M., Rodionova L. V., Perekarenkova Yu. A., Sundeeva M. A. Study of the territorial and sectoral structure of the Russian economy in the context of interregional integration: towards the formulation of the problem // Economics Profession Business. 2021. No. 1. Pp. 108–116. DOI: 10.14258/epb202113.

2. Trotskovsky A. Ya. Spatial studies in the works of Russian regionalists: a narrative review // *Economics Profession Business*. 2021. No. 3. Pp. 125–132. DOI: 10.14258/epb202147.
3. Trotskovsky A. Ya., Kaplinskaya I. E., Rodionova L. V. The concept and approaches to the study of integration of territorial socio-economic systems: to the formulation of the question // *Economics Profession Business*. 2022. No. 2. Pp. 114–125. DOI: 10.14258/epb202229.
4. Rodionova L. V., Trotskovsky A. Ya. Population migration as a mechanism for the formation of an integrated socio-economic space // *Economics Profession Business*. 2022. No. 3. Pp. 107–114. DOI: 10.14258/epb202244.
5. Makhotaeva M. Yu., Bakumenko O. A., Malyshev D. P. Interregional cooperation as a tool for the development of strategic priorities of the region: monograph. Pskov, 2017. 118 p.
6. Tamova B. A. Interregional economic cooperation as a factor of regional strategic development // *Bulletin of the Adygea State University. Series 5: Economics*. 2015. No. 4 (170). Pp. 130–133.
7. Rubtsov G. G., Litvinenko A. N. The role of interregional cooperation in the system of modern regional economy of the Russian Federation // *Scientific and technical bulletin of SPbGPU. Economic sciences*. 2019. Vol. 12. No. 1. Pp. 97–110.
8. Interregional trade: main trends, volumes of import and export of food products in the Altai Territory. 2011–2013: analytical note / V. M. Mochalov, I. V. Suponina, N. N. Trifonova; edited by V. M. Mochalov / Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Altai Territory. Barnaul, 2014. 52 p.
9. Interregional and foreign trade of the Altai Territory. 2011–2015: analyte. review / V. M. Mochalov, I. V. Suponina, I. A. Molodykh, S. A. Alistratov; edited by V. M. Mochalov / Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Altai Territory. Barnaul, 2016. 52 p.
10. Lukin E. V. Interregional economic cooperation: state, problems, prospects: monograph / E. V. Lukin, T. V. Uskova. Vologda, 2016. 148 p.

Поступила в редакцию: 12.12.2022.

Принята к печати: 28.12.2022.

УДК 332.145
DOI 10.14258/epb202312

КОРРЕКТИРОВКА МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

О. А. Чиркова

Рубцовский индустриальный институт (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (Рубцовск, Россия)

Корректировка — это неизбежный процесс практически в любом виде деятельности, не исключением является реализация программ стратегического развития муниципального образования. Внесение корректировок может понадобиться произвести не раз, и не всегда из-за негативных факторов. Главное — не упустить момент внесения необходимых изменений и знать, что следует сделать, чтобы по итогу выполнить запланированные показатели реализации таких программ с минимальными потерями. В статье рассмотрены причины, вызывающие необходимость внесения корректировок в процесс реализации программ стратегического развития муниципального образования, цель такой корректировки, ее этапы. Дано определение понятию «корректировка механизма реализации программ стратегического развития муниципального образования». Чтобы не упустить момент внесения необходимых корректировок в рассматриваемый процесс, целесообразно пользоваться листом оценки необходимости, который также рассмотрен в данной статье. Предлагается блок-схема о принятии решений о корректировке рассматриваемого процесса, которая поможет определить вектор внесения изменений в процесс в зависимости от того, что повлияло на невыполнение планируемых показателей в реализации программ стратегического развития муниципального образования. После внесения всех необходимых изменений в рассматриваемый процесс следует осуществлять контроль над динамикой выполнения запланированных показателей с целью анализа данных изменений в связи с внесенными корректировками.

Ключевые слова: корректировка, внесение изменений, реализация, стратегические программы, муниципальное образование.

REVAMPING THE MECHANISM FOR EXECUTING MUNICIPAL STRATEGIC DEVELOPMENT PROGRAMS

O. A. Chirkova

Rubtsovsky Industrial Institute (branch) of the Polzunov Altai State Technical University (Rubtsovsk, Russia)

Adjustment is a crucial process in various activities, including the implementation of strategic development programs of municipalities. This article discusses the reasons for adjustments, which may not always be negative, and emphasizes the importance of timely adjustments to achieve planned indicators with minimal losses. The article outlines the stages and concept of adjusting the mechanism for implementing strategic development programs in municipalities, as well as the use of a necessity assessment sheet to avoid missing the necessary adjustments. The article also proposes a decision-making flowchart for making changes to the implementation process depending on the factors that influenced the non-fulfillment of planned indicators. Monitoring the implementation of planned indicators after making adjustments is necessary to analyze the changes made.

Keywords: adjustment, modification, implementation, strategic programs, municipal formation.

В процессе реализации любой программы практически всегда приходится осуществлять корректировки каких-либо показателей по отношению к запланированным, в организационной структуре, прогноза. Необходимо отметить, что в процессе реализации программ часто происходят отклонения от ранее запланированных сроков, превышение запланированных объемов затрат, изменения внешней среды и внутренних потребностей, различные непредвиденные обстоятельства [1].

Термин «корректировка» (перевод с лат. *correctio* — поправка) означает частичное изменение, исправление, поправка [2].

В действующем стандарте ИСО 9000:2015 под корректирующими действиями понимают действия, предпринятые для устранения причины обнаруженного несоответствия или другой нежелательной ситуации [3].

В словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой под корректировкой называется внесение поправок в наводку орудий по результатам наблюдений с наблюдательных пунктов, самолетов, аэростатов и т. п. [4].

Основной целью осуществления корректировки в реализации программ стратегического развития муниципального образования является внесение изменений в процесс реализации таких программ для того, чтобы обеспечить необходимый уровень достижения результата их реализации.

Вопросы, связанные с развитием регионального и муниципального стратегирования, в своих трудах рассматривали следующие ученые: А. Г. Гранберг [5], В. Е. Селиверстов [6], В. И. Сулов [7], С. А. Суспицын [8], С. Д. Валентей, В. Н. Виноградов, Б. М. Гринчель, Б. С. Жихаревич [9], В. Е. Рохин [10], Д. С. Хайруллоев [11] и др.

Причинами, вызывающими необходимость внесения корректировок в процесс реализации программ стратегического развития муниципального образования, может быть множество. Назовем некоторые из них:

- сокращение объемов финансирования в процессе реализации программ;
- сокращение/увеличение сроков реализации программ;
- не выполнение плановых показателей;
- перевыполнение плановых показателей на протяжении нескольких контрольных точек;
- изменение во внешней среде;
- изменение потребностей во внутренней среде и т. д.

Необходимо указать, что корректировку процесса реализации программ стратегического развития муниципального образования можно осуществлять в связи с внесением в процесс реализации таких программ:

- желательных изменений (намеренных);
- необходимых изменений (вынужденных).

К желательным изменениям в реализации программ стратегического развития муниципального образования можно отнести: корректировку сроков реализации программ в связи с досрочным достижением запланированных показателей; корректировку объемов затрат, его уменьшение; либо если изменились цели реализации программ стратегического развития, необходимо произвести корректировку плановых показателей.

Из этого следует, что под желательными изменениями в реализации программ стратегического развития муниципального образования целесообразно подразумевать намеренно внесенные изменения в их реализацию, которые вызваны положительными факторами, такие изменения приведут к достижению запланированных результатов за более короткий срок с минимальными потерями.

К необходимым изменениям в реализации программ стратегического развития муниципального образования можно отнести: корректировку сроков реализации программ в связи с необходимостью увеличения сроков их реализации по причине недостижения планируемых показателей в установленные сроки; корректировку объема затрат, его увеличение и т. д. Необходимость в таких изменениях требует своевременной идентификации и реализации с минимальными потерями.

Из вышеизложенного под корректировкой процесса реализации программ стратегического развития муниципального образования можно подразумевать внесение изменений или дополнений в процесс реализации с целью улучшения результатов выполнения этих программ в кратчайшие сроки с минимальным объемом затрат.

В реализации стратегических программ развития муниципального образования важно выявить момент времени, когда возникает настоятельная потребность в переменах. Надо не упустить этот момент. Для этого, на наш взгляд, целесообразно пользоваться листом оценки необходимости в корректировке реализации рассматриваемых программ, представленном в таблице 1.

В предложенную таблицу необходимо внести основные показатели, по которым можно будет в итоге оценить результативность выполнения процесса реализации программ.

Таблица 1

Лист оценки необходимости в корректировке реализации программ стратегического характера развития муниципального образования

Показатели	-3	-2	-1	0	1	2	3
Динамика основных показателей							
1. Показатели, характеризующие экономическое развитие муниципального образования							
1.1. Оборот розничной торговли, млн руб.							
1.2. Промышленное производство, млн руб.							
2. Показатели, характеризующие социальное развитие муниципального образования							
2.1. Среднемесячная заработная плата 1 работника, тыс. руб.							
2.2. Среднегодовая численность населения, тыс. чел.							
3. Показатели, характеризующие экологическое развитие муниципального образования							
3.1. Загрязнения атмосферного воздуха							
3.2. Загрязнения водных ресурсов							
4. Инвестиционный потенциал муниципального образования							
4.1. Инвестиции в основной капитал, млн руб.							
4.2. Природно-ресурсный потенциал							
5. Показатели, характеризующие финансовое развитие муниципального образования							
5.1. Доходы муниципального бюджета, млн руб.							
5.2. Расходы муниципального бюджета, млн руб.							
6. Сроки выполнения программ стратегического развития муниципального образования							
7. Сроки выполнения плана по объему затрат на процесс реализации программ стратегического развития муниципального образования							

-3 — ниже плана на 30% и более, худшие позиции, положение тревожное;

-2 — ниже плана на 20%, следует обратить внимание на ситуацию и позаботиться об улучшении позиции;

-1 — ниже плана на 10%, следует позаботиться об улучшении позиции;

0 — полное соответствие с планом реализации программ стратегического характера развития муниципального образования;

1 — выше плана на 10%, показатели высокие;

2 — выше плана на 20%, показатели достаточно высокие;

3 — выше плана на 30% и более, показатели достаточно высокие, можно внести намеренные изменения.

Представленный выше лист оценки необходимости в корректировке реализации программ стратегического развития муниципального образования можно использовать как для оценки всего процесса их реализации, так и для оценки каждой индивидуальной программы.

Важным условием внесения корректировок в реализацию программ стратегического развития муниципального образования является прогнозирование результатов на некоторых контрольных точках (ожидание) и достигнутые, фактические показатели в этих контрольных точках. После этого определяются расхождения запланированного

и реального состояния, на этой основе закладываются управленческие решения, осуществляется корректировка реализации конкретных программ.

Итак, можно выделить несколько этапов корректировки реализации программ стратегического развития муниципального образования (рис. 1).

На первом этапе оценивается выполнение запланированных показателей процесса реализации программ. Далее, выявляются отклонения, анализируется необходимость внесения изменений в процесс реализации таких программ, уточняется, что необходимо изменить, разрабатывается несколько альтернативных вариантов, выбирается самый

наилучший вариант и осуществляется внесение необходимых изменений. Затем проводится контроль

над выполнением программ стратегического характера, далее возвращаемся к первому этапу.

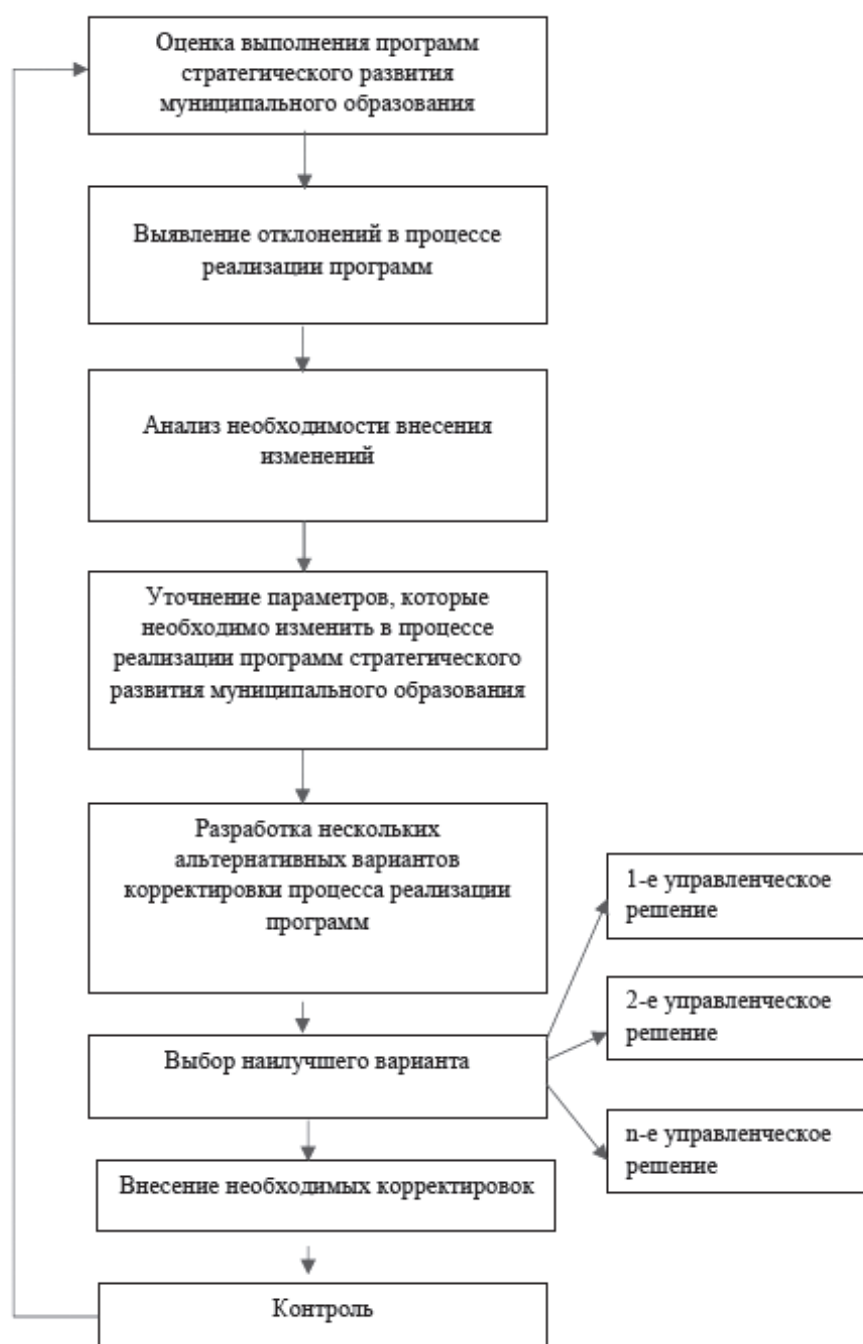

Рис. 1. Этапы корректировки реализации программ стратегического развития муниципального образования

В зависимости от того, что повлияло на невыполнение планируемых показателей, можно определить вектор внесения изменений в процесс реализации программ стратегического развития муниципального образования (рис. 2).

Если причиной невыполнения процесса реализации программ стратегического развития му-

ниципального образования стали изменения, происходящие во внешней среде или связанные с изменениями потребностей во внутренней среде, то, скорее всего, необходима корректировка в первую очередь запланированных показателей выполнения процесса реализации таких программ в соответствии с изменившимися условиями.

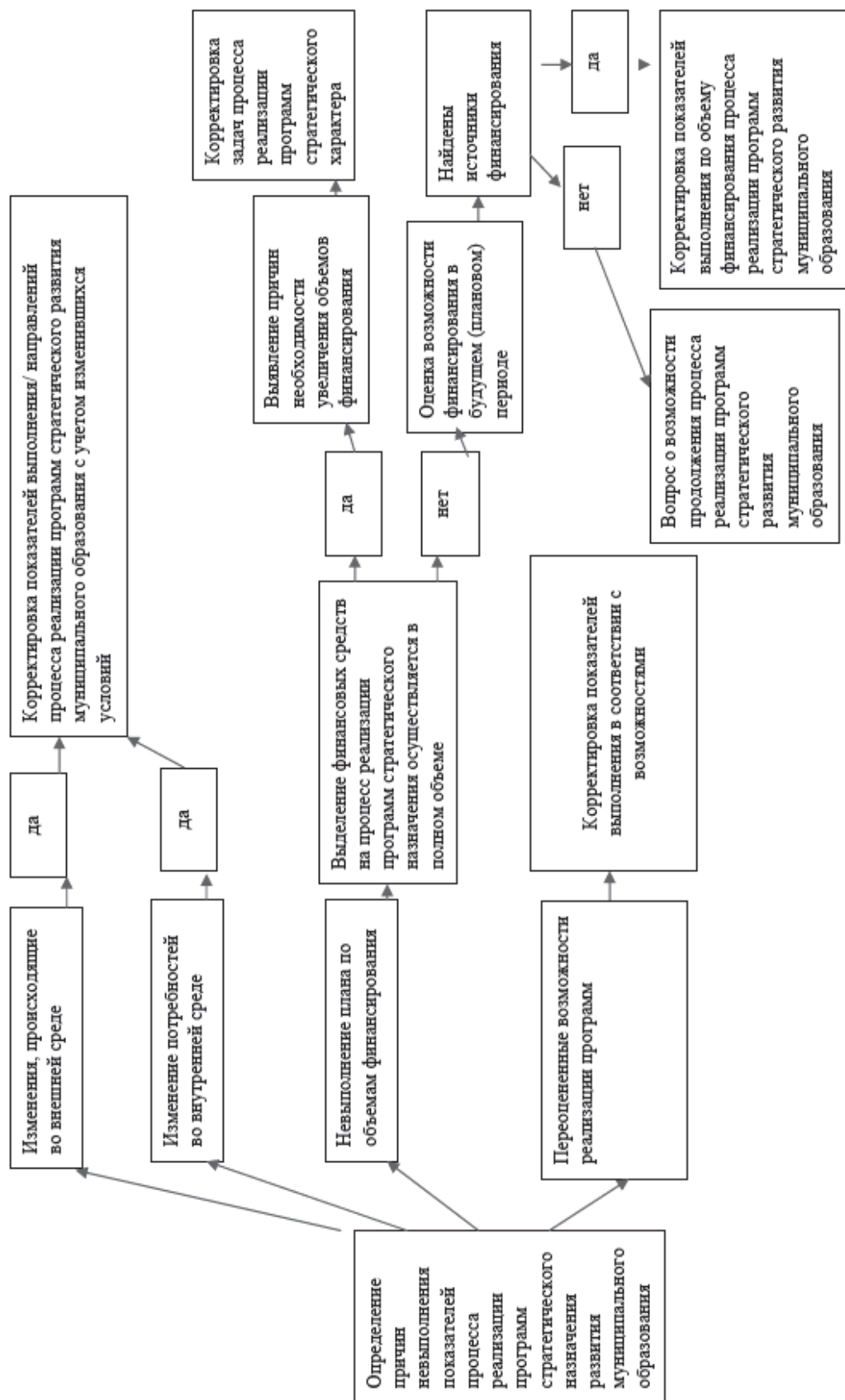

Рис. 2. Блок-схема о принятии решений о корректировке процесса реализации программ стратегического назначения развития муниципального образования

Если причиной невыполнения показателей процесса реализации программ является недостаточный объем средств, выделенный на процесс их реализации, то в этом случае необходимо увеличить объем средств, исходя из объективной оценки и анализа, соответственно, скорректировать показатели, отражающие план по выполнению объема финансирования процесса реализации программ стратегического назначения развития муниципального образования.

Если причиной невыполнения показателей процесса реализации программ развития муниципального образования является финансирование не в полном объеме, то необходимо найти источники финансирования и продолжить их реализацию. Когда источников финансирования не удается найти, то встает вопрос о возможности дальнейшего финансирования.

Плановые показатели выполнения реализации программ стратегического назначения развития муниципального образования планируются исходя из ее возможностей, но могут быть случаи, когда были переоценены возможности процесса реализации таких программ и это было выявлено только в процессе их реализации. В этом случае корректировка показателей выполнения реализации таких программ осуществляются в соответствии с реальными возможностями.

После того как необходимые корректировки были внесены в процесс реализации стратегических программ развития муниципального образования, необходимо осуществить контроль над динамикой изменений показателей после внесения корректировок в процесс реализации программ.

Ниже представлена примерная таблица динамики изменений показателей после внесения соответствующих корректировок (табл. 2).

Таблица 2

Динамика изменений показателей после внесения корректировок в процесс реализации стратегических программ развития муниципального образования

Показатели	1-я контрольная точка			вне-се-ние кор-рек-ти-ровок	2-я контрольная точка			вне-се-ние кор-рек-ти-ровок	3-я контрольная точка			вне-се-ние кор-рек-ти-ровок	n-я контрольная точка			
	не-вы-пол-не-ние	вы-пол-не-ние	пе-ре-вы-пол-не-ние		не-вы-пол-не-ние	вы-пол-не-ние	пе-ре-вы-пол-не-ние		не-вы-пол-не-ние	вы-пол-не-ние	пе-ре-вы-пол-не-ние		не-вы-пол-не-ние	вы-пол-не-ние	пе-ре-вы-пол-не-ние	
1. Показатели, характеризующие экономическое развитие муниципального образования																
1.1.	+				+					+					+	
1.2.		+			+					+					+	
k показатель																

После внесения изменений на основе применения вышепредставленной таблицы можно проследить динамику выполнения показателей, сделать вывод, как внесенные корректировки отразились на их выполнении.

Таким образом, корректировка — исключительно важный процесс практически в любом виде деятельности, не исключение — реализация программ стратегического развития муниципального образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Блинов Л. О., Угрюмова Н. В. Управление изменениями. М., 2015. С. 32.
2. Словарь бизнес-терминов. 2001. URL: <http://economics.niv.ru/doc/dictionary/business-terms/fc/slovar-202-9.htm#zag-9208> (дата обращения: 28.06.2022).
3. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества: Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 сентября 2015 г. № 1390-ст. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200124393> (дата обращения: 28.06.2022).
4. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/корректировка> (дата обращения: 28.06.2022).

5. Львов Д. С., Егоршин А. П., Гранберг А. Г. Стратегическое управление: регион, город, предприятие. М., 2005. С. 603.
6. Селиверстов В. Е. Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике. Новосибирск, 2013. С. 436.
7. Суслов В. И. Подходы к разработке и согласованию стратегий экономического развития макрорегионов страны // Экономика региона. 2009. С. 9–20.
8. Суспицын С. А. Методы и модели координации долгосрочных решений в системе «национальная экономика — регионы» / под ред. В. В. Кулешова. Новосибирск, 2017. С. 296.
9. Жихаревич Б. С., Прибышин Т. К. Стратегии развития городов: российская практика 2014–2019 гг. // Пространственная экономика. 2019. С. 184–205.
10. Рохчин В. Е. Проблемы стратегического управления развитием муниципальных образований. Санкт-Петербург, 2001.
11. Хайруллов Д. С., Давыдова Л. А. Формы и методы и методы муниципального управления социально-экономическим развитием территории муниципального образования // Вестник Казанского технологического университета. 2012. № 23. С. 207–214.

REFERENCES

1. Blinov L. O., Ugrumova N. V. Change management. Moscow, 2015. P. 32.
2. Dictionary of Business terms. 2001. URL: <http://economics.niv.ru/doc/dictionary/business-terms/fc/slovar-202-9.htm#zag-9208> (date of access: 28.06.2022).
3. National standard of the Russian Federation. Quality management systems: Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated September 28, 2015 No. 1390-art. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200124393> (date of access: 28.06.2022).
4. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / edited by A. P. Evgenieva. 4th ed., ster. Moscow, 1999. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/корректировка> (date of access: 28.06.2022).
5. Lvov D. S., Egorshin A. P., Granberg A. G. Strategic management: region, city, enterprise. Moscow, 2005. P. 603.
6. Seliverstov V. E. Regional strategic planning: from methodology to practice. Novosibirsk, 2013. P. 436.
7. Suslov V. I. Approaches to the development and coordination of strategies for the economic development of the country's macro-regions // The economy of the region. 2009. Pp. 9–20.
8. Suspitsyn S. A. Methods and models of coordination of long — term solutions in the system “national economy — regions” / edited by V. V. Kuleshov. Novosibirsk, 2017. P. 296.
9. Zhikharevich B. S., Pribyshin T. K. Urban Development Strategies: Russian Practice 2014–2019 // Spatial economics. 2019. Pp. 184–205.
10. Rokhchin V. E. Problems of strategic management of the development of municipalities. St. Petersburg, 2001.
11. Khairullov D. S., Davydova L. A. Forms and methods and methods of municipal management of socio-economic development of the territory of the municipality // Bulletin of Kazan Technological University. 2012. No. 23. Pp. 207–214.

Поступила в редакцию: 09.01.2023.
Принята к печати: 31.01.2023.

УДК 159.9.07
DOI 10.14258/epb202313

ИЗУЧЕНИЕ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В КОНТЕКСТЕ КОМАНДНЫХ РОЛЕЙ

М. В. Шамардина, Н. В. Киреева, Е. А. Клевцова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье представлены результаты исследования особенностей совладающего поведения руководителей государственной службы с учетом командной роли и различного стажа работы в государственной налоговой инспекции. Одним из базовых феноменов работы была выделена командная роль, которая понимается как выраженность отдельных характеристик личностей в организационных и коммуникативных способностях. Авторами сделан анализ существующих подходов по теме исследования, проведен сравнительный анализ ключевых понятий, а также подходов к специфике профессиональной деятельности руководителя. По результатам исследования выявлена специфика содержания и психологические особенности волевой саморегуляции руководителей с различным стажем работы, работающих в государственной гражданской службе. Правила, связывающие совладающее поведение, коммуникативные и организаторские способности, командные роли, проявляются соответственно у руководителей государственной гражданской службы. Обработка информации осуществлялась в статистическом пакете «IMB SPSS Statistics 23».

В результате обработки полученных данных было выявлено, что организаторским способностям соответствуют определенные командные роли. Также человек должен обладать определенным уровнем рефлексии, с целью корректирования своего поведения и самообладания. А для этого, соответственно, необходимо понимать происходящие процессы в своем настроении.

Ключевые слова: совладающее поведение, командная роль, управленческая деятельность, волевая регуляция, коммуникативные и организаторские способности.

EXAMINING COPING BEHAVIOR OF CIVIL SERVICE LEADERS THROUGH TEAM ROLES ANALYSIS

M. V. Shamardina, N. V. Kireeva, E. A. Klevtsova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article examines the coping behavior of civil service leaders, considering their team role and length of service in the state tax inspectorate. The study analyzes existing approaches to the research topic, compares key concepts and approaches to the specifics of managers' professional activities.

The study reveals the specifics of volitional self-regulation and psychological characteristics of managers with different work experience in the civil service. The rules linking coping behavior, communication and organizational skills, and team roles are observed among civil service leaders. The statistical package "IMB SPSS Statistics 23" is used to process the data.

The study finds that certain team roles are associated with specific organizational skills, and individuals need a certain level of reflection to correct their behavior and exercise self-control. Therefore, understanding ongoing processes and mood is essential.

Keywords: coping behavior, team role, managerial activity, volitional regulation, communication and organizational skills.

Введение. Совладание — способ, когда человек справляется со стрессовыми ситуациями. Данное исследование, посвященное особенностям совладающего поведения, особенно актуально в настоящее время [1].

Управленческая деятельность — это одновременное выполнение нескольких задач, часто в ситуациях неопределенности, отсутствия времени, ресурсов [1]. Интенсивность труда характерна для большинства руководителей, что определяет хроническую усталость.

В работах Н. В. Гончарова, Л. В. Дайнеко, Е. В. Зайцева показано, что управленцы налоговых инспекций проявляют качества личности, такие как эмоциональная устойчивость, высокий уровень самоконтроля, настойчивость и у них наблюдается высокая нормативность поведения [2]. Все это свидетельствует о постоянном напряжении, необходимости продуктивно анализировать ситуации и развитием критическом мышлении, когда уделяется большое внимание деталям.

Отечественные и зарубежные ученые изучали разные вопросы в области совладающего поведения. В рамках субъектно-деятельностного подхода С. Л. Рубинштейна развита система идей об особенностях деятельности, осуществляемой человеком (субъектом) [3].

Р. Лазарус и С. Фолкман в рамках когнитивного транзактного подхода рассмотрели совладающее поведение как постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия индивида с целью управления специфическими внешними и (или) внутренними требованиями, оцениваемые им как подвергающие его испытанию или превышающие ресурсы [4, 5].

Цель данного исследования — показать особенности совладающего поведения руководителей государственной службы с учетом командной роли и различного стажа работы в государственной налоговой инспекции (на примере Межрайонной ИФНС России Алтайского края).

Описание методов и методик проводимого исследования. Методы сбора эмпирических данных (биографический метод и психологическое тестирование), тестирование по методикам: Опросник «Способы совладающего поведения» Лазаруса; Опросник «Проактивное совладающее поведение (PCI)» (Proactive Coping Inventory, PCI) разработанный Э. Грингласс, Р. Шварцером и коллегами (Esther Greenglass, Ralf Schwarzer), тест-опросник «Исследование волевой саморегуляции» (А. В. Зверькова и Е. В. Эйдмана), «Коммуникативные и организаторские способности» (В. В. Синявский и В. А. Федорошин), методика определения ролевого поведения людей и их взаимодействие с командой (Р. Мередит Белбин), методика «Инди-

катор копинг-стратегий» разработана Джеймсом Амирханом (James H. Amirkhan).

В качестве эмпирической базы исследования были выбраны руководители государственной гражданской службы возрасте от 28 до 55 лет, работающие в Межрайонной ИФНС России Алтайского края в должности руководителей. Общий объем выборки составил 60 человек.

Полученные результаты и их обсуждения. На первом этапе исследования был проведен анализ достоверных различий с помощью непараметрического метода математической статистики U-критерий Манна-Уитни, связанный с особенностями совладающего поведения между группами руководителей государственной службы ФНС с различным стажем работы в руководящей должности, который позволил на уровне значимости $p < 0,05$ выявить достоверные различия в средних значениях компонентов методики в группах со стажем работы от 3 до 5 лет и более 5 лет.

Результаты средних значений определяли по опроснику «Способы совладающего поведения» (Р. Лазаруса и С. Фолкман). С помощью U-критерия Манна-Уитни на уровне значимости ($p < 0,05$) выявлены достоверные различия у руководителей государственной службы ФНС с различным стажем работы в руководящей должности по способу совладающего поведения «Принятие ответственности».

Из анализа результатов U-критерия Манна-Уитни следует, что между группами руководителей с различным стажем работы в руководящей должности: до 5 лет и более 5 лет были выявлены значимые различия по опроснику «Способы совладающего поведения» (Р. Лазаруса и С. Фолкман) (ср. з. до 5 лет=47,1264, ср. з. более 5 лет=55,1282, $U=263,5$, $p < 0,05$).

Таким образом, можно сделать вывод, что руководители государственной службы ФНС, которые проработали в руководящей должности более 5 лет склонны принимать свою роль совместно со всеми должностными требованиями и возникающими стрессовыми ситуациями, которые могут быть в профессиональной деятельности, брать ответственность за то, насколько быстро и эффективно будут решены данные проблемы, в то время как менее опытные руководители не показывают такой тенденции. По всей видимости, из-за начала руководящей работы в должности управленца, руководители государственной службы ФНС могут испытывать чаще стресс в сложных должностных ситуациях.

В результате исследования совладающего поведения у руководителей государственной службы ФНС, при применении тестовых методик, на втором этапе полученные данные были обра-

ботаны с помощью метода корреляционного анализа Спирмана. С его помощью были выявлены взаимосвязи в методиках: «Организаторские и коммуникативные способности» (В. В. Синявский, В. А. Федорошин), «Способы совладающего поведения» (Р. Лазаруса и С. Фолкман); опросник проактивного совладающего поведения (РСІ (Э. Грингласс, Р. Шварцера); тест-опросник «Исследование волевой саморегуляции» (А. В. Зверькова, Е. В. Эйдмана); «Индикатор копинг-стратегий» (Д. Амирхана).

В ходе обработки полученных данных авторами выявлены корреляционные связи шкалы «Коммуникативных способностей» с такими шкалами методик как: «Планирование решения проблемы» ($r = 0,338$, $p = 0,008$), «Поиск социальной поддержки» ($r = 0,328$, $p = 0,011$), «Коллективист» ($r = 0,414$, $p = 0,001$), «Проактивное преодоление» ($r = 0,314$, $p = 0,015$), «Настойчивость» ($r = 0,395$, $p = 0,002$) и «Самообладание» ($r = 0,336$, $p = 0,009$).

Таким образом, была получена связь шкал «Коммуникативные способности» с определенными стилями поведения руководителя госслужбы ФНС в различных стрессовых ситуациях и выходах из них в совокупности с особенностями волевой регуляции. Можно сделать вывод о том, что коммуникативные способности имеют некую связь с мерой овладения собственным поведением в различных ситуациях, способность сознательно управлять своими действиями, состояниями и побуждениями. Можно предположить, что коммуникативные способности тесно связаны с общим поведением человека в стрессовых ситуациях и способностью контролировать эмоции.

Корреляционные связи также были обнаружены со шкалой «Организаторские способности» и шкалами других методик.

Шкала «Организаторские способности» имеет положительную связь со шкалами: «Самообладание» ($r = 0,469$, $p = 0,00$), «Превентивное преодоление» ($r = 0,532$, $p = 0,00$), «Бегство-избегание» ($r = -0,255$, $p = 0,000$), «Положительная переоценка» ($r = 0,336$, $p = 0,000$), «Планирование решения проблемы» ($r = 0,499$, $p = 0,00$), «Оценщик» ($r = 0,53$, $p = 0,00$), «Рефлексивное преодоление» ($r = 0,512$, $p = 0,00$), «Поиск инструментальной поддержки» ($r = 0,375$, $p = 0,003$), «Стратегическое планирование» ($r = 0,491$, $p = 0,00$), «Настойчивость» ($r = 0,54$, $p = 0,00$), «Поиск эмоциональной поддержки» ($r = 0,307$, $p = 0,017$), «Избегание проблем» ($r = -0,444$, $p = 0,00$), «Проактивное преодоление» ($r = 0,529$, $p = 0,00$), «Разрешение проблем» ($r = 0,343$, $p = 0,007$).

На основании полученных результатов можно сделать вывод, что организаторские способности являются ключевой компетенцией руководителя госслужбы ФНС и связаны непосредственными должностными обязанностями при решении рабочих вопросов, а также в активности включения в решение данных вопросов и построение стратегий по разрешению. Можно предположить, что организаторы склонны оценивать полностью ситуацию и при этом оценивать и свои силы.

На следующем этапе исследования для того, чтобы определить причинно-следственные связи между уровнем волевой саморегуляции, коммуникативными и организаторскими способностями, а также командными ролями, был применен регрессионный анализ. Данные отражены в таблице 1.

Таблица 1

Предикторы, влияющие на шкалу «Организаторские способности»

Предикторы	B	Стандартная ошибка	Бета	T	Знач.
(Константа)	0,275	0,127		2,159	0,035
«Настойчивость»	0,013	0,006	0,272	2,323	0,024
Планирование решения проблемы	0,002	0,001	0,247	2,164	0,035
Поиск инструментальной поддержки	0,010	0,004	0,263	2,583	0,012
Избегание проблем	-0,008	0,004	-0,230	-2,074	0,043

Полученные данные показывают, каким образом изменялись характеристики регрессионного анализа при поэтапном включении новых предикторов в уравнение регрессии. С возрастанием числа предикторов значения R , R^2 и исправленная величина R^2 возрастают, в то время как значение стандартной ошибки убывает. Та же тенденция наблюдается и в отношении числа степеней свободы, суммы квадратов и среднего квадратов. Как мож-

но видеть, в результате применения пошагового метода в уравнение регрессии включены лишь четыре (модель 4):

— «Настойчивость», Планирование решения проблемы, Поиск инструментальной поддержки, Избегание проблем. Коэффициент множественной корреляции R отражает связь зависимой переменной с совокупностью независимых переменных и равен 0,686. Значение R^2 составляет

0,471 и показывает, что 47,1% дисперсии переменной. Организаторские способности обусловлены влиянием предикторов. Стандартные коэффициенты регрессии β являются статистически достоверными, что позволяет интерпретировать относительную степень влияния каждого из предикторов; для переменной Настойчивость $\beta = 0,272$, а для переменных «Планирование решения проблемы», «Поиск инструментальной поддержки» и «Избегание проблем» соответственно $\beta = 0,247$, $\beta = 0,263$ и $\beta = -0,23$. Каждая из независимых переменных вносит примерно одинаковый вклад в оценку зависимой переменной и коррелирует с ней положительно.

Результаты полученной модели представлены в виде регрессионного уравнения:

«Организаторские способности» = $0,275 + 0,013 \times$ («Настойчивость») + $0,002 \times$ («Планирование решения проблемы») + $0,01 \times$ («Поиск инструментальной поддержки») — $0,008 \times$ («Избегание проблем»).

Данная модель демонстрирует, что на шкалу «Организаторские способности» влияют стремле-

ние к завершению начатого дела, выстраивание стратегии решения проблем при полном включении в их решение при получении обратной связи от своего окружения.

В зависимости от таких факторов, как шкала «Планирование решения проблемы», «Поиск социальной поддержки», «Проактивное преодоление», «Настойчивость» и «Самообладание», «Коммуникативные способности» регрессионный анализ показал следующие результаты.

Из полученных данных зависимость шкала «Коммуникативной способности» выявлена только от двух «общая шкала» и «Поиск социальной поддержки» ($R = 0,479$; $R^2 = 0,229$; $F = 8,469$ $p = 0,001$).

Из проведенного анализа авторами выведено уравнение регрессии наглядно демонстрирующее формирование коммуникативных способностей и факторов, влияющих на это.

Коммуникативные способности = $0,16 + 0,016 \times$ (общая шкала) + $0,003 \times$ (Поиск социальной поддержки). Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Предикторы, влияющие на шкалу «Коммуникативные способности»

Предикторы	B	Стандартная ошибка	Бета	T	Знач.
(Константа)	0,160	0,1		1,592	0,117
Общая шкала	0,016	0,005	0,358	2,997	0,004
Поиск социальной поддержки	0,003	0,001	0,247	2,072	0,043

Данная модель демонстрирует, что коммуникативные способности в некоторой мере зависят от того, насколько человек эмоционально зрел, активен, независим, самостоятелен, и при этом нацелен на помощь своего окружения в разрешении трудностей.

В результате проведенного исследования были выявлены наиболее предпочитаемые командные роли руководителей. На первый план выходят такие роли, как «Оценщик» (10,2), «Формирователь» (9,7), «Коллективист» (9,5) и «Разведчик» (9,4). Профиль представлен на рисунке 1.

Рис. 1. Профиль предпочитаемых командных ролей руководителей госслужбы ФНС

Как видно из представленных результатов, наиболее предпочитаемой ролью, занимаемой руководителем в организации, является роль «Оценщика». Представитель данной роли объективен при анализе проблем и оценке идей. Редко охваченный энтузиазмом, он защищает команду от принятия импульсивных, отчаянных решений [6]. Стиль построения команды «Оценщика» — объективно анализировать и оценивать идеи и решения команды. Им может не хватать вдохновения или способности мотивировать других.

Видимо именно эта роль уместнее всего в данной организации.

Для того чтобы более полно составить роль «Оценщика» и посмотреть влияющие на нее факторы, нами был применен метод регрессионного анализа.

Результат анализа показал влияние на роль оценщика такого обратного фактора как «Дистанцирование» ($R = 0,4$, $R^2 = 0,16$, $F = 11,022$, $p = 0,002$). Полученные представлены в таблице 3 и на рисунке 2.

Таблица 3

Предикторы, влияющие на роль «Оценщик»

Предикторы	B	Стандартная ошибка	Бета	T	Знач.
(Константа)	17,724	2,384		7,436	0,000
Дистанцирование	-0,162	0,049	-0,4	-3,32	0,002

Нормальный P-P график регрессии Стандартизованный остаток

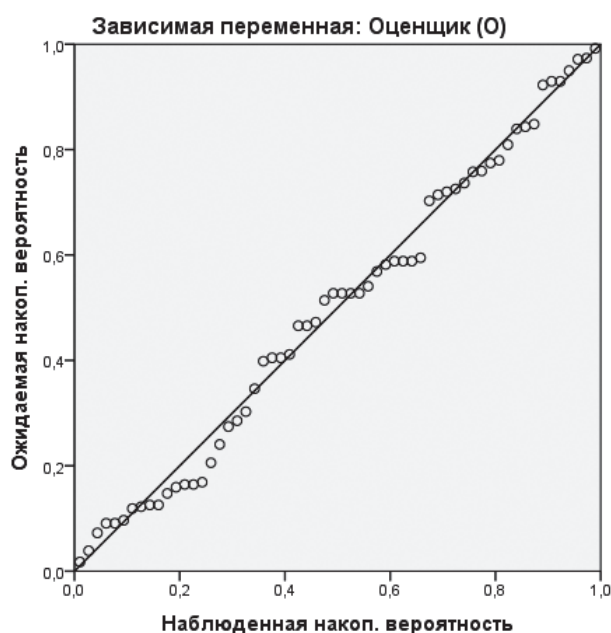

Рис. 2. График регрессии зависимой переменной «Оценщик»

Полученные результаты можно представить в виде регрессионного уравнения. Таким образом, мы наглядно можем представить причинно-следственные факторы, влияющие на формирование роли оценщика с математической точки зрения.

Роль (оценщика) = $17,724 - 0,162 \times (\text{Дистанцирование})$

Из результатов полученной модели следует, что для роли оценщика характерна включенность в решение проблемы и высокая эмоциональная значимость. Данная роль предполагает рацио-

нальное и полное оценивание ситуации и своего действия в ней, и взаимодействие с окружением [7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что выбор соответствующей модели совладающего поведения играет важную роль в управленческой деятельности.

Полученную модель представим в виде регрессионной модели.

Коллективист = $-0,162 \times (\text{Планирование решения проблемы}) + 0,113 \times (\text{Принятие ответственности}) + 0,482 \times (\text{Разрешение проблем}) - 1,361$

Таблица 4

Предикторы, влияющие на роль «Коллективист»

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Значимость
		B	Стандартная ошибка	Бета		
1	(Константа)	-1,361	4,624		-0,294	0,770
	Планирование решения проблемы	-0,162	0,034	-0,596	-4,736	0,000
	Принятие ответственности	0,113	0,039	0,343	2,896	0,005
	Разрешение проблем	0,482	0,186	0,311	2,594	0,012

а. Зависимая переменная: Коллективист

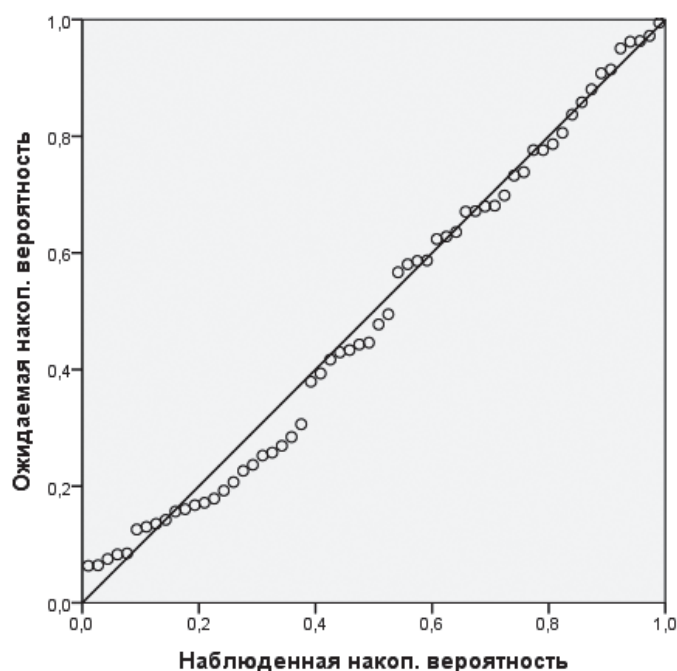

Рис. 3. График регрессии зависимой переменной «Коллективист»

Из полученных результатов модели видно, что для роли «Коллективист» (табл. 4 и рис. 3) характерно принятие ответственности за ситуацию на себя с высокой включенностью в процессе разрешения проблемной ситуации. Данная роль предполагает оценку условий трудной ситуации и включения в устранения проблемы.

Заключение. На основании полученных результатов можно сказать, что у руководителя выделяется специфическая область деятельности, в которой присутствует организация процессов, и управленческая деятельность требует личностных особенностей, которые напрямую зависят от условий профессиональной деятельности. Одной из таких ключевых личностных характеристик является совладающее поведение, которое посредством выполняемых задач в должности трансформируется в командную роль [8, 9, 10]. Это то, что пронизывает всю руководящую деятельность, задействуя множество способностей для исполне-

ния. Было выявлено, что командная роль должна быть соответствующей и обладающей определенными содержательными характеристиками поведения в той или иной ситуации, а это в свою очередь определяется через развитие коммуникативной компетентности.

Установлено, что организаторским способностям соответствуют определенные командные роли. И, действительно, в таком виде деятельности встречается множество стрессов, от которых нельзя никак дистанцироваться, при этом еще необходимо постоянно находиться в общении и не допускать дистанцирования других, а это в свою очередь требует большой включенности и навыка высокого самообладания, выражающегося в построении грамотной и эффективной коммуникации с разными уровнями взаимодействия организации. Это все также подразумевает обладать должным уровнем рефлексии, поскольку для лучшего корректирования своего поведения и самообладания необходи-

мо понимать происходящие процессы в своем строении.

Исходя из вышесказанного, можно говорить о том, что очень важно оценивать особенности волевой саморегуляции руководителей Федеральной

налоговой службы в контексте командных ролей, для того чтобы проводить профилактические мероприятия во избежание негативных последствий риска профессионального выгорания в деятельности руководителей государственной службы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. От выгорания к обновлению: опыт и перспективы изучения синдрома выгорания в России // Национальный психологический журнал. 2006. № 1 (1). С. 126–130.
2. Гончарова Н. В., Дайнеко Л. В., Зайцева Е. В. Управление человеческими ресурсами организации в условиях современного рынка труда: учебное пособие. Екатеринбург, 2021.
3. Карнаухова В. А. Специфика защитно-совладающего поведения личности, и его взаимосвязь с психологическим здоровьем человека // Материалы V междунар. науч. практ. конф. «Психология и педагогика XXI века: теория, практика и перспективы». Чебоксары, 2017. С. 78–84.
4. Киреева Н. В. Коммуникативная компетентность руководителей государственной службы // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. № 17. Барнаул, 2020. С. 168–171.
5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2002. 720 с.
6. Старченкова Е. С. Феномен проактивного совладающего поведения в психологии профессионального здоровья. М., 2019.
7. Шамардина М. В. Управленческая деятельность: мотивационный профиль руководителя // Человеческий капитал. 2018. № 12. С. 109–116.
8. Ялтонский В. М., Сирота Н. А. Психология совладающего поведения: развитие, достижения, проблемы, перспективы. М., 2018. С. 21–54.
9. Folkman S., Lazarus R. S. An analysis of coping in a middleaged community sample // J. of Health and Social Behavior. 1980. Vol. 21. Iss. 3. Pp. 219–239.
10. Комаров В. Ф., Алоян Г. Н. Исследование стилей руководства Курта Левина методом деловых игр // Мир экономики и управления. 2017. № 2. С. 110–120.

REFERENCES

1. Vodopyanova N. E., Starchenkova E. S. From burnout to renewal: experience and prospects for studying the burnout syndrome in Russia // National psychological journal. 2006. No. 1 (1). Pp. 126–130.
2. Goncharova N. V., Daineko L. V., Zaitseva E. V. Management of human resources of the organization in the conditions of the modern labor market: study guide. Yekaterinburg, 2021.
3. Karnaukhov V. A. The specificity of the protective-coping behavior of the individual, and its relationship with the psychological health of a person // Materials of the V Intern. scientific practical conf. «Psychology and Pedagogy of the 21st Century: Theory, Practice and Prospects». Cheboksary, 2017. Pp. 78–84.
4. Kireeva N. V. Communicative competence of public service leaders // Proceedings of young scientists of the Altai State University. No. 17. Barnaul, 2020. Pp. 168–171.
5. Rubinstein S. L. Fundamentals of general psychology. St.-Petersburg, 2002.
6. Starchenkova E. S. The phenomenon of proactive coping behavior in the psychology of occupational health. Moscow, 2019.
7. Shamardina M. V. Management activity: motivational profile of the manager // Human capital. 2018. No. 12. Pp. 109–116.
8. Yaltonsky V. M., Sirota N. A. Psychology of coping behavior: development, achievements, problems, prospects. Moscow, 2018. Pp. 21–54.
9. Folkman S., Lazarus R. S. An analysis of coping in a middleaged community sample // J. of Health and Social Behavior. 1980. Vol. 21. Iss. 3. Pp. 219–239.
10. Komarov V. F., Aloyan G. N. Study of leadership styles by Kurt Lewin by the method of business games // World of Economics and Management. 2017. No. 2. Pp. 110–120.

Поступила в редакцию: 11.01.2023.

Принята к печати: 03.02.2023.

УДК 314 (571.150)
DOI 10.14258/epb202314

ВЫЯВЛЕНИЕ СТРУКТУРНОЙ ДИНАМИКИ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЕСТЕСТВЕННЫХ И МИГРАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ

Н. А. Шевчук, М. Г. Кудинова

Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)

Проблемы демографической динамики в Российской Федерации корнями уходят в период глобальных политических изменений в стране, связанных с распадом СССР. Вопросы сокращения численности населения, снижения продолжительности жизни усугубились духовным кризисом, постигшим российское общество. Для решения указанных проблем была принята Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. В работе дана характеристика основных этапов реализации данной концепции, а также проведена оценка достигнутых результатов в целом по стране с более глубокой детализацией в рамках Алтайского края. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что в крае наблюдается сокращение общей численности населения, в первую очередь, за счет сельского. Происходит изменение соотношения гендерных групп, фиксируется увеличение коэффициента естественной убыли населения, который растет опережающими темпами в среде проживающих в сельской местности. Помимо выявления влияния на демографические показатели естественных факторов, в работе было оценено влияние на них миграционных процессов. В ходе установления причин сложной демографической ситуации в крае особое внимание было уделено вопросам формирования и исполнения краевого бюджета. Фактические данные свидетельствуют о том, что финансовая составляющая не является единственной причиной сложившейся ситуации. Для решения демографических проблем в стране и крае требуется их конкретизация на уровне отдельных муниципальных образований и включения в механизм воздействия на них различных социально-экономических мер. Особое внимание необходимо уделять вопросам воспитания молодого поколения в патриархальных традициях.

Ключевые слова: демографические проблемы, Концепция демографической политики, демографическая нагрузка, коэффициент естественного движения, гендерные группы населения, естественная убыль населения, миграционные процессы.

ANALYZING NATURAL AND MIGRATION FACTORS: UNDERSTANDING THE STRUCTURAL DYNAMICS OF ALTAI REGION'S POPULATION

N. A. Shevchuk, M. G. Kudinova

Altai State Agricultural University (Barnaul, Russia)

The demographic decline in Russia began after the collapse of the USSR and was exacerbated by a spiritual crisis. To address these problems, the Conception of the Demographic Policy was adopted for the period up to 2025. This study examines the main stages of the policy and assesses its results in the country as a whole and in the Altai region in particular. The study shows that the decline in population size in the region is primarily due to rural areas, with changes in gender proportions and an increase in the natural population loss coefficient, which is growing at a faster pace among the rural population. The study also assesses the impact of migration on demographic indicators and finds that financial factors are not the only reason for the current situation. To address these demographic challenges, concrete action must be taken at the municipal level, with socio-economic measures incorporated into the policy. Furthermore, it is important to educate the younger generation in patriarchal traditions to ensure long-term solutions.

Keywords: demographic problems, the Conception of the Demographic Policy, demographic natural motion coefficient, natural motionratio, gender population groups, the population size decline, migration processes.

Одной из важнейших проблем современного мира является демографический кризис, который в большей или меньшей степени проявляется практически во всех странах, где основная часть граждан представлена так называемым «белым населением». Тенденция формирования народонаселения этих стран связана, в первую очередь, с сокращением этой части населения по причине низкой рождаемости и старения.

Российская Федерация не является исключением. Многочисленные исследования [1, 2, 3, 4] свидетельствуют о том, что в стране сложилась крайне негативная демографическая ситуация. Ее формирование началось еще в конце прошлого века. Основной причиной, на наш взгляд, послужили глобальные политические изменения в стране, связанные с распадом СССР и кризисом постсоветского периода. Последствия указанных событий проявились в формировании сложной социально-экономической ситуации, отразившейся на чрезвычайно низком уровне жизни большей части населения страны. Перед людьми стоял вопрос элементарного выживания. Демографические проблемы надолго отошли на второй план. В результате невнимания государства к возникшей проблеме в 1990-х годах смертность в 1,5 раза превышала рождаемость. По данным переписи населения 2002 г., численность населения РФ с 1989 г. по 2002 г. сократилась на 1,8 млн чел. (1,3%) [5]. Данная тенденция сохранялась вплоть до 2009 г., когда в обиходе стал активно использоваться термин «демографическая яма».

Не следует забывать также о духовном кризисе, постигшем российское общество на рубеже XX–XXI веков. Он проявился в смене системы семейных ценностей. На место семье, в которой во главу угла ставилось рождение и воспитание детей, пришла семья, основной целью существования которой стало материальное благополучие и комфорт. У молодежи, воспитанной в таком ключе, в приоритете стала карьера, жизнь «для себя». Она склонна отдавать предпочтение партнерским сексуальным отношениям без каких-либо взаимных обязательств. Развод в таких семьях становится нормальным явлением. В результате в обществе обесцениваются патриархальные ценности, которые, в частности, подразумевали многодетность. Отступление от национальных семейных традиций ведет к формированию понятия «мать-одиночка», не предполагающего более одного ребенка в семье, а также ранние аборт, откладывание беременности «на потом». В результате все острее встает проблема бесплодия, ведущая к бездетности семей.

Для решения все более обостряющейся демографической проблемы в стране была принята Концепция демографической политики Российской

Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 17 октября 2007 г. № 1351) [3]. Основными ориентирами разработанной политики послужили увеличение рождаемости, сокращение смертности населения, регулирование внутренней и внешней миграции, то есть общая стабилизация демографической ситуации в стране. Реализация принятой концепции предполагалась в три этапа.

Первый этап, охватывающий период с 2007 по 2010 г., был направлен на преодоление сложившихся негативных тенденций демографического развития. Основная часть разработанных мероприятий направлена на снижение уровня смертности населения от сердечно-сосудистых заболеваний и в результате дорожно-транспортных происшествий. Особое место отводилось мероприятиям по повышению качества оказания медицинской помощи женщинам в период беременности и родов, по развитию перинатальных технологий, уменьшающих риск неблагоприятного исхода беременности и родов. Планировалось осуществление адресной материальной поддержки семьям, имеющим детей, включая проведение индексации пособий. Предполагался широкий круг мер по подготовке и приему в семьи детей, оставшихся без попечения родителей. Помимо этого, предусматривался ряд мер по своевременному выявлению и профилактике профессиональных заболеваний, по трудоустройству женщин с маленькими детьми, по развитию инфраструктуры дошкольного образования. Особое внимание уделялось разработке программ, направленных на популяризацию здорового образа жизни, повышение миграционной привлекательности важных в геополитическом отношении регионов страны.

Первый этап предполагал также разработку региональных программ, направленных на улучшение демографической ситуации и учитывающих специфику каждого региона. А также планировалось сформировать правовую, организационную и финансовую базу для наращивания дальнейших усилий по поддержке и закреплению позитивных тенденций к началу 2011 г.

Второй этап предполагалось реализовать с 2011 по 2015 г. Целевая установка, его определяющая, была ориентирована проведение мероприятий по стабилизации демографической ситуации, достигнутой на предыдущем этапе. Особое внимание было уделено внедрению программ по пропаганде и введению здорового образа жизни населения. По завершении данного этапа предполагалось значительно повысить уровень здоровья граждан РФ и создать благоприятные условия для семей с детьми. В связи с этим начиная с 2010 г. были разработаны меры по расширению строительства доступного семейного жилья, развитию дополнительных образовательных услуг в рамках поддержки

семей, имеющих детей, в форме предоставления материнского (семейного) капитала.

По прогнозам итогов реализации второго этапа, общая численность населения должна была стабилизироваться на уровне 142–143 млн чел., средняя продолжительность жизни — вырасти до 70 лет, суммарный коэффициент рождаемости — увеличиться в 1,3 раза, а уровень смертности — снизиться на треть. При этом ожидалось снижение оттока из страны квалифицированных специалистов и обеспечение миграционного прироста на уровне не менее 200 тыс. человек ежегодно.

На сегодняшний момент реализуется третий этап демографической политики, который должен завершиться в 2025 г. Изначально предполагалось, что в ходе его реализации будут предприниматься меры по превентивному воздействию на возможное ухудшение демографической ситуации в стране. К их числу следует отнести: дополнительные меры, стимулирующие рождение в семьях второго и третьего ребенка; меры по привлечению на постоянное место жительства в РФ иммигрантов трудоспособного возраста.

Итогом реализации указанной демографической политики должно стать увеличение общей численности населения страны до 145 млн человек, увеличение средней продолжительности жизни до 75 лет, снижение уровня смертности в 1,6 раза и увеличение рождаемости в 1,5 в сравнении с 2006 г., а также ежегодный миграционный прирост более 300 тыс. человек.

Давая предварительную оценку результатов восемнадцатилетнего периода реализации демографической политики, следует отметить, что к 2021 г. общая численность населения достигла 146,2 млн чел. Но этот результат нельзя считать положитель-

ным, так как он меньше уровня 2015 г. (146,3 млн чел.). При этом наблюдалось существенное увеличение численности населения страны в 2015 г., что объясняется присоединением новых территорий — Республики Крым и г. Севастополя. Наметившийся рост численности населения, продолжавшийся вплоть до 2018 г., достигнул максимального значения — 146,9 млн чел. В дальнейшем же наблюдается сокращение, особенно в 2021 г. в сравнении с 2020 г. на 0,5 млн чел. Причиной тому послужила, в первую очередь, пандемия COVID-19 [6, 7].

Рост ожидаемой продолжительности жизни до уровня 75 лет, на наш взгляд, является недостижимым даже к 2025 г., так как медленный поступательный рост этого показателя, наметившийся с начала реализации указанной политики и достигший в 2019 г. своего максимального значения (73 года) вновь начал снижаться, достигнув в 2021 г. уровня 2012–2014 гг. (70 лет).

Недостижимым в рамках существующей системы мер является и прогнозируемый рост рождаемости. За последние 10 лет сокращение этого показателя составило 26,5%. При этом рост смертности за этот же период сложился на уровне 28%.

И совсем уже призрачным на данный момент является обеспечение миграционного прироста на уровне 300 тыс. человек в год. Подтверждением этого служит тот факт, что за период с января по апрель 2022 г. число граждан, эмигрировавших из РФ, выросло в 2,1 раза (на 144,4 тыс. чел.) по сравнению с предыдущим годом [7]. При этом 78,8% покинувших страну граждан эмигрировали в страны СНГ.

Алтайский край, являющийся одним из регионов РФ, не избежал кризисной ситуации с народонаселением (рис. 1).

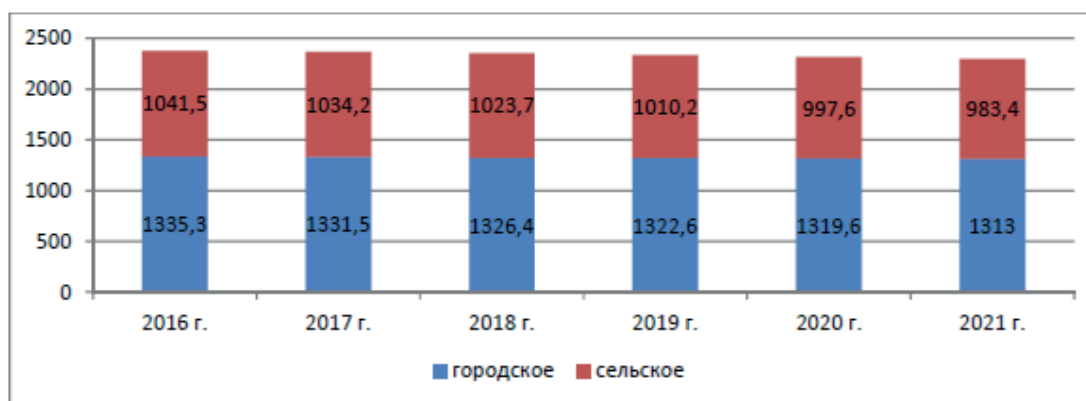

Рис. 1. Динамика численности населения Алтайского края, проживающего в городской и сельской местности, тыс. чел.

Согласно данным, приведенным на рисунке 1, городское население края за рассматриваемый период сократилось на 1,7%, а сельское — на 5,6%.

Плотность населения, составлявшая в 2016 г. 14,1 человек на 1 кв. км, к концу 2021 г. снизилась до 13,6 человек. При этом отмечается рост плотно-

сти населения при приближении к краевому центру: Каменский район — 13,6 чел., Бийский — 13,9

чел., Первомайский — 15,2 чел., Павловский район — 17,4 чел.

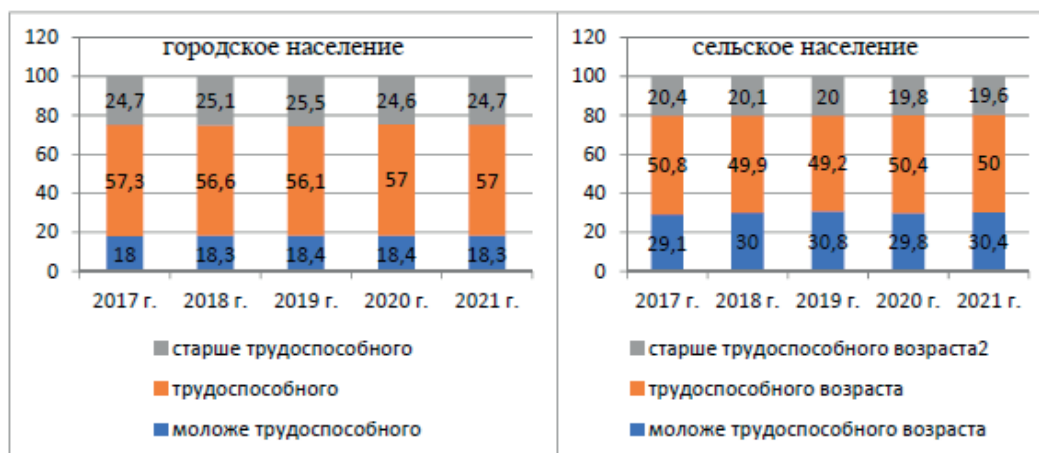

Рис. 2. Соотношение возрастных групп в структуре городского и сельского населения Алтайского края, %

Оценивая возрастной состав жителей края, следует отметить важную негативную тенденцию: из года в год идет сокращение городского населения, не вступившего в трудоспособный возраст, что объясняется снижением рождаемости в регионе (рис. 2). Численность молодежи нетрудоспособного возраста на селе отличается большей стабильностью. Если в городах края нетрудоспособной молодежи проживает в среднем 18,3% от общей численности, то в сельской местности — около 30%. Пожилое городское население колеблется на уровне 25%, а сельское — 20%.

Достаточно сложная ситуация в крае сложилась с демографической нагрузкой. Максимального своего значения за последние пять лет она достигла в 2018 г. На каждую 1000 человек трудоспособного населения в крае приходилось 882,2 нетрудоспособных лица (рис. 3). В последующие годы данный показатель несколько сократился, но уровня 2016 г. достигнуто не было. При этом в некоторых районах края эта цифра еще более удручающая. В 2020 г. в Алейском районе она составляет 1233,5 человек, Баевском — 1213,1, Быстроистокском — 1204,6, Усть-Пристанском — 1261,9 человек.

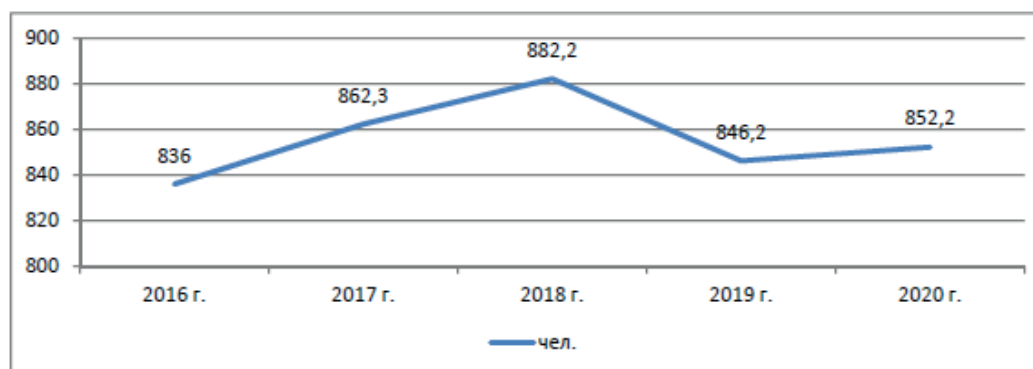

Рис. 3. Динамика демографической нагрузки в Алтайском крае, человек

Согласно проведенным исследованиям, в 2021 г. из общей численности жителей края 53,8% составляют женщины, 46,2% — мужчины. Детальное изучение динамики гендерного состава населения Алтайского края (рис. 4) показало, что в категории лиц моложе трудоспособного возраста и на селе, и в городе преобладают дети и под-

ростки мужского пола. При этом в городах края их проживает на 25% больше, чем на селе. В категории лиц трудоспособного возраста численность мужского и женского населения практически сравнивается, а в категории пожилого населения старше трудоспособного возраста женщин становится существенно больше. Причем среди городского на-

селения женщин указанной категории в 2,5 раза больше, чем мужчин, а на селе — в 2 раза.

Анализ количественного соотношения гендерных групп, проживающих в сельской и городской местности, показал, что в городах края в 2021 г.

на каждую 1000 мужчин приходится около 1208 женщин. За рассматриваемый период этот показатель вырос на 0,5%. Среди жителей сел и деревень края в расчете на 1000 мужчин в 2021 г. приходится 1115 женщин, что на 0,4% меньше, чем в 2017 г.

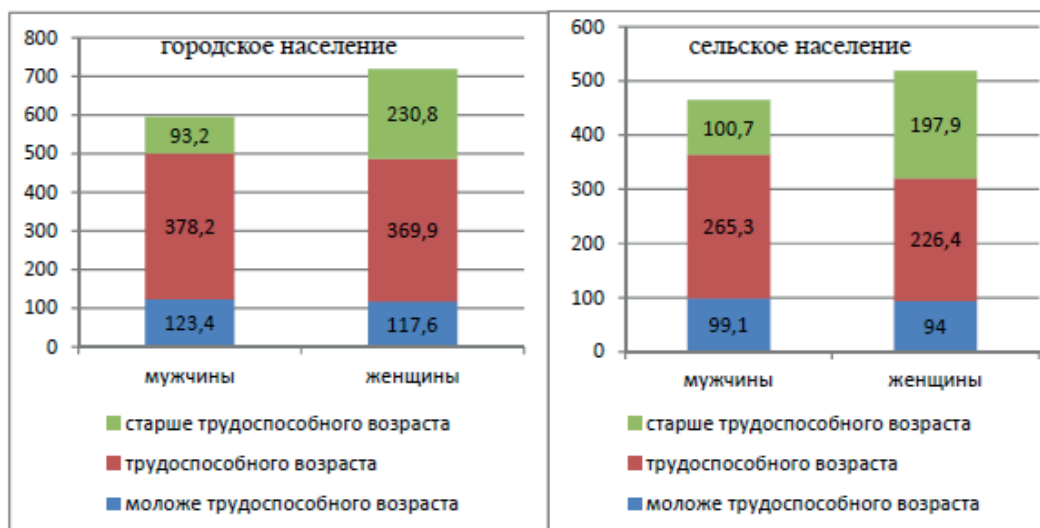

Рис. 4. Соотношение гендерных групп в структуре городского и сельского населения Алтайского края, тыс. чел.

Причины сложившейся ситуации кроются, в первую очередь, в динамике естественного движения населения, оценка которой проводилась посредством коэффициентов естественного дви-

жения, отражающих число родившихся, умерших и прирост на 1000 человек населения края соответственно (рис. 5).

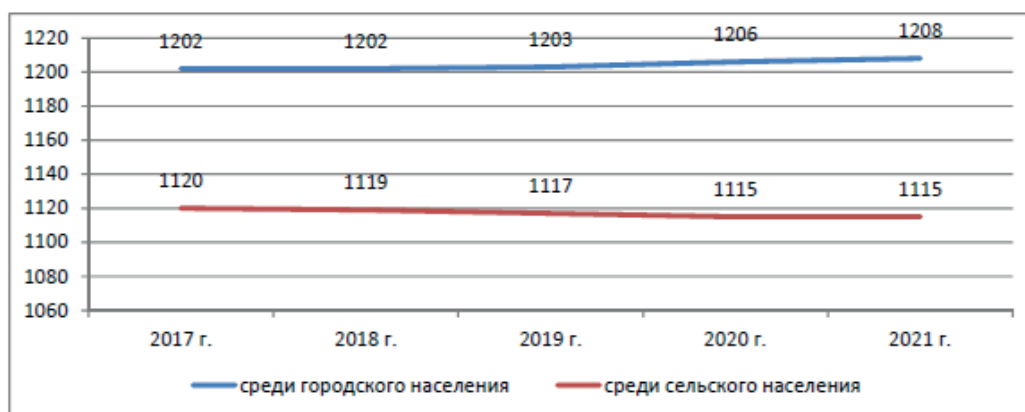

Рис. 5. Динамика числа женщин, приходящихся на 1000 мужчин

в составе городского и сельского населения Алтайского края, чел.

В результате проведенного анализа динамики коэффициентов движения городского и сельского населения было установлено, что за период с 2016 по 2020 г. в Алтайском крае наблюдается увеличение коэффициента естественной убыли населения региона с 0,2 до 7,3 — среди городско-

го населения и с 4,1 до 8,8 — среди сельского. Это связано, в первую очередь, с возрастающим числом умерших, по сравнению с числом родившихся (в 2020 г. число умерших жителей города в 1,8 раза превысило число родившихся, а число умерших в сельской местности в 2 раза превысило число родившихся; в 2019 г., соответственно, — 1,4 и 1,7 раза). В 2020 г. максимально проявилась

кризисность сложившейся ситуации. Естественная убыль городского населения в 2 раза превысила показатели предыдущего года, а естествен-

ная убыль сельского населения выросла на 37,5%. Причиной этому послужила пандемия COVID-19 (рис. 6).

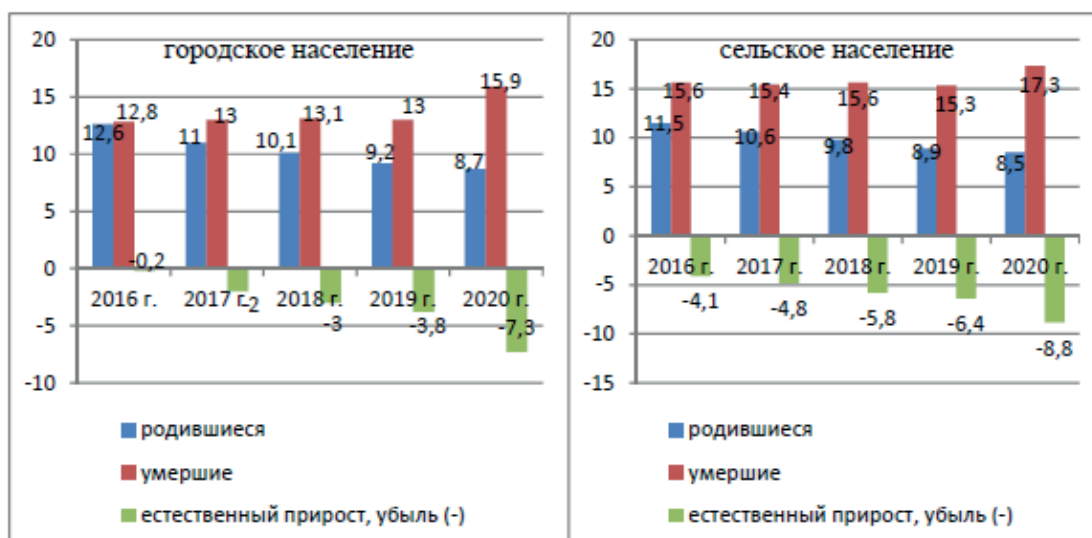

Рис. 6. Динамика коэффициентов естественного движения городского и сельского населения Алтайского края, чел.

Протекающие в крае демографические процессы, связанные с естественным движением населения, отразились на показателях продолжительности жизни. В 2020 г. в среднем по краю она составила 71,11 года. Среди ближайших сосе-

дей Алтайский край по продолжительности жизни опережает Кемеровскую область (69,32 года), Республику Алтай (70,59 года), оставаясь позади Новосибирской области (71,83 года), Омской (71,96 года) и Томской области (72,84 года).

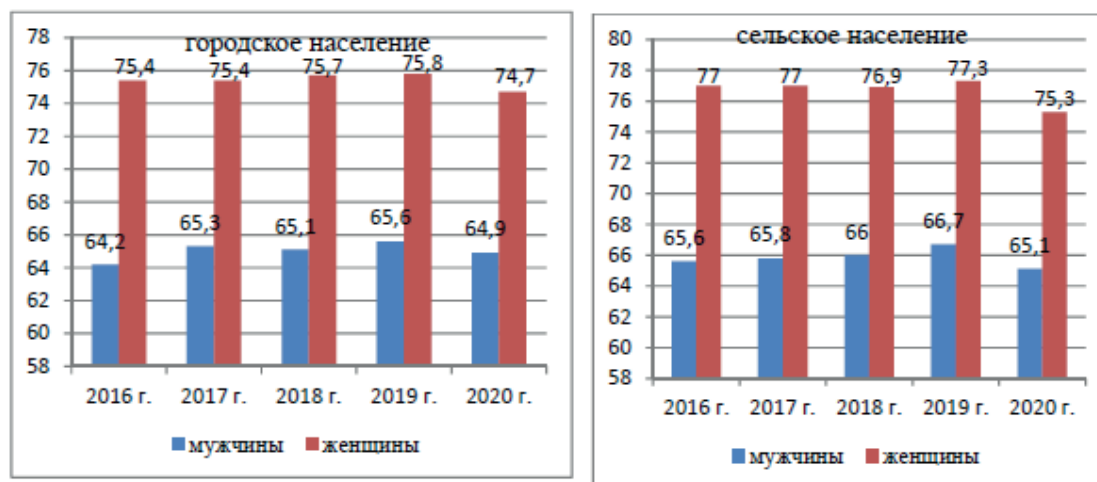

Рис. 7. Динамика средней продолжительности жизни городского и сельского населения Алтайского края, лет

По данным рисунка 7 можно отметить, что средняя продолжительность жизни у жителей сельского населения Алтайского края немного выше, чем у жителей городского населения. Причем это отмечается как у женщин, так и мужчин на протяжении всего периода исследования. Вме-

сте с тем продолжительность жизни у женщин гораздо выше, чем у мужчин, примерно на 10 лет, что говорит о наличии серьезных проблем в гендерной дифференциации смертности населения региона [8].

Отметим, что до 2020 г. динамика по продолжительности жизни в Алтайском крае была в целом положительной, но вмешался COVID-19 [9]. Показатель смертности к 2021 г. вырос с уже упомянутых 14,2 случая на тысячу жителей до 19,1. Сразу на три года снизилась и средняя продолжительность жизни.

Следует отметить, что в Алтайском крае, как и в России в целом, уровень смертности недопустимо высок и вносит значительный вклад

в масштабы наблюдающейся естественной убыли населения. На протяжении уже более четырех десятилетий основная направленность динамики смертности была восходящей, но первоначально это происходило довольно медленными темпами.

На рисунке 8 представлена динамика коэффициента смертности, отражающего число умерших на 1000 человек соответствующей группы среди гендерных групп Алтайского края.

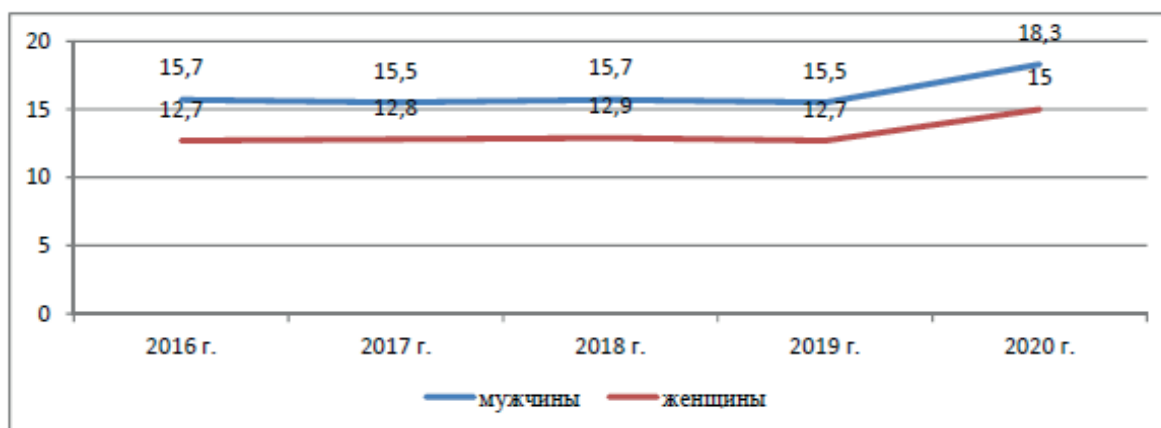

Рис. 8. Динамика коэффициента смертности среди гендерных групп Алтайского края, чел.

Динамика коэффициента смертности среди гендерных групп показывает, что в Алтайском крае смертность мужчин значительно выше смертности женщин, при этом и та, и другая имеют тенденцию к увеличению.

Помимо естественных факторов на демографические показатели в крае существенное влияние оказывают миграционные процессы. Миграция населения — это сложный общественный процесс, воздействующий практически на все стороны экономической, социальной и культурной жизни края. Под их влиянием изменяется половозрастная структура населения; трансформируется этнический, социальный состав; в районах с оттоком населения, превышающим воспроизводство, снижается рождаемость, повышается доля населения преклонного возраста; в районах с притоком мигрантов растет доля лиц молодого возраста, увеличиваются темпы воспроизводства; изменяется количество и качество трудовых ресурсов.

На рисунке 9 представлена динамика внутренних миграционных процессов в городской и сельской местности Алтайского края. Следует отметить, что интенсивность миграции среди сельских жителей превышает миграционную активность городского населения на протяжении всего периода исследования. В ходе оценки внутренних ми-

грационных процессов городского населения был выявлен поступательный его прирост. При этом фиксируются два четко выраженных пика, характеризующих приток мигрантов в 2018, 2019 гг., которые проявились в 11% приросте городского населения края за эти два года. На фоне сохраняющих стабильную динамику процессов выбытия городского населения за пределы края также отмечается резкое сокращение числа выбывших в 2020 г. (на 22,6%).

Сельская местность Алтайского края более всего подвержена рискам, возникающим в процессе внутрирегиональных перемещений. Особенно это касается территорий с низким уровнем развития производства, отсутствием объектов социальной инфраструктуры. В связи с этим миграционные процессы в сельской местности носят обратный характер. Максимального значения отток населения из сельской местности края за его пределы достиг в 2018 г., составив 4391 человек. В последующие годы отток сократился, достигнув к 2020 г. 4240 человек.

Наряду с внутренней миграцией в крае наблюдаются и международные миграционные процессы. Они не имеют массового характера и по объемам значительно уступают внутренней миграции (рис. 10).

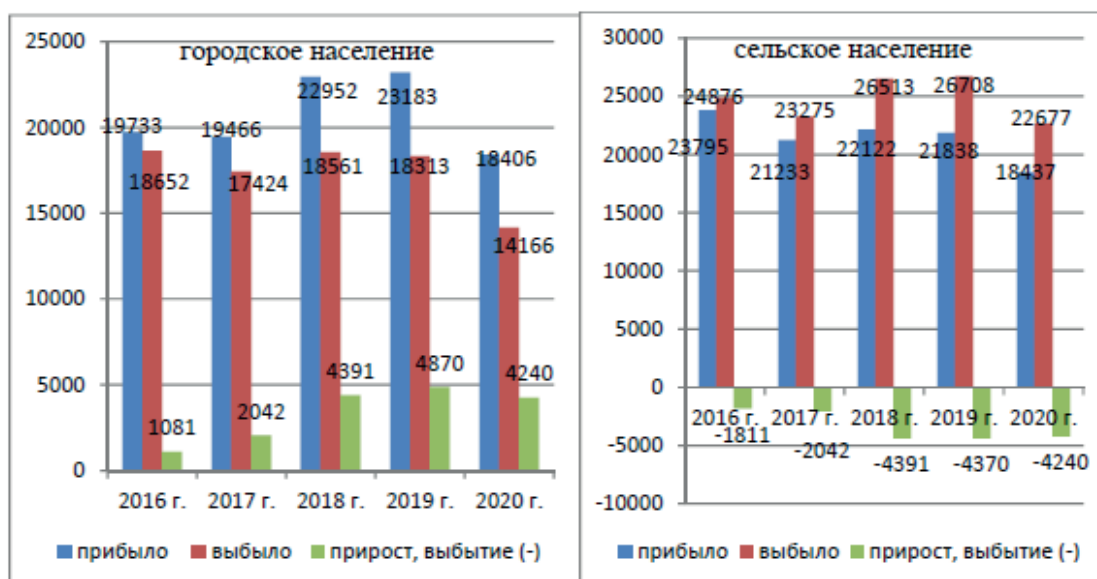

Рис. 9. Динамика внутренних миграционных процессов в городской и сельской местности Алтайского края, чел.

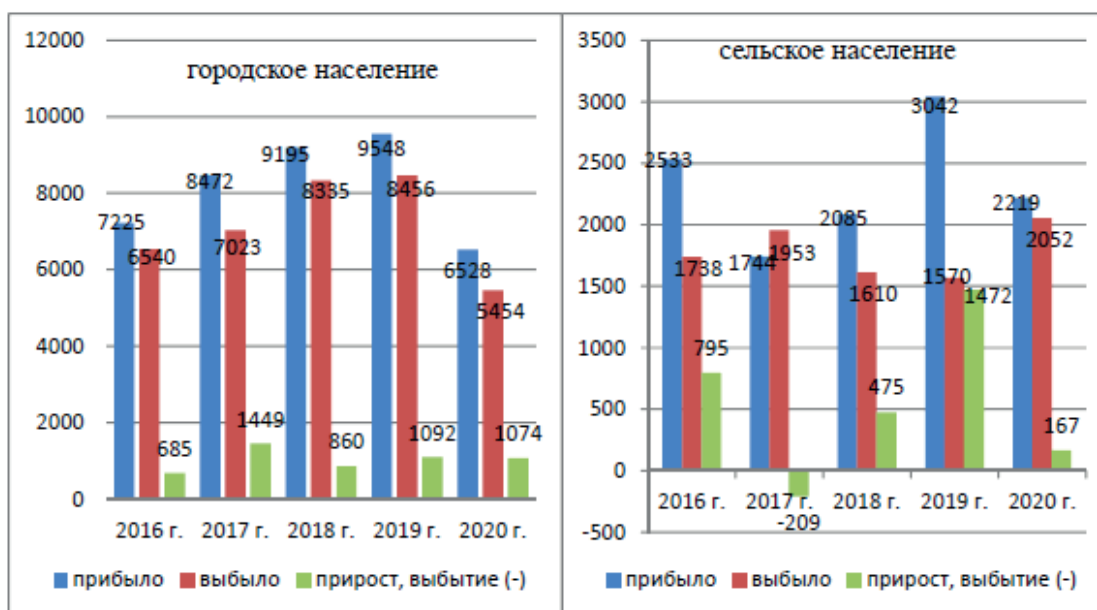

Рис. 10. Динамика международных миграционных процессов в городской и сельской местности Алтайского края, чел.

В отличие от внутренней миграции, за пределы страны из края выезжают по большей части городские жители. В 2020 г. покинувших край и страну городских жителей было в 2,7 раза больше, чем сельских. Максимального значения международная миграция среди городского населения достигла в 2019 г., составив 8456 человек, а сельского — в 2020 г., составив 2052 человека. Специфика международных миграционных процессов состоит

в том, что на протяжении всего периода исследования отмечается превышение числа прибывшего населения по сравнению с выбывшим, как в городе, так и на селе. Причем в города края прибывает почти в 3 раза больше населения, чем в сельскую местность.

Анализируя причины сложной демографической ситуации в крае, следует, в первую очередь, остановиться на экономической составляющей, так

как развитие экономики и соответствующий ему уровень жизни населения в научной среде единогласно признаются важнейшими факторами демографического развития [1, 2, 10].

Будучи аграрным регионом с высокой степенью риска основного вида хозяйственной деятельности, край обладает низкой инвестиционной привлекательностью, что определяет его ограниченные финансовые возможности в обеспечении уровня жизни населения. Но при этом анализ исполнения краевого бюджета за период с 2012 по 2021 г. показал, что доходная часть краевого бюджета поступательно увеличивалась [11]. Средний темп роста за период составил 9,63%. Также поступательно в крае растут бюджетные расходы, которые по среднему темпу роста (11,48%) опережают доходы. За 10 рассматриваемых лет доходы бюджета края выросли в 2,2 раза, а расходы — в 1,9 раза.

Анализ структуры расходной части бюджета показал, что основную долю в структуре расходов занимают расходы на проведение социальной политики — в среднем 28,21%. Более 30% в структуре расходов они стали занимать начиная с 2017 г.

Второе место в структуре расходов занимают расходы на образование. На их долю приходится 23,26% в среднем за рассматриваемый период. Динамика этого вида расходов в крае является очень стабильной. Никаких существенных изменений в анализируемом периоде с ними не происходило.

Очень сложное положение в крае сложилось с расходами на здравоохранение. Если до 2016 г. на их долю приходилось в среднем около 22,41%, то в 2017 г. произошло падение до 8,87%. К концу 2021 г. ситуация с этим показателем несколько выровнялась, он поднялся лишь до 12,51%. Но все же уровня 2012 г. достигнуто не было. Последствия проведенного сокращения расходов на здравоохранение проявились особенно ярко в условиях пандемии коронавируса. Система здравоохранения Алтайского края оказалась неготовой к огромному наплыву больных, что повлекло за собой ужасающую статистику смертности населения.

На решение национальных вопросов экономики из бюджета края в среднем за последние 10 лет выделялось 17,1% от общей суммы расходов. При этом о сложности ситуации свидетельствует тот факт, что в 2012 г. доля этих расходов составляла 19,9%, а в 2021 г. — только 16,7%. Начиная с 2017 г. рассматриваемый показатель неуклонно сокращается. Несомненно, это нашло свое отражение в развитии экономики региона и уровне жизни населения, что, в свою очередь, объясняет стремление жителей края покинуть родные места и искать более перспективные территории для проживания внутри страны и за ее пределами.

Как же обстоит дело с демографическими проблемами в экономически развитых странах, которые вызывают интерес у российских мигрантов?

Согласно данным статистического ведомства Германии, в 2021 г. на 1 умершего человека приходится 0,7 родившихся, на долю пожилого населения в возрасте от 65 лет и старше приходится 18,1% от общей численности населения [12]. Несмотря на высокий уровень экономического развития, Германия занимает одно из последних мест в Евросоюзе по уровню рождаемости [13]. Но при этом средняя продолжительность жизни в стране составляет около 80 лет.

Япония, не уступающая Германии по уровню экономического развития, испытывает те же демографические проблемы. В 2021 г. на одного родившегося приходилось 5,8 умерших людей. Доля пожилого населения в возрасте от 65 лет и старше составляет 29,1%. Для Японии также характерна высокая продолжительность жизни. В 2021 г. она достигла 83,5 года [14].

Оба эти примера свидетельствуют о том, что даже странам с высоким экономическим развитием не удается обеспечить необходимый уровень рождаемости, который является одним из основных естественных факторов демографического прироста и «омоложения» населения страны. Следовательно, решая проблемы демографического развития России и Алтайского края в частности необходимо уделять особое внимание не только вопросам экономического развития территорий, но и вопросам воспитания молодого поколения в патриархальных традициях, подразумевающих создание традиционных семей с большим количеством детей. Формирование у детей традиционных семейных ценностей необходимо начинать с системы дошкольного образования и начальной школы. Государству следует ужесточить контроль за пропагандой образа жизни, выходящего за рамки традиционных семейных ценностей. Указанному ориентиру как нельзя лучше соответствует высказывание финского политика: «Будущее нации зависит не от числа автомобилей, а от числа детских колясок» [15].

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что решение демографических проблем невозможно обеспечить абстрактными мерами. Для эффективного решения этих проблем нужна их конкретизация на уровне отдельных муниципальных образований, которые иногда имеют разнонаправленные векторы демографического развития. Следовательно, и механизм воздействия на них должен включать в себя различные социально-экономические меры. От выбора инструментов демографической политики в том или ином регионе страны во многом будет зависеть решение ряда

актуальнейших вопросов, касающихся формирования рынка труда в регионах, развития его производительных сил. Формируя демографическую политику, необходимо следовать, на наш взгляд, идеям французского ученого-демографа А. Сови, кото-

рый утверждал, что надо обладать политической волей, принципиальностью и дальновидностью, принимая решения в пользу долгосрочных проблем в ущерб сиюминутной выгоде и интересам отдельных групп населения [15].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рудой В. В., Воронцов С. А., Понеделков А. В., Ляхов В. П., Васьков М. А., Яланский А. П. Демографическое развитие России: проблемы и пути решения // Информационно-аналитические материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 26 апреля 2021 г. Ростов-на-Дону, 2021. 320 с.
2. Аверин А. Н., Понеделков А. В., Стельмах С. А., Омельченко И. В. Демографическая структура российского населения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11.
3. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351). URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 17.11.2022).
4. Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д. Демографические проблемы геостратегических территорий Дальнего Востока России // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 4. С. 153–160.
5. Доклад Госкомитета России «Об итогах Всероссийской переписи 2002 года» на заседании Правительства Российской Федерации 12 февраля 2004 года. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0147/rer01.php> (дата обращения: 16.11.2022).
6. Продолжительность жизни по данным Росстат. URL: <https://rosinfostat.ru/prodolzhitelnost-zhizni/#i> (дата обращения: 17.11.2022).
7. Население России в 2022 году: динамика за 20 лет. URL: <https://novomoscow.ru/info/naselenie-rossii-v-2022-godu-dinamika-za-20-let/?ysclid=laam8ug8mc57804493> (дата обращения: 20.11.2022).
8. Кудинова М. Г., Шевчук Н. А. Меры государственной финансовой поддержки развития кадрового потенциала АПК Алтайского края // Инновации и современные технологии в производстве и переработке сельскохозяйственной продукции: сборник статей по материалам Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Курган, 20 января 2022 года. Курган, 2022. С. 510–514.
9. До 68 и старше. Алтай переживает падение продолжительности жизни на фоне ковида. URL: <https://tolknews.ru/medicina/120749-kakova-prodolzhitelnost-zhizni-v-altayskom-krae-i-kak-ona-budet-menyatsya> (дата обращения: 21.11.2022).
10. Ращупкин В. В., Ляхов В. П. Место и роль местного самоуправления в реализации государственной демографической политики // Демографическое развитие России: проблемы и пути решения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ростов-на-Дону, 26 апреля 2021 года. Ростов-на-Дону, 2021. 375 с.
11. Информация об исполнении краевого бюджета за 2021 год. URL: https://minfin.alregn.ru/isp/ispbud/o2021/o2021_4005.html (дата обращения: 16.11.2022).
12. Население Германии. URL: <https://rosinfostat.ru/naselenie-germanii/> (дата обращения: 24.11.2022).
13. Как стимулируют рождаемость в Германии. URL: <https://dzen.ru/media/solidarnost.org/kak-stimuliruiut-rojdaemost-v-germanii-5e381e5dfe8bfa6e88d10bc5> (дата обращения: 24.11.2022).
14. Население Японии: плотность, демография, численность, проблемы. URL: <https://ojapan.ru/naselenie-yaonii/> (дата обращения: 24.11.2022).
15. Нигматуллина Т. А. Рынок труда в контексте демографических процессов (на примере Республики Башкортостан) // Демографическое развитие России: проблемы и пути решения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ростов-на-Дону, 26 апреля 2021 года. Ростов-на-Дону, 2021. 375 с.

REFERENCES

1. Rudoy V. V., Vorontsov S. A., Ponedelkov A. V., Lyakhov V. P., Vaskov M. A., Yalansky A. P. Demographic development of Russia: problems and solutions // Information and analytical materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Rostov-on-Don, 2021. 320 p.

2. Averin A. N., Ponedelkov A. V., Stelmakh S. A., Omelchenko I. V. Demographic structure of the Russian population // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. No. 11.
3. The concept of demographic policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated October 9, 2007 No. 1351) URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (date of access: 17.11.2022).
4. Simagin Yu. A., Murtuzaliev D. D. Demographic problems of geostrategic territories of the Russian Far East // Population. 2020. Vol. 23. No. 4. Pp. 153–160.
5. Report of the State Committee of Russia “On the results of the All-Russian Census of 2002” at the meeting of the Government of the Russian Federation on February 12, 2004. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0147/perep01.php> (date of access: 16.11.2022).
6. Life expectancy according to Rosstat URL: <https://rosinfostat.ru/prodolzhitelnost-zhizni/#i> (date of access: 17.11.2022).
7. The population of Russia in 2022: dynamics over 20 years. URL: <https://novomoscow.ru/info/naselenie-rossii-v-2022-godu-dinamika-za-20-let/?ysclid=laam8ug8mc57804493> (date of accessed: 20.11.2022).
8. Kudinova M. G., Shevchuk N. A. Measures of state financial support for the development of the personnel potential of the agro-industrial complex of the Altai Territory // Innovations and modern technologies in the production and processing of agricultural products: a collection of articles based on the materials of the All-Russian (national) scientific and practical conference. Kurgan, 2022. Pp. 510–514.
9. Up to 68 and older. Altai is experiencing a drop in life expectancy against the background of the covid. URL: <https://tolknews.ru/medicina/120749-kakova-prodolzhitelnost-zhizni-v-altayskom-krae-i-kak-ona-budet-menyatsya> (date of access: 21.11.2022).
10. Raschupkin V. V., Lyakhov V. P. The place and role of local self-government in the implementation of state demographic policy // Demographic development of Russia: problems and solutions: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Rostov-on-Don, 2021. 375 p.
11. Information about the execution of the regional budget for 2021. URL: (date of access: 16.11.2022).
12. Population of Germany URL: <https://rosinfostat.ru/naselenie-germanii/> (date of access: 24.11.2022).
13. How to stimulate fertility in Germany. URL: <https://dzen.ru/media/solidarnost.org/kak-stimuliruiut-rojdaemost-v-germanii-5e381e5dfe8bfa6e88d10bc5> (date of access: 21.11.2022).
14. Population of Japan: density, demography, population, problems. URL: <https://ojapan.ru/naselenie-yaponii/> (date of access: 21.11.2022).
15. Nigmatullina T. A. Labor market in the context of demographic processes (on the example of the Republic of Bashkortostan) // Demographic development of Russia: problems and solutions: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Rostov-on-Don, 2021. 375 p.

Поступила в редакцию: 26.12.2022.

Принята к печати: 16.01.2023.

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

1. Абрамов Николай Максимович, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета, (Барнаул, Россия), e-mail: anma_12@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-8656-985X.

2. Асканова Оксана Владимировна, доктор экономических наук, заместитель директора Рубцовского индустриального института (филиала) Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, (Рубцовск, Россия), e-mail: askanova@yandex.ru.

3. Беляев Виктор Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: belyaev@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-7341-1252.

4. Бородин Владимир Андреевич, доктор экономических наук, консультант ООО «Барнаульский завод автоформованных термостойких изделий» (Барнаул, Россия), e-mail: vab4788@mail.ru.

5. Бородин Владимир Дмитриевич, аспирант кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: Bor5.v@yandex.ru.

6. Деркач Наталья Олеговна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита Алтайского государственного университета, (Барнаул, Россия), e-mail: derkach@mail.asu.ru, ORCID ID: 0000-0002-5163-4666.

7. Дубина Игорь Николаевич, доктор экономических наук, профессор кафедры применения математических методов в экономике и планировании Новосибирского национального исследовательского университета (Новосибирск, Россия), профессор кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: igor_dubina@yahoo.com. ORCID ID: 0000-0002-6241-0932.

8. Жахов Николай Владимирович, доктор экономических наук, доцент кафедры экономики управления и аудита Юго-Западный государственный университет, (Курск, Россия), e-mail: zhakhov@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-4149-0662.

9. Захматов Дмитрий Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент Высшей Школы Бизнеса Казанского федерального университета (Казань, Россия), e-mail: z_dmitry@bk.ru. ORCID ID: 0000-0002-0568-0127.

10. Киреева Наталья Викторовна, практикующий психолог по специальности «Психолог служебной деятельности» (Барнаул, Россия), e-mail: natashakireeva50@gmail.com.

11. Киселева Елена Николаевна, аспирант кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия), e-mail: kiseleva_en@internet.ru.

12. Клевцова Екатерина Андреевна, магистрант направления «Психология» Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: fotolife2017@mail.ru.

13. Козырь Юрий Васильевич, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института Российской академии наук (Москва, Россия), президент Ассоциации «Российское общество оценщиков» (Москва, Россия), e-mail: y_k65@mail.ru, ORCID ID: 0000-0003-1695-8101.

14. Крышка Виктор Иванович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: kryshka@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-3817-9662.

15. Кудинова Маргарита Геннадьевна, заведующая кафедрой финансов, бухгалтерского учета и аудита Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия), e-mail: kudinova_margarita@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-7053-7968.

16. Лепешкина Светлана Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: lepeshkinasv@gmail.com. ORCID ID: 0000-0003-4260-0963.

17. Мамлеева Эльвира Рашидовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Академии наук Республики Башкортостан (Уфа, Россия), e-mail: mamleevaer@isi-rb.ru. ORCID ID: 0000-0002-4165-257X.

---

18. Мартенс Анна Андреевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: ann-martens@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0002-2176-3496.

19. Межов Степан Игоревич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов и кредита, директор Международного института экономики, менеджмента и информационных систем Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: megoff@mail.ru.

20. Родионова Людмила Васильевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: lvrieie@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-2343-2466.

21. Рудакова Оксана Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета, (Барнаул, Россия), e-mail: rudoksana@yandex.ru. ORCID ID: 0001-9714-2483.

22. Сазыкина Марина Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Академии наук Республики Башкортостан, (Уфа, Россия), e-mail: sazykinamyu@isi-rb.ru. ORCID ID: 0000-0001-5538-9912.

23. Санникова Инна Николаевна, доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономической безопасности, учета, анализа и аудита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: sannikova00@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-5457-6812.

24. Сергиенко Алие Мустафаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия); профессор кафедры государственного и муниципального управления Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Барнаул, Россия), e-mail: a.m.sergienko@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-8615-7329.

25. Сурай Наталья Михайловна, кандидат технических наук, доцент базовой кафедры кафедры торговой политики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, (Москва, Россия), e-mail: Suray.NM@rea.ru.

26. Трофимова Наталья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Академии наук Республики Башкортостан (Уфа, Россия), e-mail: trofimova_nv@list.ru. ORCID ID: 0000-0002-9162-9757.

27. Троцковский Александр Яковлевич, доктор социологических наук, заведующий лабораторией социально-экономических исследований Алтайского края Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, профессор кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: trotskovskiy@dc.asu.ru. ORCID ID: 0000-0002-3233-8570.

28. Чиркова Ольга Александровна, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики и управления Рубцовского индустриального института (филиала) Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия), e-mail: olgach2010@mail.ru.

29. Шамардина Марина Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: marav_sh@mail.ru.

30. Шатохин Михаил Викторович, доктор экономических наук, профессор департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: shatohinm@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-3829-2972.

31. Шевчук Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и аудита Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия), e-mail: basurman80@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-8985-3445.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС»

ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES FOR "ECONOMICS PROFESSION BUSINESS"

1. Статья представляется в электронном варианте по адресу: epb@asu.ru:

- Название файла по фамилии автора или первого из авторов.
- Используется одна из последних версий текстового редактора WORD.
- Объем публикации не должен превышать 0,5 п. л. (20 000 знаков с пробелами или примерно 11 страниц, включая список литературы, сведения об авторах и иллюстрации); для кандидатов и докторов наук объем публикаций не должен превышать 1,0 п. л. (40 000 знаков с пробелами или примерно 22 страницы), минимальный объем статьи составляет 0,35 п. л. (14 500 знаков с пробелами или примерно 8 страниц). Таблица или рисунок формата А4 составляет 5 400 знаков с пробелами.
- Публикации принимаются на русском и английском языках.

2. Статьи, поступающие в редколлегию, **проверяются с использованием системы «Антиплагиат»**; авторам рекомендуется перед отправкой проверять свои статьи на степень оригинальности текста.

3. К статье прилагаются:

- рекомендация кафедры (научного семинара кафедры) отсканированная в цвете (по возможности);
- письмо-согласие с заверенной подписью (подписями) автора (авторов) статьи, отсканированные в цвете.
- для аспирантов обязательным документом является справка об обучении в аспирантуре.

4. Структура статьи:

- индекс УДК, который проставляется в левом верхнем углу первой страницы рукописи;
  - название статьи;
  - инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на русском языке (например, И. И. Иванов, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия));
  - аннотация на русском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Аннотация» не используется), ключевые слова к публикации на русском языке (от 5 до 10 слов);
  - название статьи на английском языке;
  - инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на английском языке (например, I. I. Ivanov, Altai State University (Barnaul, Russia));
  - аннотация на английском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Abstract» не используется), ключевые слова к публикации на английском языке (Keywords, от 5 до 10 слов);
  - собственно текст статьи;
  - библиографический список;
  - references;
  - таблицы с заголовками;
  - рисунки с подписями;
  - сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, ученая степень, должность, место работы, телефон для связи), адрес с указанием почтового индекса, электронный адрес (e-mail) и ORCID ID (при наличии).
-

5. Для основных текстов на английском языке сначала указываются название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова к публикации на английском языке, затем все то же самое на русском языке.

6. По содержанию в тексте должны присутствовать:

- вводная часть (введение), содержащая обзор современных публикаций по данной тематике, в том числе зарубежных авторов, и четко формулирующая актуальность и цель работы;
- описание методов и методик проводимого исследования;
- полученные результаты и их обсуждение;
- заключительная часть (заключение) с выводами по работе.

7. Требования к тексту, представленному в WORD:

- формат A4 (21x30 см);
- используемые версии текстового редактора — MSWord 2003 и выше;
- рисунки представляются в виде отдельных файлов в форматах JPG, TIFF, BMP, PNG с разрешением не менее 300 dpi;
- набор формул производится с помощью редактора Math Type;
- интервал между строками — 1,5;
- шрифт — гарнитура Times New Roman;
- размер шрифта — 14 кегль;
- все поля по 2 см;
- текст неформатированный;
- текст должен быть разбит на абзацы, абзацный отступ 1,25 см;
- без переносов;
- возможно выделение текста шрифтами (жирный, курсив);
- возможно употребление спецсимволов (% и др.).

8. Библиографический список кириллицей оформляется следующим образом:

а) статьи в периодических изданиях:

Ермолина Л. Т. Откуда у парня афганская грусть? // Алтайская правда. 2001. № 2. С. 2–5.

б) монографии, учебники и учебные пособия:

Антонян Ю. М. Преступность в федеральных округах России: монография. М., 2012. С. 117;

в) сборники статей и труды конференций:

Кубишин Е. С. Гендерные проблемы занятости и рынка труда Москвы // Гуманитарные, экономические и правовые проблемы современного общества: сб. науч. трудов / под общ. ред. В. Хозова. М., 2014. С. 72–87;

г) электронные источники:

Гужвенко Ю. Н. В Алтайском крае активно действует казахская диаспора. URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5196/> (дата обращения: 05.10.2018).

Гиперссылку необходимо всегда заканчивать знаком «/».

д) ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

е) если для цитируемого источника существует DOI (Digital Object Identifier), его следует указывать в конце источника после точки в следующем виде: DOI: префикс/суффикс (например: DOI: 10.14258/izvasu (2014) 1.1–01).

Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Сам список литературы под заголовком «Библиографический список» приводится после основного текста в порядке цитирования (один пункт списка — одно наименование). Один и тот же источник в библиографическом списке указывается один раз, в тексте статьи при повторной ссылке указывается в квадратных скобках номер, который использовался первый раз.

Раздел «References» оформляется на английском языке, при оформлении учитывается порядок библиографического списка на русском языке.

9. Требования к рисункам (схемам, графикам, диаграммам) и таблицам:

- рисунки должны иметь подписи;
- таблицы должны иметь заголовки;
- сокращения должны быть объяснены;

- сканированные изображения не принимаются;
- размер шрифта в рисунках и таблицах — не менее 10 кегля;
- не допускается использование заливки, цвет контуров — черный.

10. Библиографический список должен содержать, как правило, не менее 10 источников, содержащих ссылки как на отечественные, так и на зарубежные монографии и статьи в ведущих научных журналах.

11. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (в том числе изменять заголовки и сокращать тексты) без согласования с авторами и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки. При соответствующей доработке статья может быть опубликована. Отклоненные редколлегией журнала статьи авторам не возвращаются.

Контакты

Публикацию, оформленную по всем правилам, необходимо выслать на адрес редакционной коллегии: epb@asu.ru

Адрес редколлегии:

656049, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68, к. 113

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

2023. № 1

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер ПИ № ФС77–77154 от 10 декабря 2019

Литературный редактор *С. И. Тесленко*
Подготовка оригинал-макета *О. В. Майер*

Подписано в печать 10.03.2023.
Дата выхода в свет 15.03.2023.

Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 16,3. Тираж 500 экз. Заказ 140. Цена свободная.

Издатель: Алтайский государственный университет
Адрес издателя: 656049 Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Типография Алтайского государственного университета
Адрес типографии: 656049 Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68, ауд. 113
